

Розмэри Сатклиф Алый знак воина

Я шлю привет моим русским читателям и очень надеюсь, что они полюбят мои книги и что герои этих книг, которые для меня реальные, живые люди, полюбят их.

Розмэри Сатклиф

Глава I АЛАЯ ПРЯЖА

Старый пастух сидел, устремив взгляд в сторону моря, на коленях у него лежало копье с широким наконечником. Маленький, сухонький старичок, темнокожий, жилистый, как корневище дрока. Здесь, на фоне холмов, он казался такой же неотъемлемой частью пейзажа, как и низкорослый боярышник у него за спиной. Глаза старика, окруженные сеткой мелких морщин, зорко глядели из-под седых лохматых бровей — натруженные глаза человека, привыкшего всматриваться вдаль и в стужу, и в зной, и в дождь. Вся одежда пастуха состояла из бараньей шкуры, опоясывающей бедра. На темной обнаженной спине, на боках отчетливо проступали серебристые полосы выпуклых рубцов — следы многочисленных волчьих когтей. У ног его лежали две пастушьи овчарки: одна, старая и мудрая, как и ее хозяин, с седыми подпалинами на морде, а вторая — совсем еще щенок, резвый и неуклюжий. Тут же, теребя за ухо щенка, примостился на корточках мальчик лет девяти.

Мальчик, как и старик, был полуобнажен, но вместо шкуры на нем была набедренная повязка из грубошерстной крашеной ткани. Старик и мальчик будто явились с разных планет, настолько они были не похожи. Широкоскулое лицо мальчика, выдававшее горячность нрава, было, как и все его тело, густо усеяно золотистыми веснушками. Волосы тоже отливали бронзой, и даже в серых глазах мелькали золотистые пятнышки. Когда мальчик смеялся или сердился, глаза делались совсем золотыми.

Мальчик отпустил собачье ухо и, опершись локтем о колено, уткнулся подбородком в ладонь. Он, не отрываясь, глядел на юг, туда, где мел постепенно уступает место дерну, сплошь покрывающему длинные пологие склоны и гребни оврагов с зарослями орешника и ивняка, туда, где начинаются леса, а за ними, далеко внизу, лежит Страна Болот, и Болота тянутся бесконечно до сверкающей полосы Большой Воды, где кончается земля. Дерн на куче холма был весь иссечен овечьими тропами. До слуха мальчика донесся неясный шорох — тихое чавканье жующего на дне ложбины стада. Еще дальше внизу, на другой стороне холма, он разглядел крошечные фигурки Флэна и собак, стерегущих овец. Флэн свистнул пса, и тотчас же тонкий острый звук, миновав ложбину, прорезал тишину. С юга подул легкий теплый ветер, который принес с собой облака, — ветер прошел над Болотами и пологими склонами Меловой, пахнувшими чабрецом и морем, пригнул в одном направлении головки голубой скабиозы. По дерну, у самых ног, скользнула тень коршуна, а над головой жарко светило солнце — день выдался отменный.

Дрэм — так звали мальчика — тихо вздохнул от удовольствия. Ему нравилось гостить здесь, высоко в горах, у Долая, среди пастухов. И этим летом и прошлым, с тех пор как у него доросли ноги для далеких путешествий, он несколько раз приходил сюда и оставался ночевать. Иногда он спал две ночи подряд вместе с овцами. В этот раз он уже второй день жил у Долая и ночевал в овечьем загоне у пруда. Теперь, как он понимал, настало время вернуться домой.

Он никогда не уходил из дому больше чем на двое суток: мать всегда беспокоилась, а

когда она беспокоилась, рука у нее была тяжелая.

— Хорошо тут, — произнес мальчик.

— Да, тут неплохо, особенно когда светит солнце и ветер не надувает снега. И когда не надо по колено в снегу, да еще под волчий вой, искать овцу, отбившуюся от стада, — отозвался Долай.

Дрэм повернул голову и через плечо улыбнулся старику:

— Тебе самому не мешает полечиться овечьим снадобьем. Расскажи еще что-нибудь про волков. Расскажи, откуда у тебя этот длинный шрам на ребрах.

Старик покачал головой, не отводя глаз от стада на дне ложбины:

— Я тебе уже рассказывал эту историю и, помнится, не один раз.

— Расскажи снова.

— Слишком жарко. Да и неохота повторять то, что ты уже слышал. — Долай оторвался от созерцания холмов и медленно перевел взгляд на мальчика. Он не переменил позы — без нужды он никогда не делал лишних движений. — Я рассказал тебе все, что знаю про волков и про битвы с волками, а об этом ведь не следует говорить даже летом. Рассказал тебе все предания и вещие сны о моем народе, кроме тех, о которых не положено упоминать. Рассказал и о Царе-Колосе, и о Матери-Земле. И о том, как Тах-Ну, отцу моего народа, в стране, где солнце не дает тени, приснился сон о севере и как он выдолбил лодку и посадил в нее жену с ребенком и охотничью собаку, поставил корзину с ячменем и поплыл, как было велено ему во сне, по Большой Воде, как через несколько дней приплыл в эту страну и, спрыгнув на берег, обнаружил у себя за спиной тень. Я, конечно, могу рассказывать без конца, но и мне нужен отдых. Кто знает, может быть к тому времени, когда ты придешь в следующий раз, я вспомню еще какую-нибудь историю.

Дрэм вытянул ногу и, опершись на нее, всем корпусом повернулся к старику:

— И до Тах-Ну никого не было в этой стране, никого, кроме его детей и детей его детей? И так все было, пока не пришли мы, верно я говорю?

И хотя мальчик говорил тоном, каким повторяют затверженный урок, в вопросе его прозвучало живое любопытство.

— Нет. Тах-Ну был первым, но после него были еще и другие, до того, как пришли вы. А потом явились великаны, золотисто-рыжие, как ты. Они принесли с собой большие копья с бронзовыми наконечниками. Ваши кремневые против них все равно что камыши с бурными головками. Они заставили нас стеречь их стада, а иногда даже брали наших женщин, чтобы те поддерживали огонь и вынашивали им сыновей. И постепенно мы сделались как бы одним народом. А потом пришли вы и стали обращаться с детьми великанов так, как те обращались с нами. Теперь мы как бы полународ, дети Тах-Ну и в то же время дети великанов. Мы являемся по вашему зову. Но в наших жилах течет кровь предков, и у нас, Темнокожего племени, долгая память. И хотя мы пасем скот, мы не забываем о времени, когда свежими были курганы до неба и дети Тах-Ну правили страной.

Дрэм кивнул:

— У тебя не болит внутри, в животе, когда ты вспоминаешь об этом?

Задай он этот вопрос любому из племени Долая, его встретил бы косой взгляд из-под нахмуренных бровей и обтекаемый ответ скользнул бы, как угорь под камень. Но с Долаем все было не так, как со всеми.

Старый пастух вздрогнул, услышав вопрос, и пристальнее посмотрел на мальчика. Но и он уклонился от прямого ответа.

— Ветер с востока несет холод, а удар копьем — кровь. Если человека долго держать без еды, он умирает. Все это плохо, но глуп и тот, кто всю жизнь будет убиваться из-за этого.

Дрэм ждал, глядя в глаза старику, но тот больше ничего не сказал. Лицо его снова замкнулось, и он устремил привычный взгляд на пасущихся овец. Время, на мгновение задержавшись, прошло мимо.

Дрэм на прощанье еще раз дернул за ухо щенка и, сделав усилие, встал.

— Я пошел, коли ты не хочешь мне больше ничего рассказывать.

Долай взглянул на него снизу вверх и насмешливая искорка сверкнула из-под бровей.

— Путь до деревни не близкий, и будет обидно, если съедят все мясо за ужином до твоего прихода.

— Ну, об этом я не беспокоюсь. Уж мать-то оставит мне что-нибудь в горшке, — произнес мальчик тоном божка, уверенного, что кого-кого, но его-то всегда ждет в котле еда. — Все же мне пора. Быть может, я еще раз приду до того, как поспеет ячмень. А если не успею, приду, когда овец будут перегонять в Самхейн.

— Приходи, когда захочешь. Ты ловко справляешься с овцами. Мне кажется, из тебя получился бы неплохой пастух

Дрэм вскинул голову и презрительно рассмеялся, покачиваясь на пятках.

— Нет, пусть уж лучше этим занимаются дети Тах-Ну. Я буду воином, как все наши мужчины. А когда стану взрослым, то буду зимой вместе со всеми караулить волков по ночам.

— Придется предупредить волчье племя, чтобы поостереглись, — сказал Долай.

Дрэм вспыхнул, но не перестал улыбаться:

— Все ты смеешься надо мной. Это нехорошо. Я приду до того, как поспеет ячмень.

Он повернулся на твердых загорелых пятках и рысцой двинулся к длинному овечьему загону на гребне холма. Обогнув его, он мимо небольшой хижины, сложенной из дерна, вышел к пруду. На берегу Ханно, брат Флэна, промывал настоем из бузины рану на спине овцы, чтобы на нее не садились мухи. На этот раз Дрэм не остановился поболтать с Ханно, маленьким угрюмым человеком, с глазами, как круглые агатовые бусинки, а твердой волчьей трусцой продолжил свой путь к дому.

Вскоре он выбрался на зеленую дорогу, идущую вдоль гребня Большой Меловой, от одного конца земли до другого. Некоторое время он бежал по ней, затем пересек встречную тропу, начинавшуюся у прибрежных болот, и свернул от моря. Солнце садилось на западе, когда он спускался по крутому склону в лощину, где прятался его родной дом. Вечерний свежий воздух обволок всю громаду гор, округлую, как спина гигантского кита; причудливые тени от приземистого боярышника закрыли наполовину склон, а все кручи и выбоины, невидимые при солнечном свете, теперь отчетливо вырисовывались в ярком золоте заката. Их семейное пастбище у входа в лощину было уже погружено в тень, но за ним — там, где ущелье расширялось, — дерновая крыша их дома, хорошо просохшая за лето, поблескивала, словно собачья шкура, и дым был трепетно-синим, как цветущий лен на ветру.

Он не пошел к калитке, выходящей прямо на поле, а отыскал в колючей изгороди свой привычный лаз и прокрался к дому мимо коровника и навеса, где стоял большой плуг, в который впрягали двух быков. Драстик, судя по всему, был на охоте и вряд ли мог вернуться до темноты. Но мать и дед наверняка были дома, и Блай, конечно, тоже. Когда он подошел к задней стене жилища, его сразу обдало теплом. Дерн здесь был отогнут, чтобы дать доступ свету и воздуху. Ему в голову пришла дерзкая мысль: «А что, если влезть на чердак и прыгнуть вниз, как уховертка из соломы, когда они ничего не подозревают».

Скат круглой, островерхой крыши, доходившей почти до земли, был довольно пологий. Однако лезть по сухому дерну оказалось нелегко: ноги то и дело соскальзывали. Стараясь не шуметь, он наконец добрался до дымового отверстия. Теперь все было проще. Забравшись повыше, он крепко вцепился в дерн и скользнул между торчащими балками. Ухватившись за конец балки, он бесшумно — ибо, когда надо, никто не умел так тихо двигаться, как Дрэм, — прыгнул и растянулся на самом краю чердачного настила

Получердак под самой крышей был погружен в теплый таинственный мрак, прорезанный, будто золотым мечом, полосой закатного солнца, проникшего сквозь отверстие в дерне. Густой запах плесени и пыли перебивал еще более острый пряный аромат трав, свисавших гирляндами со стропил, и резкий звериный запах шкур, оставленных здесь до зимы. Тут же, под балками, среди свежей бурой шерсти последней стрижки, лежали запасные хозяйственные орудия и плетеные корзины с одеждой и обувью. Рядом с травами и

вяленой медвежатиной была развешана конская сбруя, а на полу стояли кувшины с двумя ручками, наполненные сладким душистым медом, которым вся семья кормилась от одного сбора до другого

Там, где кончался настил, вечно в колечках дыма, поднимающихся от очага к дымовому отверстию в крыше, свисали два щита: щит Драстика, перешедший к нему от отца, и большой круглый щит из воловьей кожи с бронзовыми украшениями. Он принадлежал деду и должен был в один прекрасный день стать собственностью Дрэма.

Однако Дрэма сейчас мало занимали все эти хранившиеся на чердаке вещи. Лежа на животе на самом краю настила, он пытался разглядеть, что делают люди в хижине. Забавно смотреть на них, когда они тебя не видят. От их глаз он был скрыт толстой балкой, поддерживающей крышу, и дедовым щитом. Во все стороны от темнеющего очага и постепенно угасающей пыльной золотой полосы света разбегались бурые тени, окутанные дымом от тлеющих углей. У входа, где было посветлее, мать сидела за высоким ткацким станком, на котором с помощью треугольных глиняных грузил была туго натянута основа. Он слышал негромкий ритмичный стук челнока, когда мать прокладывала нити рядами.

Густой запах жирной баранины в бронзовом котелке, висащем над очагом, ударил ему в нос. Рот наполнился теплой слюной. Он вспомнил, что целый день ничего не ел, кроме миски утренней похлебки в горах у пастухов.

Дед сидел у очага на сложенной вдвое шкуре медведя, убитого им еще в то время, когда мир был молодым. Дед напоминал седого нахохлившегося орла, который когда-то тоже был золотистым.

По другую сторону очага, на женской половине, Блай, сидя на корточках, переворачивала в горячей золе ячменные лепешки. Маленькие смуглые руки так и летали над глиняным горшком. Она находилась как раз под дымовым отверстием, и ему ничего не стоило плюнуть ей на голову, как на зайца, пригревшегося на солнце на уступе заброшенного кремневого карьера, к северу от летних овечьих троп. Блай не была его сестрой. Он почти не помнил, как она появилась у них в семье, знал только, что это произошло, когда бронзовых дел мастер пришел с Западных Островов. С ним была женщина, дикое темнокожее создание со смоляной гривой волос и глазами черными как ночь. Она едва держалась на ногах и умерла вечером, оставив в папоротнике у стены блеющее новорожденное дитя. Бронзовых дел мастер совсем не интересовался ребенком и два дня спустя ушел по тропе, ведущей в глубь острова, бросив на произвол судьбы младенца. «На что она мне? Что я буду с ней делать? — сказал он на прощанье. — Быть может, я еще вернусь сюда». Но он не вернулся. Блай теперь была семилетней девочкой, темнокожей и темноволосой в мать, и жила она в доме, все обитатели которого были огненно-рыжие и где она не чувствовала себя своей. Блай верила, что в один прекрасный день вернется бронзовых дел мастер. «Отец все равно приедет за мной», — повторяла она как заклинание против всех обид и несправедливостей. Она цеплялась за эту веру, как за единственное свое достояние. Всем было ясно, что он никогда не вернется. Всем, кроме Блай, потому что Блай была дурехой.

Дрэм решил, что не станет плевать на нее, иначе сразу поймут, что он на чердаке. Теперь он целиком переключил внимание на мать. Ткань на станке увеличилась в объеме с тех пор, как он последний раз ее видел, впрочем не очень сильно. У матери всегда хватало других дел. Ткань была тонкая, в лилово-красную клетку. На станке сейчас была натянута красная шерсть, алая горячая эмблема воина, цвет самого мужества. И носить его не полагалось ни женщинам, ни Темнолицему племени. Он предназначался одним только мужчинам. Придет и его час — он окончит Школу Юношей, убьет своими руками волка и станет настоящим мужчиной, воином своего племени. И тогда он получит дедов щит, а мать заправит станок алой пряжей, специально для него.

Оторвавшись от созерцания в огне былых битв, дед поднял серо-золотистую голову и остановил взгляд на женщине, сидевшей за ткацким станком.

— Что-то медленно подвигается твоя работа, — прокаркал он дребезжащим голосом,

который шел откуда-то из глубин его существа. — Закончишь — сделаешь мне подкладку под бобровый плащ. Старая висит ключьями.

Мать посмотрела на него через плечо. Она выглядела усталой. На тонком красивом лице совсем обтянулись скулы, такие острые, что, казалось, о них можно порезать руку

— А я хотела сделать из этого куса подкладку Драстику. Ему тоже нужен новый плащ. Тот, что он носит, совсем прохудился — не спасает ни от дождя, ни от ветра.

— Драстик молодой и ветер ему не страшен. Он подождет. Следующий раз заправишь станок для него.

— Следующий, следующий, всегда только следующий, — сказала тихо мать. — Иногда я жалею, что не родилась мужчиной. Временами так надоедает прясть, да ткать, да молоть зерно.

Дед сплюнул в огонь:

— По правилам три невестки должны были бы ткать и молоть для меня.

— Тогда было бы три сына, на которых им пришлось бы ткать. — Она неожиданно рассмеялась недобрый усталым смехом, отбросив со лба рыжую прядь, которая всегда выбивалась из-под голубой сетки, стягивающей волосы. — Или тебе хотелось бы, чтобы все они были вдовы?

Дрэм хорошо знал, когда на мать находило такое настроение: обычно это случалось, если она сильно уставала. Он подумал, что выбрал неудачное время сыграть шутку и обрушиться вниз, как уховертка из соломы.

Дед свел брови и вперил в пространство сердитый взгляд:

— Да, тяжело в старости, когда не осталось в живых ни одного сына, а жена младшего этим же еще и корит тебя. Горе, если всего один внук сможет носить мое копье, когда меня не станет. И это у меня, величайшего из воинов племени!

«Старик становится забывчив, — подумал Дрэм. — Совсем у него ум за разум заходит. Только и живет своими прежними битвами, и где уж тут помнить, что на свете есть Драстик».

Мать снова оторвала голову от станка, притом с такой злой резкостью, что Дрэм опешил.

— У твоего очага два внука. Ты что, забыл?

— Нет, я ничего не забыл. Я, правда, старею, но пока еще могу сосчитать пальцы на руках, все десять. Да, у моего очага два внука, но иметь внука у очага, еще не означает иметь внука среди копыеносцев племени. Подумай сама, может случиться, что младший не завоюет копьем себе места среди мужчин. Он ведь не может им пользоваться.

Наступила внезапная тишина. Мать снова повернулась к станку, однако продолжала сидеть, опустив руки. Дед хмурился, глядя перед собой. А в теплом мраке чердака на животе лежал мальчик, глядя на них расширенными глазами и чувствуя, как ледяная тоска сжимает ему горло. Одна только Блай как ни в чем не бывало переворачивала лепешки в горячей золе, и, как обычно, по выражению ее худенького лица нельзя было угадать, о чем она думает.

Вдруг мать сказала:

— Ну а Тэлори-охотник? Он ведь один из самых почитаемых мужей племени?

— Тэлори-охотник был зрелым мужчиной и воином, когда потерял руку в сражении с похитителями скота, — ответил дед глухим ворчливым тоном и со злорадным торжеством посмотрел на мать. — Да, сдастся мне, мальчишка в конце концов пойдет к полулюдям. Он и так все свободное время торчит у Долая и возится с овцами. Может, и он станет пастухом?

Дед сплюнул в огонь:

— О Владыка Солнце, мой внук будет пасти овец! До чего я дожил! И это я, великий воин, о котором почти сто зим люди ведут разговор у очага!

— Если мальчик промахнется, ему придется идти к полулюдям, — сказала мать каким-то сдавленным голосом — А вдруг не промахнется? Он ведь твой внук и его нелегко сбить с пути, если он себе что-то наметил.

— Все так, но разве это зависит от его воли? — Дед презрительно фыркнул, раздувая

ноздри. — Допустим, он пройдет обучение в Школе Юношей и даже убьет волка, но потом настанет день, когда надо будет получать оружие. Два воина представляют клану Новое Копье, причем один из них не должен быть его кровным родственником. И если я уйду за закат, — где ты или Драстик найдете человека, который поручится за однорукого?

— Впереди еще семь весен. Почему я должна решать это непременно сегодня вечером? — с отчаянием выкрикнула мать. — Если промахнется, пусть идет к полулюдям. И тогда ты должен благодарить судьбу, что есть хотя бы Драстик, кому ты можешь передать копье. — Издав какое-то легкое восклицание, она повернулась и поглядела на глиняный светильник, свисавший с потолочной балки как раз в том месте, где лежал в своем укрытии Дрэм. — Становится темно, — сказала она. — Придется зажечь светильник, иначе мне не закончить этот кусок до прихода Драстика. Вернется голодный как волк.

Быстрый, как ящерица, Дрэм юркнул в темноту.

— На чердаке завелась крыса. Я слышу, как она там бежит.

Холодный жесткий голос матери звучал у него в ушах, когда он, спустившись по скату крыши, бесшумно прыгнул на землю. Его охватил панический страх: вдруг кто-нибудь узнает, что он подслушал разговор в хижине. Не отдавая себе отчета, почему, он чувствовал, что это было бы непереносимо.

Маленькая хижина на сваях, где хранилось зерно для посева, гостеприимно звала укрыться под ее сенью. Он нырнул вглубь и скорчился, тяжело дыша, как после быстрого бега.

Солнце село, но Меловая все еще была в золотистых отсветах заката, и в полутьме можно было разглядеть неясные очертания окружающих предметов. Съежившись среди свай, которые поддерживали хижину, он впервые внимательно посмотрел на левую руку. Это было странное ощущение, как будто рука была чужая. Он знал — в те редкие минуты, когда вообще об этом думал, — что он не может ею пользоваться, как все люди, но это не имело значения. Левую руку ему обычно заменяли зубы. Он мог зажать между колен все, что требовалось держать в руке, и он привык обходиться без нее. Ему никогда не приходило в голову, что рука может стать препятствием на пути к алой воинской славе.

Но сейчас, сжавшись под настилом амбара, он смотрел перед собой невидящими глазами. Он не заметил, как погас за Меловой золотистый отсвет заката. Никогда, никогда не сидеть ему на мужской половине среди воинов. Утратить привычный мир, уйти навсегда к кремневому народу, этим темнолицым, у которых и домов-то настоящих нет, жить с ними в их тесных дерновых хижинах в глухих ущельях Меловой.. С этими пастухами... Да, они всегда приходили по первому зову его племени, племени воинов, но сами, сами никогда не владели им! Быть навсегда оторванным от своих... Ему было только девять лет и он еще до конца не понимал, что все это означает, хотя и чувствовал многое совсем не по-детски. Он долго сидел в темноте, распаляя недоброе чувство, чтобы защититься от страха.

— Говори, что хочешь, старик, все равно я добыю своего. Вот увидишь, все равно добыю! — шептал он, сжимая кулаки.

Было почти совсем темно, когда он подошел к дому. Драстик вернулся с охоты — оленья туша, только что освежеванная, висела на березе у входа, так, чтобы ее не достали собаки. Они дрались тут же из-за требухи. Он прошел через сени, где зимой стояли лошади. Шкура, закрывающая вход в хижину, была задрана, и первое, что он увидел, остановившись на пороге, было тусклое теплое пламя светильника и слабо теплящийся огонь очага. Вечерняя трапеза была окончена, и дед вернулся к своему привычному занятию — созерцанию в огне битв ушедших времен. Драстик мастерил себе охотничий лук, держа его на коленях, — возле него стоял горшочек с клеем. На женской половине мать ткала. Она подняла голову и посмотрела на Дрэма, когда тот вошел.

— Щеночек, давно пора быть дома. Когда солнце село, я подумала, что ты сегодня не придешь. Так и сказала всем.

— Я хотел вернуться до заката, но задержался по дороге. Надо было проверить кое-какие места, поэтому и задержался.

Он отвел глаза от взгляда матери. Понурился, он сел на корточки возле Драстика.

— Давай поддержи, тебе удобнее будет связывать, — предложил он, протягивая руку.

Драстик терпеть не мог, когда вмешивались в то, что он делает. Он неохотно оторвался от работы и посмотрел на брата. Движения его были, как всегда, неторопливы.

— Не стоит, я сам справлюсь, — сказал он благодушно. — Лучше потренируйся и поучись метать копье. Это занятие как раз для тебя.

Дрэм, как ужаленный, отдернул руку. Для лука нужны две руки, а копье можно метать и одной. Это тоже ему никогда не приходило в голову.

Но в эту минуту его окликнула мать.

— Смотри, я тебе оставила мясо. Иди возьми миску. Ты ведь пока не мужчина, чтобы есть на мужской половине.

Дрэм подошел, взял у нее из рук черную глиняную чашку с тушеной бараниной и примостился на корточках возле вязанки дров. Он впервые заметил Блай. Она сидела тоже на корточках в углу и выбирала из свежестриженной шерсти колочки и комки грязи, не сводя с него глаз.

Он подумал о том, что Блай, должно быть, слышала, что говорил дед. Поэтому он повернулся к ней спиной, всячески давая понять, что она ровным счетом ничего для него не значит и ему наплевать, есть она или нет.

Он перестарался и опрокинул миску.

Это был суший пустяк, который мог со всяким случиться. Но для Дрэма после сегодняшнего вечера это было каплей, переполнившей чашу. Слова деда, Драстик, отклонивший его помощь, — все это от него не зависело, он за это не был в ответе и поэтому мог обороняться и показывать клыки. Но здесь он был беззащитен, здесь он был кругом виноват.

С отчаянием, близким к ужасу, он смотрел, как теплая струйка мясной подливки льется по коленям. Дед ухмыльнулся, и эта ухмылка была красноречивей слов: «Видишь, что я тебе говорил!»

Мать подхватила миску.

— Медведь неуклюжий! Где твои глаза? Что ни день, то хуже! — крикнула она с горькой досадой, будто он ее обидел.

Нестерпимая боль сдавила ему грудь, и казалось, сердце вот-вот разорвется, не вмещая горя.

Он поднял бледное несчастное лицо и посмотрел на мать, шатаясь, поднялся на ноги и бросился к двери.

— Куда ты? Вернись, щенок! — крикнула вдогонку мать.

Он пробормотал невнятно, что не голоден и скоро вернется, и, миновав сени, выскочил наружу, в летнюю теплую мглу.

Ворота запирались на ночь с помощью рогатины, и ему пришлось снова дойти до лаза, через который он перелез в начале вечера, еще до того, как мир перевернулся. Обойдя изгородь, он стал спускаться по выбитой в меловом грунте тропе между нижним пастбищем и полудиким фруктовым садом, посаженным матерью.

Он шел наугад, не зная, куда и зачем. Инстинктивно он свернул в чашу, как сделал бы всякий зверек, ищущий темную нору, чтобы укрыться там подальше от сородичей.

Глава II

ТЭЛОРИ-ОХОТНИК

Ущелье, постепенно расширяясь, переходило в горную долину, окаймленную на севере полукружием меловых холмов, маячивших далеко внизу над лесами и болотами. Дрэм спускался к долине, потому что идти вниз было легче, чем подниматься. Он шел, не разбирая дороги и не задумываясь, куда он идет, — все ниже и ниже по крутым склонам с островками

дерна среди белых проплешин мела, продираясь сквозь сплетения прутьев и колючие кусты боярышника, пока перед ним не выросли первые высокие деревья Дебрей.

Большие Дебри, уходящие куда-то в неведомое. Там гуляют туманы и бродят духи. Бескрайние леса и болота, где живут волки, медведи и дикие свиньи и где, по рассказам людей, после наступления темноты за деревьями прячется Страх. Только бывалые охотники могут отважиться пойти туда ночью, вверив жизнь древку копья, а душу — талисманам и амулетам в виде кусочков янтаря, медвежьих клыков и сухих цветов дикого чеснока, которые они всегда носят с собой.

Дрэм, привыкший передвигаться в темноте, быстро миновал лесную опушку, почти без подлеска, с одиноко стоящими деревьями и редким кустарником орешника и бузины. Но чем дальше, тем теснее обступали его деревья — дубы, и ясени, и ольха там, где посырее, и остролист, целые заросли остролиста вперемежку с темно-зеленым тисом, густо перевитые низким колючим терновником и ежевикой. Когда деревья слегка расступались, перед мальчиком возникал папоротник выше него ростом, и он, в отчаянии и панике, вступал с ним в единоборство, пробиваясь все глубже в чащу, как дикий зверек, за которым гонятся собаки.

Поглощенный своим горем, он не замечал, что лес вокруг стал темнее и гуще, пока, споткнувшись о гнилой сучок, не полетел в муравьиную кучу. Неожидаемое падение отрезвило его: он мгновенно собрался с мыслями и огляделся. Еще ни разу он не был ночью в лесу, а так далеко не заходил даже в дневное время, и теперь он не знал, где находится. Ему хотелось поскорее куда-нибудь зарыться, подальше от быстрого Страх, который мог в любую минуту настичь его, но у него все же хватило здравого смысла понять, что одному не годится забираться так глубоко в лес ночью и что надо выходить к опушке. Он почти машинально определял направление: с северной стороны стволы деревьев пахли иначе, чем с южной. Ему следовало все время двигаться на юг, чтобы снова выйти к Меловой.

Он встал лицом к югу и тронулся в обратный путь. Однако он слишком устал и, кроме того, смертельно боялся возвратиться домой, так как дома его ждало все то, от чего он бежал. И этот ужас мешал ему и сбивал с дороги.

Лес, который должен был редеть, становился все гуще и гуще, и он уже с трудом пробирался через сплошные заросли ежевики и остролиста; ему приходилось отыскивать узкие звериные тропки, выбитые оленьими копытами, которые никогда не вели в нужном направлении. Ему казалось, что его задушат эти сплетенные ветви, но он был слишком измучен, слишком несчастен и потому почти не замечал их. Но вдруг ему почудилось, что в лесу произошла какая-то перемена, или, может быть, сейчас у него, как никогда прежде, были открыты глаза и уши — он видел и слышал лес. В темноте он различал теснящиеся вокруг деревья, совсем не такие, как в дневные часы; он вслушивался в звучную тишину, наполненную голосами, шелестом и шепотом, таинственными лесными голосами, которые невозможно услышать днем. В траве под ногами раздался неясный шорох, затем высоко в ветвях вспорхнула птица и тотчас же вдали взвизгнул какой-то зверек и затих — лиса, должно быть, поймала добычу.

Но не эти звуки заставили учащенно забиться сердце мальчика. Ему показалось, что совсем рядом дышит огромный зверь. Он прислушался и вдруг оцепенел от ужаса: кто-то пробирался сквозь подлесок прямо к нему и одновременно дождевые капли мелодично забарабанили по листьям, хотя никакого дождя не было. Он сорвался с места и побежал без оглядки, то и дело спотыкаясь о корни и низкорослый кустарник, и когда он наконец остановился проверить, правильно ли он выбрал направление, и убедиться, что никто за ним не гонится, он снова услышал у себя за спиной тихие мерные вздохи. Он резко обернулся, сжимая рукоятку ножа, торчащего за поясом, но ничего не обнаружил. Все тонуло в крошечной тьме. Ему вдруг почудилось: за деревьями кто-то засмеялся. Сердце заколотилось так, что перехватило дыхание. Он снова вслепую стал продираться сквозь чащу. Главное — не останавливаться, чтобы ничего не слышать. Но ни треск ломаемых сучьев, ни громкие удары лихорадочно бьющегося сердца не заглушали тихих, вкрадчивых вздохов, будто кто-то шел за ним по пятам. Но эти таинственные вздохи теперь уже

слышались не только позади, но и впереди, они доносились со всех сторон... и лес весь целиком превратился вдруг в гигантскую кошку, пригнувшуюся перед прыжком. «Не беги!» — говорил ему инстинкт охотника, всосанный с молоком матери. «Не беги!» — говорили ему все его знания о повадках зверей, передаваемые из поколения в поколение. «Не беги!» Но им уже овладел ужас и он мчался неведомо куда, как мышонок, удирающий от горноста.

Острые шипы ежевики рвали ему кожу, опавшие сучья цеплялись за ноги, нижние ветки деревьев хлестали по лицу, когда он яростно сражался с бесконечным кустарником, который, как злоумышленник, крепко держал его в своих когтистых лапах. Именно обо всем этом, понизив голос, рассказывали охотники, собираясь у очага.

Страх, разгуливающий по лесу и леденящий душу... Дрэм никогда прежде не ощущал его, но охотник, живший в нем, знал, что он существует; неслышно ступая, Страх подкрадывается к пещере и бродит у входа, привлеченный отсветом костра.

Задышавшись от слез, обливаясь потом, Дрэм с усилием пробился сквозь густой ольшаник на краю небольшой вырубке и, не устояв на ногах, покатился по склону, шурша сухими прошлогодними листьями. Когда он снова обрел дыхание, то понял, что лежит в яме на комьях переворошенной земли среди корней огромного дуба, поваленного зимним ураганом. Дерево служило неплохим убежищем, как бы маленькой пещерой, где можно было спрятаться от рыскающего снаружи Страх. Громко всхлипнув, Дрэм подполз под мягкую шелестящую листву и, забравшись поглубже, скорчился там, зажатый со всех сторон перекореженными жесткими корнями.

Он еще долго сидел так, скорчившись. Дрожь не унималась, лоб покрылся испариной, сердце громко стучало, в то время как Страх сопел и вздыхал у входа в его укрытие. Но постепенно Страх стал затихать, а потом совсем ушел. Мальчику казалось, что он набирается живительной силы и крепости от вывороченных корней огромного дерева, еще недавно гордого властелина здешних лесов; сердце теперь билось ровнее, дыхание стало спокойнее, и постепенно отодвинулись куда-то все несчастья и ужасы. Он не осознавал, что медленно засыпает, словно маленький измученный зверек.

Проснулся он будто от удара — горло перехватило от ощущения какого-то неотвратимого кошмара. Он почувствовал на лице жаркое дыхание, потом зверь принялся обнюхивать ему плечо.

Он лежал неподвижно, боясь пошевелинуться — внутри все сжалось и заледенело. Он знал, что стоит сделать хоть одно движение и волк — а это мог быть только волк — вцепится ему в глотку, прежде чем он успеет выхватить нож.

— Что же там такое? — вдруг неожиданно произнес тихий голос. — Быстроногий, фу! Фэнд, назад!

Всмотревшись, Дрэм увидел человека, или какое-то человекоподобное существо; человек наклонился к нему, голова и плечи темным силуэтом выделялись при свете восходящей луны.

Зверь, обнюхивающий его плечо, заскулил и неохотно отошел.

Затем послышалось короткое восклицание и к нему потянулась рука. Он крепко прижался спиной к корневищу с висящими на нем комьями земли и, как зверек, загнанный в угол, у которого только и остается, что слепой инстинкт самосохранения, хватил эту руку зубами — и тут же был отброшен назад. Затем рука сжала его плечо и он рывком был вытянут из-под корней к поставлен на ноги. Он лягнулся и вырывался, пытаясь снова укунить державшую его руку. Полная луна освещала всю эту сцену. Рука, стиснувшая ему плечо, была будто из железа, и сбросить ее он не мог, хотя извивался и вывертывался, как выдренок. Однако в голосе человека, когда он заговорил снова, не было жесткости, несмотря на прокушенный палец.

— Ну, ну, потише! Нет нужды так рычать и кусаться.

И Дрэм, успокоенный этим голосом, прекратил сопротивляться.

— Да это же внук старого Катлана!

Теперь Дрэм больше не вырывался — он внимательно разглядывал стоящего перед ним

человека, у ног которого сидели, высунув языки, три огромных пса. Глаза их блестели при лунном свете. Человек был гибкий и смуглый, непривычно смуглый для племени Золотоволосых. От него исходил слабый лисий запах. Но даже сейчас, когда он неподвижно стоял, крепко сжав плечо Дрэма, в его спокойствии угадывалась затаенная звериная сила. Вся его одежда состояла из лисьей шкуры, дважды обернутой вокруг чресл. При свете луны сверкнуло лезвие длинного охотничьего ножа, заткнутого за пояс, и чешуйки змеи из кованой меди, свисавшей с предплечья: голова змеи приходилась на уровне локтя, а хвост кончался крючком, выполняющим функции левой руки.

— Так это ты ходил сегодня ночью по лесу и всполошил все Дебри? — спросил Тэлори-охотник. Дрэм кивнул. — Такой маленький щенок, совсем маленький, и вдруг спит в лесу.

— Я уже прожил девять весен, а сплю я в лесу потому, что мне нравится тут спать, — запальчиво сказал Дрэм.

— Что ж, причина не хуже любой другой. В голосе охотника слышался едва сдерживаемый смех. — Ну, а теперь, мне думается, пора возвращаться домой.

Они стояли молча среди обступивших их деревьев. Наконец Дрэм сказал:

— Оставь меня тут. Я вернусь немного погодя.

— Никакого «погодя».

Тэлори смотрел сверху вниз на маленькую фигурку, освещенную луной, и от его острых глаз не укрылись отчаяние и горе на лице мальчика.

— Этот лес не место для щенят, да еще когда нет никого вокруг. Поэтому мы пойдем вместе, ты да я. Ну, а теперь в путь.

Он отпустил плечо Дрэма и, наклонившись, ловким грациозным движением извлек из-под бурой листвы и белой цветущей крапивы свое копьё и шкуру, только что снятую с убитого им бобра.

Затем, перекинув шкуру через плечо, он повернул к Холму Собраний.

Дрэм, все еще не смирившийся с глухой обидой, был озадачен и сбит с толку тем, как неведомый Ужас, которому он прокусил руку, вдруг обернулся Тэлори-охотником, и, невольно подчиняясь власти этого человека, двинулся за ним. Страх ушел из леса и предрассветная прохлада приятно освежала лицо, когда он, вместе с тремя собаками, шел по следу охотника, неслышно ступавшего по оленьим тропам; неожиданно оказалось, что все они, давно знакомые и привычные, и ведут туда, куда должны вести. У Дрэма было чувство, что он выпотрошен и опустошен, словно выплакал все слезы. Нереальной казалась минувшая ночь, темная, хаотичная, — от нее во рту остался привкус ужаса, какой остается в глубине сознания после кошмарного сна. Ему хотелось сказать об этом Тэлори. Ему казалось, что Тэлори, со змейкой вместо руки, поймет его, как никто другой. Как хорошо было бы поговорить с ним. Но он также знал, что, если охотник вдруг обернется и спросит: «Щенок, что заставило тебя бежать в лес?», он не выдавит из себя ни слова. Так что лучше об этом не думать.

Быстро светало, и сквозь деревья, там, где они росли пореже, было видно, как лунный свет растворяется в дневном. Когда они подошли к узкому ручью, в ольхе всюду распевал щегол. Они двинулись вверх по течению, и Дрэм вдруг узнал эти места — узнал ручей и старую иву, нависшую над водой там, где ручей разливался, образуя цепь небольших прудов. А дальше за деревьями, среди холмов, пролежала дорога, точно повторяющая путь тропы наверху, вдоль Большой Меловой. Едва он успел все это осознать, как они, свернув, вышли на край вырубки и Тэлори вдруг застыл неподвижно в зарослях бузины, резким жестом остановив мальчика и собак.

Лежавшая перед ними вырубка была залита светом, притом таким ярким, что окрасились — даже цветы наперстянки; летний утренний туман алмазной паутинкой стелился по низинам среди папоротника. Дрэм затаил дыхание, напряженно всматриваясь сквозь ветки бузины: на другом конце вырубки паслось стадо косуль, — молодняк, как обычно, чуть в стороне. Крупная самка, немного отстав, щипала траву как раз между стадом

и кустами бузины. Дрэм оценил расстояние — один бросок копья. Опытному охотнику, он это хорошо знал, достаточно тридцати или сорока шагов. Он почувствовал, как по телу собаки, стоявшей у его ног, пробежала дрожь, хотя ни она, ни два других пса ни одним звуком не выдали своего возбуждения. Они стояли против ветра, и поэтому косули, не чуя в воздухе опасности, продолжали безмятежно пастись. Дрэм ждал, что Тэлори вот-вот бросит копье, но время шло — и ничего не происходило. Он украдкой взглянул на охотника: сквозь белые цветущие гроздья кустарника Тэлори смотрел на стадо, радостно прищулив темные глаза, в то время как копье мирно покоилось у него в руке.

Через несколько секунд он тихо свистнул. Услыхав странный низкий звук, косуля, ближайшая к ним, подняла голову и, видимо нисколько не испугавшись, двинулась к стаду. Еще две косули встрепенулись, одна из самок что-то сказала своему олененку, и мгновение спустя все стадо растаяло за деревьями в утреннем тумане.

Дрэм озадаченно посмотрел на Тэлори и впервые с начала их совместного путешествия заговорил с ним:

— Ты же легко мог убить ее, ту, что стояла с нашей стороны?

— Мог, конечно. — Тэлори, сделав шаг, остановился и внимательно поглядел на мальчика.

— Так почему ты не убил ее?

— Сегодня ночью я уже убил одного зверя. Дома у меня достаточно мяса, а торговцы сейчас почти ничего не дают за оленьи шкуры. — Видя по-прежнему недоумевающий взгляд Дрэма, он добавил: — Никогда не убивай, если не можешь употребить в дело добычу. И если ты убиваешь, чтобы достать шкуру, убей столько зверей, сколько тебе нужно. А если ты убиваешь для того, чтобы добыть пищу, наполни свой живот и живот собаки, и животы женщины и ребенка У твоего очага, сделай запас, чтобы все были сыты и впредь, но никогда не убивай ради убийства. Это повадка ласок и лис, а если так поступает охотник, он навлечет на себя гнев лесных богов. Не забывай об этом, когда станешь взрослым и будешь охотиться с мужчинами.

— Я, наверное, никогда не буду охотиться с мужчинами, когда стану взрослым.

Слова вырвались сами собой, помимо его воли.

И еще минуту назад он не поверил бы, что способен такое произнести. Наступило молчание; ветерок пробежал по веткам бузины и с них дождем

посыпались белые лепестки.

— С кем же тогда? — спросил Тэлори.

— С полулюдьми.

— Кто это тебе сказал?

— Старый Катлан, мой дед.

Опершись на копье, Тэлори стоял и смотрел на мальчика с каким-то новым любопытством.

— Ну, а теперь скажи мне, почему он так сказал?

Дрэм помрачнел: старая обида сдавила горло и он не мог вымолвить ни слова.

Тэлори вдруг махнул медной змейкой в сторону висящей, как перебитое крыло у птицы, руки мальчика:

— Из-за этого?

Дрэм кивнул.

— Ясно. Люди меня называют Тэлори-однорукий почти так же часто, как Тэлори-охотник. Однако никому не приходит в голову оспаривать мое право носить алую повязку.

— Сабра, моя мать, говорила что-то об этом. Но ты ведь был воином и знаменитым человеком в клане, когда потерял руку в схватке с похитителями скота?

Тэлори хмуро улыбнулся — неожиданная улыбка обнажила сильные, как у собаки, резцы в углах рта.

— Это тоже дед сказал?

Дрэм снова кивнул, и снова Тэлори, облокотившись на копьё, посмотрел на него долгим, внимательным взглядом.

— Щенок, послушай меня. Если у тебя есть нечто, за что стоит драться, — дерись и не слушай никакого деда. Пути бывают разные — есть прямые, в обход, кружные. И если у тебя нет второй руки для лука, научись метать копьё, да так ловко, чтобы ни враг, ни друг никогда не вспомнили, что ты это делаешь не по доброй воле.

Дрэм поглядел на него с изумлением. Откуда Тэлори знает про лук Драстика? Но тут же догадался, что Тэлори, очевидно, говорил не об этом луке, а о луке, который у него был когда-то, а теперь он, как и Дрэм, не мог из него стрелять. Мальчик не решался взглянуть в лицо Тэлори; низко опустив голову, он с трудом выдавил из себя:

— Ну, а если вдруг я все сделаю, как ты говоришь: научусь метать копьё с расстояния шести шагов, а потом убью волка, может даже самого крупного, самого свирепого, — найдется тогда кто-нибудь среди воинов, кроме, конечно, деда, кто замолвит за меня слово, когда придет время мне предстать перед кланом?

— Когда настанет время заправить алую пряжу в станок, вспомни этот рассвет в лесу и проси деда послать предупредить меня.

В первое мгновение он подумал, что ослышался. Медленно подняв глаза, которые внезапно стали совсем золотыми, он посмотрел на Тэлори.

— Тебя?!

— А у кого же, меньшой брат мой, на это больше прав?

Они поглядели друг на друга, как бы закрепляя договор. Затем Тэлори выпрямился и взял в руку копьё.

— Ну, а теперь тронулись. Совсем рассвело. Дома у тебя, наверное, все с ума сходят. Ты найдешь отсюда дорогу?

Дрэм кивнул.

— Тогда мы здесь расстанемся. Хорошей охоты, щенок!

Подождав, пока Тэлори скроется за деревьями, держа путь к дому вверх по ручью, Дрэм двинулся вдоль опушки к круглым склонам Меловой.

Когда он, пройдя по тропинке, выбитой прямо в мелу, добрался наконец до ворот своего дома, день был в разгаре и прозрачный месяц едва заметно светлел в безоблачном небе. Рыжие волы, тяжело переминаясь, шевелились в загоне. Рогатина была отброшена, и ворота распахнуты настежь. Миновав двор, он подошел к двери хижины и тут же услышал голос Драстика: «Его нет у Долая. Одни боги знают, где его носит и что с ним стряслось». Брат стоял возле деда, тот, зябко кутаясь в одеяло, сидел на корточках перед очагом, который, видимо, так и не гасили всю ночь. Прислушавшись, Дрэм уловил ворчливый ответ: «Мальчишка непутевый. Я это всегда говорил. У него нет уважения ко мне, его деду. Если угодно будет Повелителю Солнца, он явится, когда захочет есть».

Они увидели его одновременно, и тут же старая Ки, мать собак Драстика, поднялась на лапы, громко зевнула и, радостно виляя хвостом, направилась навстречу Дрэму. Но Драстик ее опередил — в два прыжка он очутился подле брата и, схватив его за шкуру, швырнул в освещенный угол перед очагом.

— Нечистая сила, где ты пропадал?!

Дрэм, потирая шею, молча глядел на него.

— Ночь была светлая, и я решил половить рыбу, — сказал он наконец. — Она, правда, уснула.

Дед презрительно фыркнул, и непонятно, чего было больше в дедовом смешке — недоверия или презрения.

— Ему, видите ли, захотелось рыбку половить, — сказал Драстик. — И мать поэтому должна бегать по лесным опушкам и искать его всю ночь, а брат — карабкаться по Большой Меловой, чтобы узнать, не взбрело ли ему в голову пасти овец у Долая.

Драстик снял со стены кнут из сыромятной бычьей кожи, который держал для собак, и теперь стоял, пропуская темные ремни между пальцев.

— Ты знаешь, как поступают со щенком, который убегает подобным образом от стаи?

— Бьют, — сказал Дрэм, поглядев в глаза брату.

Он знал, что ему не избежать наказания и был внутренне готов к этому. Драстик вопросительно взглянул на деда, хозяина дома, но дед только глубже закутался в одеяло и сплюнул в огонь.

— Нет, я слишком стар и мне не под силу воспитывать щенков. Этим придется заняться тебе. Смотри, не жалея руки.

— Будь спокоен, не пожалею, — отрезал Драстик. Было видно, что он очень зол и его юное румяное лицо даже потемнело от гнева. Со всего размаха он дал Дрэму затрещину, от которой тот полетел на охапку дров возле очага. Дрэм скорчился, голова гудела от удара, однако он крепко стиснул зубы. Он знал, что в конце концов не выдержит и начнет скулить, как щенок, но пока можно терпеть, он не издаст ни звука. Он почувствовал, что брат занес руку и, сжавшись, ждал удара хлыста по плечам.

Но удара не последовало. Какое-то маленькое свирепое существо неожиданно кинулось на Драстика из темного угла и прокусило ему руку, точь-в-точь как он, Дрэм, ночью укусил Тэлори-охотника.

Драстик вскрикнул от изумления и боли и, отбросив обидчика, снова поднял кнут, но тут вдруг Дрэм услышал голос матери.

— Нашелся! — крикнула она с порога. У нее вырвался вздох облегчения. — Не надо, Драстик, нет!

Теперь все смешалось и перепуталось, и Дрэму стало казаться, что он избежал порки. Он поднялся на ноги. Мать бросилась к нему — ее густые волосы выбились из-под сетки и рассыпались по плечам, юбка была перепачкана и разорвана.

— Щеночек, где же ты был? У Долая?

Драстик стоял неподвижно, будто врос ногами в землю, — гнев еще не остыл, но он был обескуражен поведением матери. В растерянности, он сосал укушенный палец, а из-за собачьих спин его буравила злобный взгляд Блай, которая так и лежала в углу, куда Драстик отшвырнул ее. Он сплюнул кровь в огонь.

— Ты ошибаешься, мать, если думаешь, что он был у Долая. Он только что изволил явиться, гордый, как царь в крепости на холме. Ему, видите ли, захотелось рыбку половить.

Он обернулся к брату:

— А ну-ка, ложись! Я еще с тобой не кончил!

— Нет, Драстик, не смей его бить! Только не сегодня!

Дед поднял большую золотисто-седую голову. Зрачки у него, как у Дрэма, делались золотыми, когда он радовался или сердился. Сейчас он был явно зол.

— Женщина, это мужская работа. Занимайся своей прялкой и не вмешивайся в дела мужчин.

Мать как будто не слышала слов старика.

— Только не сегодня, — повторила она.

— Но почему? — Драстик в недоумении хмурил брови. — Может, я вообще не могу проучить щенка? Но скажи, почему?

— Потому что я не разрешаю, я, давшая жизнь вам обоим.

Она вырвала кнут из рук Драстика и забросила его в дальний угол. Протянув руки, она повернулась к Дрэму. В ее голосе была мурлыкающая нежность, что случалось нечасто.

— Щеночек мой, почему ты убежал? Я дала бы тебе еще мяса — миска ведь не разбилась.

Глаза ее искали его взгляда. «Она догадалась, что это не крыса на чердаке», — подумал Дрэм. Она догадалась, из-за чего он убежал, и поэтому не дала его бить. Но она не была до конца уверена и не решалась заговорить с ним об этом. Да и сам он не хотел этого разговора.

Он сделал шаг назад и стоял, широко расставив ноги и подняв голову, Драстик пожал плечами, подобрал с полу кнут и повесил его на место.

— Я не хотел больше мяса, мне хотелось половить рыбу. Потому я и пошел на реку, но

вся рыба там уснула.

— А что ты делал один всю ночь в лесу? Ты весь в ссадинах. Смотри, от пояса одни клочья остались! Ты, наверное, голоден как волк?

— Да, я хочу есть, — сказал Дрэм. — Еже вика в лесу очень колючая. Я залез в нору под дубом и спал там.

Он не забыл о Большом Страхе, хотя и старался отогнать воспоминания о нем.

— А потом в лесу я встретил Тэлори-охотника и мы вернулись вместе и поговорили по дороге, как мужчины.

Мать достала овсяную лепешку из корзины, висящей на конце балки.

— Ешь, сразу станет легче. — Она сунула ему в руку лепешку. — Подумать только, Тэлори-охотник! И о чем же вы могли говорить с Тэлори-охотником?!

С матерью всегда было так — она вечно хотела знать больше, чем ей следовало.

Дрэм хвастливо выпятил грудь. Рот у него был набит лепешкой.

— Я ведь сказал, это был мужской разговор. — Он бросил через плечо взгляд на брата, который все еще продолжал дуться. — Мне надоело бить рыбу. Может, ты дашь мне свое старое копьё? Знаешь, какое? То, что с тремя насечками на острие. Оно ведь сейчас у тебя стоит без дела.

Глава III ПЕРВЫЙ ТРОФЕЙ

Созрел ячмень, но Дрэм так и не пошел в горы помогать Долаю пасти овец. Затем поспела пшеница и ее надо было сначала обмолотить, а потом провеять большим пером дикого гуся — лучшее зерно отбирали для посева, а остальное, просушив, ссыпали в ямы-хранилища, вырубленные прямо в мелу и обложенные звериными шкурами. Тут подоспел Самхейн, праздник урожая, начиная с которого год поворачивается в темную сторону. С высокогорных пастбищ пригнали овец на стрижку, и в деревне, как всегда в эту пору, сразу стало шумно илюдно, особенно когда забивали крупный рогатый скот. Дрэм не сдержал обещания и не пошел к полулюдям, когда перегоняли овец с летних пастбищ, — он не мог сейчас заставить себя встретиться с Долаем и пастухами.

Настала зима и волчий вой в темноте слышался теперь все ближе — воины племени вместе с полулюдьми каждую ночь выставляли посты около овечьих загонов. Потом зима сменилась весной, и Дрэм, впрягши двух рыжих волов, вспахивал семейные делянки. За плугом с диким криком носились тучи орущих чаек, и тени от их крыльев сливались с тенями облаков, плывущими по склонам Меловых гор. Когда наступило время сева, Дрэм вместе с мальчишками из нижней деревни и дальних хижин проводил все дни в долине, отпугивая птиц. Так, почти незаметно, пролетел год.

Как-то под вечер, незадолго до стрижки овец, мать послала Дрэма в деревню, в дом Тэлори-охотника, поручив ему рассказать Уэнне, невестке Тэлори, как лучше сохранить яйца дикой утки. Дрэм не раз бывал там после встречи с охотником в предрассветном лесу. У Тэлори было три взрослых сына и даже младший из них уже получил алую повязку в последний Белтин, праздник костров. Сыновья дружелюбно, хотя и несколько свысока, встречали Дрэма, бросая слова приветствия, как бросают кость симпатичному щенку. Толстая Уэнна, жена старшего сына, присматривавшая за хозяйством, охотно с ним болтала, если не была занята стряпней или маленькой, вечно мокрой дочкой, орущей что есть мочи в кустах у порога. А Дрэм каждый раз, когда шел в деревню, надеялся увидеть Тэлори-охотника.

И сейчас, спускаясь волчьей рысью по горной тропинке с копьём на плече, Дрэм думал о том, как было бы хорошо, если бы вдруг Тэлори оказался дома. День был ненастный ветер быстро гнал над холмами низкие рваные тучи, сквозь которые то и дело проглядывали солнечные лучи. Лес, острым клином врезающийся в долину, ревел, как кузнечные меха,

когда Дрэм уже под проливным дождем, хлещущим его по лицу, промчался по опушке. Дождь перевалил за гребень Холма Собрания, заштриховав очертания круглого могильника, где подле своего бронзового меча мирно спал всеми забытый воин. Дерновые крыши хижин и служб вокруг дома Вождя будто сгрудились и сжались, как лошади, укрывшиеся под горой. Но для Дрэма этот день навсегда остался счастливым и безоблачным, одним из той вереницы счастливых, безоблачных дней, какие в старости, оглядываясь на свое прошлое, бережно вынимаешь из тайников памяти.

У Тэлори-охотника было не так много сараев и амбаров, как в других дворах. Правда, ему с сыновьями все же приходилось заниматься хозяйством, но главное их богатство составляли не стада и посевы, а умение выделывать шкуры и знание охотничьей тропы, где никто лучше них не мог разгадать повадки зверя, метнуть копье, выстрелить из лука и поставить ловушки.

Эск, старший сын Тэлори, сидя на корточках на пороге дома, чистил бронзовым скребком свежую бобровую шкуру, а две огромные собаки на лету хватили отскакивающие от скребка кусочки мяса. Когда Дрэм остановился, чтобы пожелать ему доброго дня, Эск вскинул голову:

— Сегодня для тебя есть кое-что интересное.

— Щенки? Фэнд оценилась!

Голос Дрэма задрожал от нетерпения.

— Может, и так. Иди взгляни сам.

Около двух с лишним месяцев назад, на исходе зимы, Тэлори взял Фэнд, самую умную и красивую из собак, и, натерев ей пятнистую шкуру специальным снадобьем из трав, чтобы отбить человеческий запах, привязал ее к ольхе у лесного озерца, куда приходят на водопой волки. Время от времени так поступали охотники и пастухи, чтобы получить хорошее потомство и оздоровить собачью стаю, влив в нее свежую кровь. Наутро, осмотрев собаку, Тэлори обнаружил на ней явные следы волчьих когтей, да и от шерсти ее пахло волком. Это означало, что красавица Фэнд скоро принесет крупных сильных щенков.

Дрэм стрелой пронесся через низкую дверь и нырнул в дымный мрак хижины, освещенной лишь пламенем очага. Он бросил копье в угол, куда полагалось класть оружие, входя в дом, и, не заметив Уэнну, подсушивающую у огня лепешки из овечьего сыра, направился прямо к загородке, устроенной у стены и застланной грубым тряпьем и папоротником, — там явно кто-то тихонько скулил и шевелился. Тэлори раздвинул в одном месте доски загородки и, опустившись на колено, кормил кусочками мяса Фэнд, глаза которой ярко горели в темноте. Собака полулежала на ворохе папоротниковых листьев, а вокруг нее, насколько мог разглядеть Дрэм в полумраке, ворочались и извивались крохотные комочки.

Не поднимаясь с колен, Тэлори повернулся и взглянул на мальчика — в темных глазах вспыхнул одобрителный огонек. Общая радость стирала разницу в их положении и возрасте.

— Я услышал твой голос. Видишь, вот и щенки. Ну-ка иди, посмотри!

Дрэм, который уже успел перевести дыхание, присел на корточки возле охотника — глаза сияли под огненно-рыжей спутанной шевелюрой, мокрой от дождя.

Фэнд обнюхала с гордостью и недоумением одного из маленьких, прижавшихся к ней комочков. Всякий раз, когда Фэнд приносила потомство, поначалу она взирала на него с удивлением.

— Красавица моя, ты у нас умница, — сказал Тэлори, и в голосе его были ласковые вибрирующие нотки. Он отдал Фэнд последний кусочек мяса и почесал тыльной стороной руки теплую ямку у нее на шее.

Теперь Дрэм мог разглядеть щенят — их было пять штук. Слепые и беспомощные, они непрерывно копошились и толкали друг друга, стремясь протиснуться поближе к материнскому боку и заполучить побольше теплого живительного молока.

Тэлори просунул руку под крошечное брюхо и поднял на ладони щенка. Фэнд не

выразила при этом беспокойства и даже лизнула хозяина в запястье. Однако при первой же попытке Дрэма взять на руки щенка она предупреждающе заворчала, а затем ворчание переросло в ровный грозный рык. Дрэм испуганно отдернул руку.

— Ну что ты, Фэнд?! Я — Дрэм, ты же меня знаешь. Не бойся, я ничего не сделаю твоим щенкам.

Тэлори улыбнулся, белые клыки обнажились в углах рта:

— Подожди немного. Скоро она позволит тебе брать на руки щенят, еще до того, как они откроют глаза. А сейчас она встревожена и не в духе. Оттого и рычит.

Он положил щенка на место и взял второго, с черно-желтой шерсткой.

— Отличные щенки! Но этот, помани мое слово, будет лучше всех.

Не обращая внимания на тихое предупреждающее рычание, он опустил щенка на колени Дрэму. С каким-то странным, незнакомым ему чувством, Дрэм, поддев щенка под грудку, посадил его так, что четыре лапки теперь свисали с обеих сторон руки. Щенок, как и его братья, был похож на крысенка, и даже шкурка у него была влажная, как у мыши. Розоватое брюхо, почти без шерсти, нетерпеливо дрожало на ладонке у Дрэма. На груди и на горле щенка ясно проступали серебристые подпалинки. Щенок заскулил и стал тыкаться мягкой мордочкой в ладонь в поисках теплого молока, которое вдруг исчезло. И сердце мальчика, пока он глядел на щенка, затопила безмерная нежность. Дрэм много раз держал на руках щенят — он вырос среди охотничьих и пастушьих собак, — но этот щенок вызывал у него неудержимое желание громко крикнуть: «Брат мой, мы созданы друг для друга, ты и я». Именно этот щенок, единственный, со светлой подпалиной на груди!

«Что толку думать об этом? Будь щенок этот хилым и слабым, Тэлори, может, еще и согласился бы его отдать. Но он ведь самый лучший, сам Тэлори сказал, да и так видно. А в клане любой охотник не постоит за ценой, сколько бы Тэлори не запросил за щенка Фэнд — у нее дети всегда такие же умные и красивые, как она сама».

Щенок все настойчивей и нетерпеливей шарил мордочкой по ладони Дрэма.

— Он хочет есть. Пора положить его обратно.

Тэлори взял щенка и опустил его за загородку. С улыбкой он следил, как щенок энергично проталкивается к материнскому брюху.

Затем Тэлори поднялся:

— Пошли! Надо дать ей покой.

Дрэм встал и, бросив тоскливый взгляд на крошечного крысенка, копошащегося в загородке среди своих братьев, вышел на улицу в ненастный вечерний сумрак, оставив в доме Тэлори свое встревоженное сердце и так и не выполнив поручение матери.

Отныне он пользовался любым предлогом, чтобы ускользнуть из дома и сбегать в деревню: щенки подросли и перестали нуждаться в матери. Фэнд к тому времени порядком надоело ее семейство, и она вернулась на свое привычное место у ног Тэлори. Низкая разборная загородка мешала щенкам разбредиться по всему дому — иначе они круглые сутки шарили бы по всем углам и скорее всего попали бы под ноги Уэнне, или их разорвали бы в припадке ярости охотничьи псы.

Однажды летним вечером, таким же серым, как все вечера, с той только разницей, что не было ветра и моросил мелкий дождик, Дрэм, которому за последние несколько дней ни разу не удалось увильнуть от работы и сходить в деревню, пошел в лес проверять свои ловушки, а на обратном пути неожиданно встретил Тэлори. Дрэм тут же свернул с дороги и рысцой, рядом с собаками, пошел вслед за охотником. Как только они подошли к дому Тэлори, он бросился к загородке и, раздвинув деревянный барьер, сел на корточки перед настилом из папоротника, на котором прыгали и резвились щенки. Дождевые капли со стуком скатывались с крыши, и огонь плясал под котелком, в котором Уэнна варила в молоке куски оленины. Мокрая, как всегда, девочка гукала и пускала пузыри на оленьей шкуре возле очага под визг и возню щенят. Фэнд проскочила мимо Дрэма в загон и принялась обнюхивать щенков и расталкивать их широкой мордой. Однако она не легла рядом с ними — они больше не нуждались в материнском молоке. Сама же она уставала,

когда щенки начинали дергать ее и ползать по ней.

С тех пор как Дрэм увидел щенят, они стали вдвое крупнее, обросли пушистой шерстью и очень осмелели. Теперь они ничем не напоминали крысят. Дрэм посмотрел снизу вверх на Тэлори, который, развесив добычу, подошел к загородке.

— Фэнд их совсем больше не кормит? — спросил он.

— Нет. Пора уже. Они теперь едят овсянку и мясо.

У Дрэма внутри будто что-то оборвалось. Он перевернул на спину щенка с белым пятном на горле и тут же почувствовал, как маленькие острые зубы оцарапали ему палец.

— Ух ты, свирепый волчий пес! Еще и кусаться вздумал!

Он стал катать щенка из стороны в сторону, отчего тот радостно визжал. Продолжая играть со щенком, он, не поднимая головы и стараясь не выдать волнения, спросил бесстрастным ровным голосом:

— Их скоро заберут новые хозяева?

— В любой день могут.

Дрэм проглотил слюну:

— А ты... ты уже решил, кому их отдашь?

— Ну, конечно. Маленького рыжего я оставляю себе. И еще светло-серого. Вот этого продам Белу с переправы за кусок полотна — бедняжке Уэнне не под силу пряхсть на четырех мужчин. А вон того берет Гуитно Поющее Копье.

Оставался только один щенок, черный, с серебристой подпалинкой на горле. Сейчас он лежал, уткнувшись мордой в ямку на шее Дрэма, который, не сознавая, что делает, крепко прижал его к себе.

— А... этого, — сказал с расстановкой Тэлори и оборвал фразу, не сводя внимательных глаз с маленькой застывшей фигурки, прижавшей к груди щенка. Видно было, что мальчик всеми силами старается не выдать волнения.

Подняв голову, Дрэм встретил испытующий взгляд темных узких глаз. Он напряженно ждал, и от этого напряжения закололо под ложечкой. Он слышал, как летний дождь стекает с крыши и как Уэнна, переворачивая ячменные лепешки в горячей золе, что-то тихонько напевает дочке. Щенок, которого Дрэм сильно сжал, протестуя закусил. Дрэм почувствовал его живое теплое тельце и дыхание, как у всех щенят, слегка пахнущее чесноком. Скоро это теплое живое существо попадет в чужие руки и станет откликаться на чужой зов, и охотиться он отныне будет со своим хозяином, а хозяином этим будет не он, Дрэм, а какой-то чужой человек. Дождевые капли теперь падали на землю с громким стуком.

— Тебе так сильно его хочется? — спросил Тэлори.

Дрэм посмотрел на него серьезными, блестящими глазами и молча кивнул. Говорить он не мог.

— Тогда я, пожалуй, продам его тебе, но... возьму выкуп.

Дрэму показалось, что дождь застучал еще громче: кап-кап-кап — и удары маленьких звенящих стрел с темными наконечниками дробно разрывали тишину.

Выкуп? Но какой выкуп он может дать за щенка? Он ведь не Белу и у него нет тонкого полотна.

Вглядываясь в лицо Тэлори, он старался угадать смысл сказанных слов.

— А какой выкуп? — наконец выдал он и не узнал собственного голоса.

Тэлори улыбнулся:

— Мне надоела последнее время баранина, да и оленьё мясо тоже. Хорошо бы раздобыть птицу для котла. Это и будет твоя плата за щенка. Но только одно условие — убить ее копьем.

Дрэм нахмурил лоб в замешательстве. «Ведь Тэлори мог настрелять, если бы захотел, сколько угодно дикой птицы. И к тому же у него три сына охотника». И вдруг его осенило: он должен доказать свое умение владеть копьем. Это и будет истинной платой за щенка.

Скоро год, как он начал учиться метать копье и, надо сознаться, немало в этом преуспел. Неожиданно он широко улыбнулся, вскинув голову, как боевой конь. И тут же

стих громкий звук дождя, скатывающегося по скосу крыши, и все стало на свои места.

— Я принесу тебе выкуп, Тэлори, — сказал он. — Завтра же принесу. Домашним он ни словом не обмолвился о своих планах: ему не хотелось

заранее никому ни о чем рассказывать. Спал он в ту ночь беспокойным сном, без конца просыпаясь, пока между балками, где был отогнут дерн, не высветился кусочек неба. Это был сигнал, означавший, что пора двигаться. Он откинул шкуру, служившую ему одеялом, и поднялся, стараясь не шуметь. Первым делом он проверил: на месте ли нож. Теперь ему предстояло на ощупь отыскать свое копьё и извлечь его осторожно, так, чтобы оно не звякнуло о соседние. Достав копьё, он со вздохом облегчения направился к двери. Старая Ки, спавшая около очага, подняла голову и внимательно следила за всеми его действиями. При этом она не издала ни звука, так как собаки привыкли к ночным уходам и возвращениям хозяев. Летом, к счастью, снаружи у входа не было лошадей, а не то они топотом и ржанием могли бы его выдать.

Вчерашний дождь кончился, и в ясном чистом воздухе пахло сырой свежeweымытой землей.

Над Большой Меловой кричали кроншнепы. Крик их в это время года не стихал все ночи напролет, недолгие летние ночи. Было еще очень рано, и до рассвета он успевал не спеша дойти до места, выбранного им для охоты.

Оставив позади лоскутки обработанных полей, он направился к небольшому ручью, источник которого находился в глубокой ложбине под пастбищем. И вдруг ухо его уловило легкий топот ног, очень маленьких и проворных — кто-то бежал за ним по мягкому дерну. Он резко обернулся — тень рванулась вниз со склона, и он увидел перед собой Блай, задыхающуюся от быстрого бега.

Дрэм рассердился:

— Зачем ты за мной ходишь? Иди домой.

— Я видела, как ты встал, и... подумала, может, тебе нужна еда, если ты идешь на весь день на охоту.

Высокий звонкий голос Блай чем-то напоминал птичий и совсем не сочетался с ее хмурым узким личиком.

Еда? Он и забыл про нее. Еда была женской заботой.

— А что у тебя тут? — спросил он.

— Только ячменная лепешка. Все, что я смогла стащить потихоньку. Я боялась, что они проснутся. Но зато она большая.

— Сгодится, — сказал великодушно Дрэм и, прижав локтем копьё, взял у Блай лепешку. — Иди теперь домой. И не говори никому, что я пошел на охоту.

— Никому не скажу, раз ты просишь.

Блай не уходила, нерешительно переминаясь с ноги на ногу:

— Дрэм, возьми меня с собой!..

— Тебя? Зачем? Какой от тебя толк? — В его голосе была жесткость.

— Я буду все-все для тебя делать. Я буду тебе вместо собаки.

Дрэм, который уже собирался двинуться, обернулся.

— Собаки? Мне сегодня ни к чему собака. — И потом вдруг, не удержавшись, добавил: — Скоро у меня, может, будет собственная собака, и я буду ходить с ней на охоту.

Он сделал несколько шагов, когда услышал за спиной крик: «Вот погоди, погоди, придет мой отец!» Но крикнула это Блай скорее для себя, чем для Дрэма.

Дрэм перешел через ручей, настолько узкий, что даже не пришлось перепрыгивать по камешкам. Он, как и полагалось мужчине, шел на дневную охоту, оставив женщину стоять по ту сторону ручья.

Бледная янтарная полоса разгоралась на востоке, когда он, жуя на ходу лепешку, чтобы поскорее от нее избавиться, спустился с нижних склонов, густо поросших дубняком, орешником и низкорослым боярышником, и двинулся к болоту. Большая широкая река, причудливо извиваясь, катила воды из глубины лесистых предгорий к югу, где,

натолкнувшись на теснину в горах, долго петляла и меняла направление, прежде чем слиться с Большой Водой. В реку впадало множество ручьев, берущих начало на нижних склонах Меловой. Посреди реки в нескольких местах бобры устроили запруды. Дрэму казалось, что бобры живут здесь вечно, с тех самых пор как возникла река, и что, пока она существует, все новые поколения бобров будут строить на ней свои плотины. Перегороженная вода вышла из берегов и разлилась вширь. Так появились Болота. Иногда после зимних дождей вода доходила до леса, оставляя после себя озера. Чтобы обойти такое озеро из конца в конец, надо было потратить день, а то и два. Путь через Меловую шел вдоль извилистого рукава реки, где из воды тянули к небу свои ветви ольха и козья ива, но летом тут была суша, сырая, топкая и буйно-зеленая: заросли камыша и ольхи, терновник и козья ива, лохматые шапки желтого ириса, сплетенного бескильницей и подостеумом. Мелкие озера служили прибежищем для диких птиц — птицы прилетали в глубь гор гнездиться и оставались там до осени.

В Меловых горах и на Болотах никто не жил, и только по ночам поднимались из них туманы, среди которых бродили злые духи — они насылали на людей болезни и запускали им в кости колотящий огонь. И даже в жаркий летний полдень здесь всегда был запах сырости и гниения, так как прилив, дважды в день омывающий Болота на взморье, не проникал сюда через горы. Охотники тем не менее посещали эти места, чтобы пострелять диких птиц и бобра.

Дрэм тоже направился к Болотам и, укрывшись в ивняке на берегу одного из мелководных водоемов, стал ждать.

Его пробирала дрожь от холода и волнения и перехватывало дыхание при мысли о том, что теперь все зависит именно от этой сегодняшней охоты. Полоса янтарного света на востоке зазолотилась, и вода кругом подхватила золото, засверкала, задвигалась, пробуждая к жизни Болота, — в мир снова возвращались свет и краски. Вдруг какая-то темная птица, почти как крыса, выскочила из-под бледных корней камыша у ног Дрэма, остановилась в нерешительности, словно раздумывая, не повернуть ли обратно, затем быстро побежала к соседним кустам. Водяной пастушок! Дрэм знал, что вслед за ним должны зашевелиться и другие обитатели Болот. Теперь уже недолго ждать, совсем недолго. Он присел ниже, отведя ногу назад. Рука судорожно сдвинула древко копья. Чтобы ослабить напряжение, он разжал пальцы — ладонь была мокрая и липкая от пота. Он лихорадочно пытался вспомнить все, что знал, все, что ему говорили о том, как лучше метать копье, все, чему он выучился на собственном опыте. Облизнув нижнюю губу, он снова застыл в ожидании.

Он был сейчас как туго натянутая тетива и поэтому едва удержался на ногах, когда через минуту справа от него из камышей выпорхнул дикий селезень. Сделав усилие, он взял себя в руки и бросил копье — оно полетело с легким звоном и отсекло птице кончик крыла. В первую минуту Дрэм решил, что попал в цель, но копье упало в камыши, а селезень взлетел вверх, оглашая тревожным криком утренние небеса. И тут Болото пришло в движение — со всех сторон слышалось испуганное, негодующее хлопанье крыльев.

Через некоторое время снова воцарился пикой, и Дрэм ясно различал перекликающиеся вдали голоса диких уток, кроншнепов и куликов. Но Болото теперь безмолвствовало — пустое Болото под солнечным пустым небом.

Дрэм в досаде ударил со всего размаха кулаком по стволу ивы, но ничего при этом не изменилось: вокруг было по-прежнему тихо и только саднили ушибленные костяшки пальцев. Едва сдерживая слезы бессильной ярости, он выскользнул из своего укрытия и принялся искать в камышах копье. Он довольно долго ползал в зарослях, так как злость и обида мешали ему сосредоточиться. Наконец, найдя копье, он снова укрылся в ивняке. Но птицы не возвращались, он слышал, как они перекликаются в отдалении. Солнце поднялось уже достаточно высоко и ровный свет струился по всему Болоту, когда он понял, что ждать бесполезно.

Он покинул засаду и стал крадучись пробираться сквозь заросли козьей ивы, он все еще надеялся вспугнуть какую-нибудь птицу и прибить ее копьем прежде чем та успеет

упорхнуть от него. Он прочесывал кругом все заросли до тех пор, пока не стали укорачиваться тени, но нигде на расстоянии полета копья не было ни одной птицы. В сердце у него нарастал какой-то смутный страх, близкий к отчаянию. Но ведь впереди есть еще дни. Да и вряд ли Тэлори сразу отдаст щенка, когда узнает что ему не повезло в первый день. Но он сам вчера неосторожно сказал, что принесет выкуп сегодня А значит, в его распоряжении только один день. Таковы условия сделки. В его мозгу все это каким-то образом переплеталось с алой воинской наградой. Он во что бы то ни стало должен отдать выкуп за щенка сегодня! Он должен исполнить уговор, как положено, и доказать свое умение владеть копьем, если хочет чтобы мать, когда настанет час, взялась прясть алую пряжу.

В полдень или чуть позже, когда он, пригнувшись, шел вдоль опушки длинной ольховой рощи, он вдруг услышал ритмичный скрипучий звук, одновременно мелодичный и жутковатый, звук, какой издает лебедь при полете. Обернувшись, Дрэм увидел огромную птицу — она летела низко, прямо на него, через полосу изумрудного дерна, разделяющую два разлившихся озерца. Белые перья сверкали на солнце, а тень птицы, словно темное эхо, плыла по земле — две птицы, птица снегов и птица теней... Лебедь летел, вытянув шею, и Дрэм видел разворот сияющих крыльев, бьющих воздух с какой-то ленивой грацией и силой. Все ближе и ближе ритмичные удары. Он, как замороженный, смотрел на птицу, и казалось, она несется прямо на него, застив мир огромностью своих белых крыльев. Дрэм был весь во власти этой слепящей белизны, этого ошеломляющего дивного видения, обрушившегося на него, как гром среди ясного неба, как восточный шквал или внезапный луч солнца в тучах. Он не помнил, как поднялся на ноги, не помнил, как занес руку — копьё рванулось назад и вверх, описав свою совершенную кривую. С верещащим звуком оно ударило лебедя в грудь — огромная птица метнулась ввысь и тут же, накренившись, рухнула на землю.

Дрэм выбежал из-за скрывавшей его ольхи и бросился к месту, где упал лебедь. Он был еще жив, но дергался в судорожной агонии. Дрэм стоял меж трепещущих крыльев, которые сейчас, попади их удар прямо, могли переломить ему ноги. Выхватив из-за пояса нож, он прикончил птицу. Она дернулась последний раз и затихла.

Теперь лебедь, огромных размеров самец, был мертв. Он лежал, вытянув шею, как во время полета. Дрэм вытащил копьё, все еще торчавшее в груди у птицы, — белые перья окрасились кровью. «Кровь на снегу», — подумал Дрэм. Руки у него были в крови, а трепетная живая красота птицы вдруг куда-то ушла. И его неожиданно пронзило острое отчаяние, такое же ошеломительное, как и видение летящей птицы. Как могло это маленькое копьё, брошенное почти бездумно, в одно мгновение уничтожить весь этот блеск, всю эту силу и скорость?!

Но отчаяние прошло, как прошло и видение, уступив место жгучему чувству гордости, ибо перед ним лежал его первый настоящий охотничий трофей. Он воткнул в землю нож, чтобы очистить его от крови, затем сунул за пояс. Надо было решать, что делать дальше.

Глава IV ЦЕНА БЕЛОШЕЯ

Одно было ясно — он не мог дотащить свою добычу до дома Тэлори. Еще сегодня утром он рисовал в своем воображении картину, как он гордо входит во двор охотника, держа в руке вниз головой убитую птицу — чирка или утку. Ну, а лебедь!.. Такого он даже вообразить не мог! Раздуваясь от гордости, он прошествовал бы по деревне, перекинув лебедя через плечо так, чтобы до земли свисали огромные белые крылья. Но крылья в развороте были почти в рост человека, и, сделав попытку приподнять птицу, Дрэм понял, что без посторонней помощи ему не взгромоздить ее даже на плечо, а не то чтобы нести всю дорогу. Оставалось только надежно спрятать добычу и пойти сказать Тэлори.

Крепко ухватив птицу, он поволок ее в ольшаник, на что ушло довольно много времени, так как, сам того не сознавая он старался не повредить ей перья. Это был его

трофей, все еще прекрасный, хотя и бездыханный, и ему хотелось сохранить его красоту чтобы ее увидел Тэлори. Шаг за шагом, он дотащил распластавшуюся по траве птицу до зарослей ольхи, густого тростника и дикого ириса и там, в глубине, сложил, как можно теснее, огромные лебединые крылья, чтобы они занимали места поменьше. Затем он нарвал охапки бурого цветущего тростника и стреловидных листьев ириса и укрыл ими птицу. Он сыпал тростник и ирис слой за слоем, пока под их ворохом не скрылся последний кусочек белого оперенья, который мог бы привлечь внимание воронов и сорок.

Закончив, он встал и, подобрав с земли копье, очистил его тем же способом, что и нож, то есть воткнул в дерн. Напоследок он внимательно оглядел все вокруг, чтобы запомнить место, и направился в деревню к дому Тэлори-охотника.

В поисках добычи Дрэм отшагал за день огромное расстояние, но, как оказалось, много раз возвращался на одни и те же тропы, и поэтому не слишком сильно углубился в Болота. Обратный путь сквозь густой орешник с роящейся в нем мошкой и далее вверх по крутым склонам Меловой был утомительным и длинным. Босые, в кровь изодранные шиповником ноги гудели от усталости, когда перед ним открылась наконец деревня и потянуло знакомым запахом.

Это было время сбора дикого чеснока. По берегам речки и на лесных опушках, в местах, где потенистей и попрохладнее, женщины и девушки искали цветущий чеснок и собирали белые с резким запахом звездочки в большие тростниковые корзины. Много дней в деревне и во всех дальних усадьбах стоял этот острый запах белых цветов, которые сушили на южной стороне низких, крытых дерном крыш.

Вчерашний дождь нарушил все планы, но сегодня солнце грело жарко, и ласточки носились высоко в небе, что предвещало ясную погоду. Повсюду на крышах белели пятна уже увядших звездочек; пряный аромат ударил в нос, когда Дрэм пробирался меж деревенских полей к усадьбе Тэлори-охотника.

Ни Тэлори, ни его сыновей не оказалось дома. На пороге хижины сидела толстая добродушная Уэнна и молола в каменных жерновах зерно на завтрашний день. При виде Дрэма она испуганно вскрикнула:

— Что с тобой? У тебя на лбу кровь!

Дрэм удивился. Он, должно быть, испачкал кровью лицо, когда откидывал со лба волосы.

— Нет, я не ранен. Я охотился и убил дичь. Мне надо поговорить с Тэлори.

— Он в долине. Пошел искать телят.

Теперь, успокоившись, Уэнна улыбнулась Дрэму:

— Хочешь, пойдешь взгляни на щенков. Гуитно приходил сегодня. И Белу. Но три еще остались.

Дрэм покачал головой. Успеется. Щенок теперь никуда от него не денется.

— Ты, небось, хочешь есть?

Дрэм за целый день ни разу не вспомнил о еде. Но сейчас он вдруг почувствовал, что голоден, — он ничего не ел с утра, кроме лепешки, которую ему дала Блай. Желудок был пуст, как змеиная прошлогодняя кожа.

— Подожди, я сейчас.

Уэнна поднялась и исчезла за дверью хижины, оставив его с девочкой, лежащей на мягкой оленьей шкуре. Девочка сосала бусинки кораллов, висящие у нее на шейке, и смотрела на него черными, как терновые ягоды, печальными глазами. Дрэм осторожно ткнул ее в живот большим пальцем — посмотреть, как она будет реагировать: он был готов тут же сбежать, если бы она вдруг расплакалась, сделав вид, что он совершенно ни при чем. Но девочка задрыгала ногами и одобрительно загулькала. Он ткнул еще раз и быстро отошел в сторону, завидев Уэнну.

— На вот, возьми.

Она протянула ему пшеничную лепешку, густо смазанную темным медом, и снова принялась молоть зерно.

Дрэм сел на солнышко, облокотившись спиной о дверной столб из рябинового дерева, и стал слизывать струйки стекающего золотистого меда. Он ел лепешку и смотрел, как Уэнна насыпает зерно из корзины в отверстие верхнего каменного круга и как желтоватая, крупного помола мука сыплется на специально подстеленную шкуру; когда она крутила жернова, она то и дело останавливалась и сыпала муку в глиняный кувшин. Дрэм не вызвался ей помочь — это была женская работа, а он — мужчина, охотник, подстреливший сегодня крупную дичь.

Тени постепенно удлинялись, хотя до вечера было еще далеко. Уэнна ушла в хижину и унесла девочку, придерживая ее сзади на бедре. Дрэм так и сидел у порога, когда вернулся Тэлори, таща на веревке маленькую бурую телку, — вид у телки был понурый.

Дрэм поднялся на ноги и пошел ему навстречу. Тэлори уже был между сараем и поленицей. Телка все время дергалась то в одну, то в другую сторону. За ней следом шли три собаки.

— Ну, как дела? — спросил Тэлори, завидев Дрэма, и тут же качнулся назад, так как телка натянула веревку.

— Я пришел за щенком. Я могу отдать тебе выкуп.

Тэлори удивленно поднял брови:

— А где он? Уже в горшке?

— Я не мог один донести его. Он слишком большой.

— Ты что, копьем убил дикого быка? — В голосе охотника появились низкие ноты, как всегда, когда он смеялся. И тут же в углах рта обнажились, как у собаки, клыки. — Но ты помнишь уговор? Это должна быть птица.

— Это лебедь. — Дрэм едва, выговаривал слова — так его распирало от гордости: — Самец такой громадный, как облако.

— Вот это да! Трофеем так трофеем!

Как только они направились к коровнику, телка сердито замычала.

— Он там, на Болоте, — продолжал Дрэм, — я не мог один донести его и поэтому решил спрятать, а сам пришел сюда. Я думал, мы можем сейчас сходить за ним.

Голос осекся: Дрэм понимал, что это слишком большая просьба — заставить Тэлори куда-то идти на исходе дня.

Тэлори посмотрел на него сверху вниз, выставив ногу, чтобы преградить путь телке. Он устал, ему хотелось спокойно посидеть, вытянув ноги, или отполировать копье, пока Уэнна готовит ужин, но, увидев, как по лицу мальчика, полным гордости и нетерпеливого ожидания, пробежала тень, он сказал:

— Помоги мне загнать телку, а потом сходим вместе и принесем добычу. Они завели телку в коровник и оставили ее на попечение Уэнны. Вскоре

они уже спускались вниз к Болотам. Тэлори, как обычно, шел впереди легким широким шагом охотника, а собаки и Дрэм трусили сзади.

Синие летние сумерки сгустились, и белая сова, та, что жила под навесом, где Вождь держал большого племенного быка, носилась серебристой тенью взад и вперед над полем, когда они подошли к Холму Собраний, у подножия которого были разбросаны деревенские хижины.

Тэлори, как и раньше, шел впереди, а Дрэм с собаками сзади. Но только теперь Тэлори нес на плече лебедя — огромные крылья свисали, закрывая ему спину. Они казались призрачно бледными, бледнее даже, чем крылья охотящейся совы, бледнее белых звездочек чеснока, рассыпанных по крышам.

Шкура, занавешивающая дверь, была поднята, и глазам их предстало пятно света, темно-золотое, как мед, стекающий из полного до краев кувшина. Сыновья Тэлори вернулись с охоты и теперь сидели у полупогасшего очага, начищая до блеска оружие. Ужин был давно окончен, и Уэнна шила что-то из куска желтой ткани при свете коптилки с бараньим жиром, свисающей с потолочной балки.

У очага, спиной к двери, сидел какой-то человек, крупный и широкоплечий. Когда он

повернул к ним лицо, они узнали Морвуда, брата Вождя. За ним, в его тени, примостился на корточках мальчик, примерно одних лет с Дрэмом. В руках он держал отцовское копье. У мальчика было капризное, недовольное выражение лица, но Дрэм, который бегал с ним в одной мальчишней стае, никогда об этом не задумывался. Он только знал, что без Луги, сына Морвуда, не обходилась ни одна ссора между их сверстниками.

— Наконец-то пришел, — сказал Морвуд, в то время как мальчики оглядели друг друга, вскинув головы, как боевые петухи.

Тэлори остановился в дверном проеме и, несмотря на раздраженный громкий голос гостя, любезно ответил:

— Наконец и ты, Морвуд, брат Вождя, посетил мой дом, и я рад приветствовать тебя. Я не думал, что ты так быстро распродашь товар и вернешься до того, как начнет убывать луна.

— Я вернулся домой сегодня вечером и мне сказали, что Фэнд оценилась и что щенков уже можно разбирать. Поэтому я и пришел выбрать себе щенка.

Тэлори стоял слегка улыбаясь; огромный лебедь все еще лежал, свесив крылья, у него на плече.

— Щенков уже разобрали, ни одного не осталось.

Эск, старший сын Тэлори, оторвал взгляд от копья, которое он усердно полировал, и взглянул на отца.

— Я сказал ему об этом, отец, но он все равно решил дожждаться тебя.

Красное тяжелое, лицо Морвуда еще больше покраснело, и от глаз остались одни лишь блестящие, как стеклышки, щелки. Он всегда краснел, когда злился.

— Разве ты не помнишь, как в прошлый листопад я говорил тебе, что принесу отличный медный котел, который еще не был на огне, в обмен на лучшего щенка из помета Фэнд?

Видно было, что он все больше распаляется.

У Дрэма все поплыло перед глазами и свело в животе. Он видел торжествующую ухмылку на лице Луги.

Затем заговорил Тэлори:

— А разве ты не помнишь, как я тебе сказал в прошлый листопад, что никогда не обещаю еще не родившихся щенков?

Мир вокруг обрел свой привычный порядок, и усмешка погасла на лице Луги.

Морвуд выдавил из себя смех. Ему стоило больших усилий сохранять дружелюбный тон.

— Ладно, не будем про это вспоминать. Я пришел сегодня, а у тебя еще остались три щенка. Мне нравится вон тот, с белой подпалиной на груди. Самый лучший из трех, сразу видно. Я дам тебе за него большой котел и в придачу меру тонкого отбеленного полотна. Что ты на это скажешь?

— Скажу, что именно этот щенок уже продан.

— И кому, если не секрет? Кому продан?

— Этому мальчику.

Ничего не понимая, Морвуд молча смотрел на Дрэма, а затем вдруг тряхнул головой и разразился громким смехом.

— С каких пор Тэлори-охотник продает щенков своей собаки детям за горсть малины? Я-то думал, ты всерьез, а это оказывается шутка. Коли так, можно все переиграть.

Тэлори одним движением сдернул лебедя с плеча и бросил его в освещенный круг перед очагом.

— Нет, это не шутка. Условия сделки выполнены честно, и мальчик принес выкуп, как договорились. Не будем больше к этому возвращаться.

Огромный лебедь, распластав крылья, лежал освещенный отсветом очага и коптилки. Одна из собак подошла и понюхала его, но ее тут же отогнал средний сын Тэлори. Морвуд неожиданно оборвал смех и уставился на лебедя, потом перевел взгляд на Дрэма и затем на

Тэлори. Он снова начал «закипать». И чем меньше он понимал, тем сильнее он злился.

— Это и есть выкуп? — Он с презрением пнул ногой птицу.

Кровь бросилась в голову Дрэму. Так пнуть его лебедя! Так обращаться с его трофеем, который он принес, чтобы выкупить любимого щенка!

— Теперь мне ясно, Тэлори, тебе недостает не только руки, но и головы. Отдать щенка своей собаки за дохлого лебедя! Мне невдомек, почему тебя не устраивает новый медный котелок. Какой выкуп тебе еще нужен?!

Дрэм сжал кулаки. И тут же услышал вкрадчиво-мягкий голос Тэлори.

— Этот дохлый лебедь мне дороже, чем все котелки вместе взятые, даже если их будет больше, чем пальцев у меня на руке.

Они стояли, глядя друг на друга. Один, большой и золотисто-рыжий, нетерпеливо покачивался на пятках от распиравшего его бессильного гнева, а второй — гибкий, смуглый, спокойный, как вода в лесном озере. Все, сидевшие у загашенного очага в этой просторной хижине, теперь смотрели на них, а Луга, полускрытый тенью, выжидающе смотрел на отца.

Морвуд первым нарушил молчание:

— Это твое последнее слово?, .

— Это мое последнее слово.

Из груди Морвуда вырвался давно сдерживаемый рык.

— Ты сумасшедший! Ты просто дурак, Тэлори-однорукий! Отказываться от медного...

Тэлори все так же мягко прервал его запальчивую речь.

— Все это я уже слышал. Но ты забываешь одну вещь, Морвуд, брат Вождя. Ты забываешь, что я решаю, кому отдать щенков Фэнд, а кому их вовсе не давать. Именно я, и никто другой, выбираю им хозяев, если нахожу их стоящими.

Дрэму на мгновение показалось, что Морвуд сейчас лопнет, как переполненный бурдюк, но, к его удивлению, тот неожиданно сник, будто из него выпустили часть жидкости.

Он замигал и стал громко заглатывать воздух, а затем, совладав с собою, направился к двери.

На пороге он обернулся и, снова закипая гневом, прокричал:

— Слушай мое последнее слово! Я найду щенков получше твоих и в сто раз дешевле. И уж тогда не надейся продать мне щенка из нового помета Фэнд! Тогда, когда никто не пожелает его взять! Даже не пытайся!

— Не буду, поверь мне, не буду!

В голосе Тэлори послышался знакомый низкий смешок. Он спокойно стоял и смотрел, как большой разгневанный человек скрылся за дверью.

Луга бросился вслед за отцом, но, остановившись на пороге, окинул всех уничтожающим взглядом, задержав его особенно долго на Дрэме.

— Здорово он разозлился, — сказал Дрэм, когда затихли шаги за дверью.

— Ничего, скоро забудет. Побушует, как западный ветер, а потом отойдет.

У Дрэма, однако, было чувство, что если гнев Морвуда и уляжется быстро, то сын его, Луга, надолго запомнит, как унизили и выставили на посмешище отца.

Но какое это имело значение? Теперь, когда все страхи были позади, Дрэм перевел дыхание и обратил взгляд туда, где при свете очага лежал, распластав крылья, лебедь. Все смотрели на птицу, а Уэнна, отложив шитье, поднялась, чтобы принести для хозяина дома оленьё мясо, которое она весь вечер держала в горшке на горячих углях.

— Гуитно приходил в полдень, а незадолго до него Белу с переправы. Я отдала им щенят, как ты велел. Сказать по правде, мне бы в хозяйстве пригодился котелок, но можно обойтись и без него.

Тэлори рассмеялся:

— Зачем же? Мы не так бедны, чтобы продавать щенка за котелок. И если тебе нужен котелок, пойди к Кияну, кузнецу. Скажи, что я дам ему две выделанные волчьи шкуры. Пусть сделает.

Сыновья Тэлори обступили Дрэма с веселым смехом. «Ну и молодчина ты, братец! Смотри-ка, птица-то какая, с тебя ростом!» — восклицали они наперебой, а Эск, самый старший, так хлопнул его между лопаток своей медвежьей лапой, что он едва не свалился в очаг. Мальчика охватило чувство безудержной бурной радости, еще более сильной, чем раньше. На мгновение, на одно ужасное мгновение, после слов Морвуда, он подумал, что его замечательный трофей и впрямь ничтожная плата за щенка и вообще это даже не плата — дохлая птица, растрепанная и некрасивая. Но потом сам Тэлори сказал, что за нее можно дать столько медных котелков, сколько пальцев у него на руке. И белые взъерошенные перья с побуревшими пятнами крови снова засверкали яркой гордой красой.

Как бы угадывая мысли Дрэма, Тэлори сказал:

— Это настоящая цена. Ну, а теперь бери щенка.

Дрэм от волнения почти лишился дара речи. Он только кивнул и прошел через всю хижину к загородке, где стояла Фэнд. Опустив морду и слегка помахивая хвостом, она прислушивалась к повизгиваниям и возне в ворохе папоротника.

Сердце Дрэма громко стучало, когда он, раздвинув низкую загородку, дотянулся до сонных, ворочающихся в папоротнике щенят и за шкуру вытащил щенка с белой подпалиной

Фэнд не выразила протеста, да и вообще не выказала ни малейшего интереса. Он держал щенка на весу. Щенок покачивался в воздухе и даже попытался лизнуть его в нос. Дрэм рассмеялся, ясно сознавая, что настал самый счастливый час его жизни.

Он вдруг громко, во всеуслышание, крикнул:

— Я купил щенка! Я сам заплатил за него выкуп! Он мой и я назову его Белошей!

— Хорошее имя, — сказал Тэлори. — А сейчас тебе пора домой.

Дрэм взглянул на него из-за щенячьей спины:

— Мне придется оставить здесь до завтра копые. Иначе мне не взять на руки щенка.

Тэлори кивнул:

— Ну, конечно. Ему ведь всего два месяца. Ноги у него еще слабые, и он не может пройти такой большой путь. Но ты все же заставь его сейчас хоть немного пробежать за тобой. Тогда он поймет, кто его хозяин и что он должен идти следом за ним.

Дрэм посмотрел недоверчиво на Тэлори, но тут же, присев, поставил щенка на ноги.

— Ты думаешь, он пойдет?

— Позови его, тогда и увидишь.

Дрэм поднялся, сделал шаг назад:

— Белошей, за мной!

Щенок продолжал сидеть. Он был слишком мал и не мог еще держать уши, но он шевелил ими и глядел во все глаза на Дрэма, стараясь понять, что от него хотят. Дрэм попятился еще дальше к двери.

— За мной! Мы идем домой, братец.

Щенок заскулил и дернулся в его сторону.

Чувствуя, что на него обращены все взгляды, Дрэм отступил почти к самому порогу:

— Белошей, ко мне!

От напряжения сдавило горло и голос вдруг стал хриплым. Он свистнул два раза, впервые в жизни, как будто по наитию выбрав верный сигнал. Маленький полосатый полуволчонок поднялся, чихнул, отряхнулся и вперевалку двинулся к нему, обтирая брюхом усеянный папоротником пол. Вдруг он заколебался и, оглянувшись, в нерешительности посмотрел на Фэнд, свою мать, а потом, все так же смешно перебирая лапами, затрусил дальше. И Дрэму теперь показалось, что он ошибся, думая, что минута, когда он вынул щенка из загородки, была лучшей в его жизни.

Он уже перешагнул порог и двигался по двору, поминутно оглядываясь. Щенок подпрыгнул и засеменил быстрее. Так они прошли двор, огибая сарай, — охотник, как положено, впереди, а собака сзади, так, как отныне они будут ходить всю жизнь. Но в конце двора Дрэм, услышав жалобное повизгивание, остановился и, подобрав с земли щенка,

положил его на плечо, поддерживая снизу здоровой рукой.

В этот тихий летний вечер, уже в полной мгле, он шел домой, поднимаясь по крутым склонам Меловой, а его охотничий пес, живой и теплый, хотя и неожиданно тяжелый, спал на его согнутой руке. Из груди мальчика рвалась ликующая песня: «Я купил собаку Я принес за нее выкуп — белого лебедя, прекрасного, как солнце среди туч. Я убил его своим копьем. Я купил собаку, и она теперь моя. Отец у нее волк из стаи, что приходит к реке на водопой. И моя собака будет самой быстрой и самой храброй во всем клане. Это мой щенок, ибо я заплатил за него выкуп, я, Дрэм-охотник!»

Этот день был длинный и трудный, но он подарил ему собаку и первый охотничий трофей. И еще он доказал его умение ловко метать копье и тем самым сократил его путь к алой воинской награде. Все это означало, что день этот был хороший, на редкость удачный.

Но Дрэм был прав, когда решил, что не скоро, очень не скоро Луга, сын Морвуда, простит или забудет обиду.

Глава V КИНЖАЛ И ОГОНЬ

Речка почти на всем протяжении была тесно зажата меж крутыми, поросшими ольхой берегами. Но там, где она делала петлю, как раз под древней тропой, лежала низкая отмель, излюбленное место купанья мальчишек из клана. Лучше пляжа и впрямь было не сыскать: летом, в часы сине-зеленого прилива, высокое полуденное солнце, опалив листву, рассыпало золотые искорки по темной воде, освещаемой то тут, то там неожиданной вспышкой радужных стрекозьих крылышек. Лето кончилось, и вода теперь с каждым днем становилась прохладней. Мальчишки, окунувшись, с визгом выскакивали на берег и тут же принимались бороться, толкать друг друга и бегать, чтобы немного согреться, прежде чем надеть набедренные повязки. Хорошо здесь было и в тихие осенние вечера, когда солнце, клонящееся к западу, посылало копья рыжих косых и уже не ярких лучей в ольховник и листву орешника, а тени густели и становились синими, как дымок от костра.

И сейчас здесь собралось несколько мальчишек; Луга, сын Морвуда, добродушный толстяк Мэлган и маленький темнолицый Эрп из племени полулюдей, который, как выдренок, мог плавать под водой. Кроме них, были здесь еще два или три мальчика, и тут же, как обычно, вертелись собаки. Дрэм сидел несколько поодаль и перевязывал ремни от башмаков из сыромятной кожи. Эта процедура занимала у него больше времени, чем у других, из-за того, что приходилось все делать одной рукой. Рядом с ним, положив голову на лапы и свернув завитком хвост, в котором запутались сухие прошлогодние стебли ивы, лежал огромный полосатый янтарно-черный пес; больше года назад Дрэм достал его, маленького и пушистого, из загородки, где он спал подле братьев в доме Тэлори-охотника, и, свистнув, поманил за собой.

Дрэм туго затянул ремешок и сел, скрестив ноги. Пора было двигаться. Он поспеет как раз к ужину. Он теперь всегда был голоден. «Интересно, что сегодня приготовит мать. Хорошо бы мясо», — подумал он. А вдруг Блай вернулась рано и тогда мать успеет сварить сладкую густую массу из дикой ежевики и меда, которую можно мазать на ячменную лепешку. Блай ведь ушла чуть свет на берег с плетеной корзиной. Но скорее всего это будет завтра.

На мгновение смолкли все звуки, и в этой тишине что-то голубое резко метнулось перед глазами Дрэма: зимородок вспорхнул в ветвях ивы, низко нависшей над водой.

Луга поднял с земли кремневый камешек — кремни часто встречались на отмели; они скатывались сверху с дороги, где был устроен водопой для скота. Не задев цели, камень перелетел через дерево и шлепнулся в воду звонко, как рыба. Зимородок с гортанным сердитым криком вылетел из листвы. Дрэм презрительно хмыкнул, что заставило Лугу нахмуриться.

— Я не хотел его задеть, — сказал он.

— Не ври!

— Нет, не хотел.

— Ты не можешь спокойно смотреть на живое существо, которое радуется жизни. Тебе не терпится что-нибудь бросить в него и убить, — сказал Дрэм и добавил только для того, чтобы подкрепить свои слова: — Тэлори говорил, что если убивать ради убийства, как делают лисы и ласки, то можно разгневать лесных богов.

Луга швырнул еще один камень в воду.

— Тэлори, Тэлори, — передразнил он Дрэма. — Кто не знает, что ты любимчик Тэлори? Отдал же он тебе Белошею за дохлого лебедя. Он уже совсем протух, когда ты стащи его у сорок. Отец мой дал бы Тэлори новый медный котелок за собаку.

Дрэм вскочил, готовый броситься на обидчика, чтобы отомстить за себя, а главное, за своего лебедя.

И в ту же минуту вслед за ним вскочил на ноги Белошей. Он стоял ощерившись и задрал морду, так что была хорошо видна серебристая подпалина на шее, давшая ему имя. Потянув носом воздух, он вдруг насторожился, янтарные глаза сразу стали напряженными. И почти одновременно с ним Эрп, который до этого лежал на животе, изучая под берегом нору водяной крысы, перевернулся на спину и сел, обратив узкое темное лицо в сторону тропы. По этой древней зеленой тропе, как и по Главному Тракту, проходило много народа из Большого Мира: охотники, одетые в шкуры, возвращались из дальних походов; пастухи в сезон перегоняли скот; воины с полосками охры и вайды на лбу шли на войну вслед за своими вождями; купцы, приплывшие по Большой Воде, вели лошадей, груженных тюками с солью, душистым желтым янтарем и бронзой тончайшей работы.

Кто-то шагал по тропе между зарослями орешника и боярышника, но, очевидно, еще далеко. Ссора была тут же забыта и мальчишки вместе с собаками стали дружно карабкаться вверх по береговому склону, чтобы, укрывшись в кустах, наблюдать за дорогой.

— А вдруг это воинский отряд, — сказал мечтательно Луга.

Появление воинов всегда было событием Их можно было не бояться — они никогда не избрали бы эту тропу, если б хотели свести счеты с деревней под Холмом Собраний, как в те времена, когда Тэлори потерял руку, а отец Дрэма ушел за закат.

— Скорей всего это охотники. Сейчас как раз листопад, — сказал Мэлган.

Маленький Эрп лежал, прижав ухо к земле.

— Лошади, — заявил он. — Земля говорит это лошади. Две, не больше. И один человек.

— Тогда это какой-нибудь купец.

Они настороженно вслушивались, глядя на дорогу сквозь орешник и ветки боярышника.

Наконец до них отчетливо донеслось легкое постукивание копыт по твердой, высохшей за лето земле, а затем звук шагов — все ближе и ближе. Сквозь листву мелькнуло что-то шафранно-желтое, и тут же показался человек, высокий, темноволосый, в забрызганном грязью плаще. Странствия и непогода сделали свое дело, и плащ, когда-то, очевидно, лиловато-зеленый, сейчас был тускло-бурого цвета, как облака в штормовую погоду. За путником одна за другой плелись две понурые лошади, и у той, что была впереди, подгибались ноги под тяжестью двух тюков, обернутых желтой тканью. Вторая лошадь тащила на себе инструменты для работы бронзовых дел мастера.

Появление купца или странствующего ремесленника всегда событие — уж кто как не они умели порассказать о землях, где побывали, да и в тюках у них хранилось немало диковин.

И пока незнакомец, широко ступая, приближался неторопливой походкой человека, привыкшего путешествовать от одного края неба до другого и знающего, что от спешки толку не будет, стайка мальчишек вместе с собаками вылетела из укрытия и бросилась ему наперерез и засыпала каскадом вопросов: «Откуда ты идешь? Куда держишь путь? Будешь

ночевать у нас в деревне? Что у тебя в тюках?»

Высокий человек громко рассмеялся, глядя на столпившуюся вокруг детвору.

— Ха-ха-ха! Вот уж поистине царский прием! Иду я из деревни, последней на моем пути. А ночь, возможно, проведу во владениях вашего Вождя, хотя, впрочем, не исключено, что я разожгу костер где-нибудь под открытым небом, чтобы отпугивать диких зверей, и буду спать крепким сном под кустом боярышника. Держу я путь на запад, навстречу закату. А что касается тюков, увидите сами, когда я разверну их перед домом Вождя.

Дальше они двинулись вместе, все, кроме Эрпа. Эрп был из племени темнолицых и предпочитал исчезнуть и затаиться, как подсказывал ему инстинкт, там, где другие мальчики могли подойти и задавать вопросы. Но они знали, что он следит за ними из-за кустов боярышника.

Мэлган побежал вперед, чтобы оповестить жителей деревни о приходе бронзовых дел мастера, и, когда они подошли к окраине, их встретил один из воинов. В руке он держал знак мира — копьё острием вниз.

— Приветствую тебя, чужеземец, — сказал он. — У нас, правда, есть свой бронзовых дел мастер, там, где хижины полулюдей, но Дамнорикс, наш Вождь, приветствует тебя и просит, согласно обычаю, прийти и распаковать тюки у порога его дома.

— Я приду, раз Вождь просит, и, как велит обычай, распакую тюки перед дверью его дома. Мне кажется, Вождь не пожалеет об этом. Весь мир знает: самые тонкие изделия из бронзы приходят с Зеленого Острова. А на всем Зеленом Острове нет мастера, равного мне по умению выковать оружие для героя или сработать украшение для лилейной шейки королевы,

На открытой площадке, вырубленной прямо в лесу перед домом Вождя, они обнаружили всего два живых существа — старую собаку, которая мирно спала, растянувшись на навозной куче, и Мудира, жреца. Освещенный последними отблесками заката, он сидел спиной к ветру, недалеко от входа в дом. На плечах у него был плащ из мягкой дубленой бычьей кожи, защищающий его от пронизывающей вечерней прохлады. Он, казалось, тоже дремал, уронив голову на грудь. Считалось, однако, что Мудир никогда не спит, а только уходит в себя и в тиши говорит с богами. Он никак не отреагировал на появление маленького отряда и продолжал неподвижно сидеть даже тогда, когда они всем скопом подошли ближе. Не успел бронзовых дел мастер осмотреть лошадей и снять с них поклажу, как из Школы Юношей, вышли два старших ученика, которые готовились на следующий год стать воинами, и взяли на себя заботу о несчастных измученных животных.

Постепенно стали собираться мужчины: охотники, рано вернувшиеся домой, пришли взглянуть на соколовища, заключенные в желтых тюках, и вездесущие мальчишки, на которых давно уже махнули рукой, были оттеснены на второй план.

Наконец откинули раскрашенные оленьи шкуры, и в дверях появился Дамнорикс, Повелитель Трехсот Копий. Это был человек огромного роста, с ниспадающей до плеч золото-рыжей гривой. Яркая рыжая борода доходила почти до бронзовой пряжки у него на поясе. За ним шли три собаки и рослый широкоплечий мальчик на крепких пружинящих ногах, с ясными голубыми глазами. Это был его сын — Вортрикс. Он всего на несколько месяцев был старше Дрэма и его сегодня случайно не было среди мальчишек на пляже — он утром наступил на тень Мудира и до заката на него было наложено табу

— Приветствую тебя, чужеземный мастер бронзовых дел. Рад видеть и тебя, и твои товары. Пока готовится мясо на ужин, раскрой тюки, ибо мне не терпится посмотреть, какое оружие ты привез нам на продажу... но, конечно, если ты не слишком устал.

Странник коснулся ладонью лба в знак благодарности. Он стоял, расправив плечи и гордо вскинув голову, — в позе, какая скорее пристала бы путешествующему принцу, чем странствующему кузнецу в изодранном плаще.

— Приветствую тебя, Повелитель Трехсот Копий! Доводилось ли тебе хоть раз видеть бронзовых дел мастера с Зеленого Острова, который не принес бы с собой оружия тончайшей работы? Кто как не я считается на Зеленом Острове самым непревзойденным и

самым искусным в своем ремесле? Я иду домой навстречу закату и многое уже успел распродать, но все же в моих тюках остались кое-какие сокровища, и, думаю, на них стоит взглянуть. Ты прав, это лучший способ скоротать время до того, как наполнят миски.

Пока он говорил, его длинные сильные пальцы развязывали веревки.

Вождь сел на резную раскрашенную скамью перед входом в дом, а остальные устроились на корточках, подоткнув под себя плащи. Дрэм притиснулся поближе и примостился около Тэлори, который потеснился, чтобы дать ему место. Теперь он видел все не хуже, чем сам Вортрикс, сын Вождя.

Пламя заката отпылало и опустилось за Гору Собраний, и сейчас казалось, что на ее вершине горят Священные Костры, как во время Белтина.

Слабый запах морозной земли и прелых листьев, шедший из леса, перемешивался с резким запахом горячих поленьев и конского навоза. Бронзовых дел мастер наконец достал свои сокровища. Сначала он разложил их перед Вождем, а потом пустил по кругу. Всем не терпелось поскорее разглядеть и изящные наконечники стрел, и копыя из цельной бронзы, и блестящие бронзовые и серебряные браслеты, и шейные кольца, и украшения для лошадиной сбруи, и, наконец, меч с рукояткой, инкрустированный красными кораллами. Никто не торговался. Мужчины молча рассматривали товар, пришедшийся им по душе. Обычно они потом расходились по домам, обдумывая, что могли бы предложить в обмен, и возвращались чаще всего утром с куском ткани, парой отменных бобровых шкур или же с выточенной на станке чашей из бука.

Все это время Мудир, жрец, сидел сгорбившись под своим плащом из бычьей кожи, как казалось, безучастный ко всему, что происходит вокруг. Дрэму сейчас трудно было представить, что это и есть тот Красный Человек, который, с головы до ног вымазанный кровью быка, совершал ритуальное жертвоприношение, когда на Горе Собраний зажигались Священные Костры. Наутро после летнего солнцестояния он голосом, похожим на рев ветра в бурю, возвещал жителям деревни о том, что поведал ему Бог Солнца. Но сейчас перед Дрэмом сидел усталый старик и часто дышал себе в бороду. Но даже думать так было опасно, и мальчик осенил себя знаком, чтобы отвести злых духов.

— И это все, что ты можешь нам сегодня показать? — спросил Дамнорикс, возвращая гостю украшение для лошадиной сбруи с извивом в виде разбивающейся волны.

Помедлив, бронзовых дел мастер сказал:

— Нет, есть у меня еще одна вещь, правда не моейковки. Наверное, ты удивишься, что бронзовых дел мастер хранит ее в своих тюках.

Он достал из мешка какой-то предмет, завернутый в кусок шерстяной ткани, и, развернув, вложил в широченную ладонь Вождя.

Дамнорикс резко вскинул голову и посмотрел в упор на чужеземца.

— Принесите факел! — приказал он. — Свет уже никуда не годится, а я должен хорошенько рассмотреть эту штуку.

Вортрикс, сидевший у ног отца, вскочил и через минуту вернулся с дымящимся факелом. Он, очевидно, вынул его из светильника, свисающего с потолочной балки, так как до них донесся протестующий голос женщины, которую оставили прясть при свете очага. Факел, как показалось Дрэму, сгустил туманные сумерки за спинами его соплеменников, хотя только что было светло, как днем. Все придвинулись поближе, и Дрэм вдруг увидел, насколько странным, насколько необычным был кинжал, который Вождь держал в руке. Он был какого-то непривычного цвета — лунного или даже скорей цвета рыбьей чешуи, в нем не было ничего от солнечной бронзы. Когда Вождь поднес его к факелу, свет заструился по лезвию, как вода.

— Что же это такое? Что за серый металл? — спросил Дамнорикс, пробуя лезвие пальцем.

— Он называется железом, — сказал чужеземец.

По кругу пронесся шепот. Все, конечно, слыхали о железе и о том, какую он имеет магическую силу.

— Так, значит, это и есть — железо! — произнес Дамнорикс. — Я столько о нем слышал, но никогда, до сегодняшнего дня, не держал в руках.

— Я тоже совсем недавно, буквально несколько месяцев назад, увидел его впервые и заплатил за него большую цену великану с желтыми волосами из Страны Туманных Лесов за Большой Водой. И дал он мне всего один кинжал.

— Насколько он тверже бронзы? — спросил кто-то из задних неосвященных рядов.

— Намного. Он остается острым, когда бронза тупится. Его не надо так часто точить, и он остается острым во время битвы. Это то же, что бронза в сравнении с медью или медь в сравнении с кремнем. Теперь смотрите, я вам сейчас кое-что покажу!

Чужеземец протянул руку.

— Пусть Дамнорикс, Вождь племени, вернет мне кинжал и вытащит свой, как бы для битвы.

Дамнорикс рассмеялся и вытянул из-за пояса изящный бронзовый кинжал. Удар чужеземца был неожиданно быстрым и сильным, будто укус змеи. Лишь на мгновение столкнулись бронза и железо, издав общий звенящий стон, а затем бронзовых дел мастер, даже не взглянув на кинжал, снова протянул его Вождю.

— Сравни оба клинка, — сказал он, и на лице его появилась торжествующая ироническая улыбка.

Дамнорикс, нахмурившись, осмотрел кинжалы и не смог сдержать невольного восклицания, в котором смешались изумление и гадливость:

— Видишь? — спросил кузнец.

— Вижу. Слишком хорошо вижу.

Дамнорикс еще некоторое время внимательно изучал клинок, а потом передал оба кинжала стоящим рядом воинам.

— Поглядите и вы, — сказал он.

Кинжалы переходили из рук в руки, головы склонялись и по рядам бежал шепот: «Какая странная штука, очень странная штука!»

Тэлори, нагнувшись вперед, взял в руки сначала один, а потом второй кинжал. Дрэм, стоявший рядом, ясно видел большую зазубрину на острие бронзового лезвия, тогда как на кинжале лунного цвета не было ни следа. Сейчас кинжал лежал на коленях у Тэлори, простой темный металл, таящий в себе коварную силу. Это был какой-то новый диковинный зверь, который выгрыз кусок из кинжала Вождя. Осмелев, Дрэм протянул руку и дотронулся до клинка — ему показалось, что под пальцами он ощутил его колдовскую магию.

— Да, братья мои, это поразительная штука. Есть над чем призадуматься, — наконец произнес Тэлори. — И недалек день, когда придут люди с таким вот оружием и станут хозяевами людей, которые носят оружие из бронзы.

Совершенно неожиданно Мудир, жрец, вдруг зашевелился под своим плащом из бычьей кожи и подался вперед, вперив взгляд в серый странный клинок. В глубине его узких темных глаз поблескивали золотые искорки, будто лучи темного предзакатного солнца. Тэлори, низко поклонившись, положил перед ним кинжал. Старик протянул тоненькую руку, всю в голубых прожилках, и слегка коснулся лезвия пальцами, однако не поднял с земли.

— Горе, горе! Не нравится мне эта новая колдовская затея! Надеюсь, Бог позаботится о том, чтобы этот холодный металл не вытеснил бронзу. Горе, горе! Я вижу зазубрину. Я слышу все, что слышите вы, и вижу все, что видите вы. Но мы — люди Солнца, и бронза — мое сердце чует — металл солнечный, тогда как это серое железо — металл земляной. Маленький темнокожий народ — это люди синего кремня, а мы — люди сверкающей бронзы. И наше время — это время бронзы, так же как их время было временем кремня. В мире, где будет царить железо, нам больше не править. Горе, горе! Мир станет серым и холодным, и погибнут все цари и герои.

— Но если мы достанем такое оружие... — начал было Дамнорикс, указывая пальцем на кинжал.

Чужеземец покачал головой.

— Тот, кто носит железный кинжал, будет властвовать над тем, у кого кинжал из бронзы, — сказал он, обращаясь сразу к двоим собеседникам, — но все же не думаю, что их будет много, владеющих оружием из железа.

— Почему ты так считаешь? — спросил Вождь.

— По очень простой причине. Огонь дляковки железа должен быть во много раз жарче, чем для бронзы, а секрет, как его добыть, знают только жители Туманных Лесов за Большой Водой. Огонь этот плавит серое железо и тогда его можно обрабатывать. Одни лишь великаны из Туманных Лесов владеют колдовским искусством разводить огонь и ковать серое железо.

— Не плохо бы и нам иметь такое оружие, совсем не плохо, — сказал Дамнорикс и, поглядев на чужеземца, неожиданно добавил: — За этот кинжал я дам тебе цену трех бронзовых.

Кузнец в ответ покачал головой и поднял с земли кинжал:

— Ты думаешь, можно купить большое волшебство за три бронзовых кинжала? Эта вещь не продается.

— Но ты сам говорил, что заплатил огромную плату за клинок человеку из Туманных Лесов.

— Да, в общем, немалую.

— А можно полюбопытствовать, что ты ему отдал?

— Женщину, Женщину, которая мне еще не надоела.

Чужеземец догадался по лицу Вождя, что тот хочет сказать, и громко рассмеялся.

— Нет, нет, мне не нужны ваши темнокожие низкорослые рабыни. Если кинжал оказался для меня дороже одной женщины, — зачем продавать его за другую?

Мудир снова вдруг заговорил.

— Незачем, незачем, — проворчал он. — Забирай кинжал и унеси его поскорее навстречу закату. Думаю, тут нам будет спокойнее без его колдовских чар. Они серые и холодные.

Бронзовых дел мастер собрался было завернуть кинжал в кусок ткани, но, услышав слова жреца, посмотрел на него недобрый насмешливым взглядом.

— Не такая уж холодная и серая эта магия у кинжала, святой человек. Смотри, что я тебе покажу!

Держа кинжал в одной руке, другой он извлек откуда-то из-под плаща кремь от зажигалки и ударил им по клинку. Все увидели, как вылетели искры, золотые, очень яркие, и снова изумленный шепот прошел по кругу.

— Видел? — спросил он Мудира. — Это, конечно, не солнечная бронза, но внутри серого металла есть огонь. Я ведь говорил, это большое волшебство. Кто знает, что оно еще может натворить?

Кузнец с торжествующим видом оглядел сосредоточенные лица, выхваченные факелом из темноты. И вдруг он застыл на месте — что-то приковало его взгляд, и он не властен был отвести глаза.

От неожиданности он замолк, кинжал выпал у него из рук и вонзился в дерн, и теперь рукоятка его слегка дрожала.

— Я знал, это холодное железо имеет большую магическую силу, но я никогда не думал, что оно может воскрешать духов, — произнес он с расстановкой, так как язык его явно не слушался.

Дрэм, как и все остальные, повернул голову и посмотрел туда, куда был направлен испуганный взгляд чужеземца. Несколько девочек, которые только что вернулись после сбора ежевики, подошли и стали неподалеку. Им, как и всем вокруг, не терпелось узнать, какие товары бронзовых дел мастер разложил перед домом Вождя. Среди них была Блай. Но на этот раз она не пряталась за спины девочек, как обычно, а смело протиснулась вперед и теперь, не отрываясь, глядела в лицо чужеземца, который, как зачарованный, смотрел на нее.

Вечером, когда сумерки еще недостаточно сгустились, а дневного света уже нет, все

предметы кажутся полупрозрачными. И поэтому Блай, стоящая за освещенным кругом, с ее бледным узеньким личиком и темными огромными глазами, напоминала какое-то существо из потустороннего мира, и, казалось, стоит подуть ветру, он закружит ее и понесет, как кружит и уносит былинку быстрая река.

Вся эта сцена длилась одно мгновение: еще не кончил вибрировать вонзившийся в землю кинжал, как бронзовых дел мастер овладел собой и согнутым указательным пальцем, будто собаку, поманил девочку.

— А ну-ка, подойди поближе, если ты человек, а не дух.

На глазах у внезапно притихших людей Блай подошла к чужеземцу и остановилась перед ним. Она держала на бедре наполовину наполненную ягодами корзину. Рот у нее был перепачкан ежевикой, что придавало ей еще большее сходство с привидением.

— Как тебя тут кличут?

— Меня зовут Блай. — Его скованность, казалось, передалась ей. Но вдруг она улыбнулась.

— Из чьего ты дома?

— Из дома старого Катлана, он там, где через Меловую проходит овечья тропа от Болот и Большой Воды.

— Дорога в глубь острова... Я помню эту дорогу, — пробормотал кузнец едва слышно.

Мудир, который, очевидно, еще не успел погрузиться в себя, наклонился вперед и сужившимися глазами напряженно смотрел в лицо чужеземца.

— А может, ты вспомнишь и дом? И женщину, которая там умерла? Она тогда тебе тоже надоела?

Неожиданно Дрэм все понял, и поняли все люди вокруг — золото-рыжий Вождь, и охотники, собравшиеся при свете факела, и даже дети, которые пришли посмотреть на диковинки из желтых тюков. И, конечно, Блай.

Бросив встревоженный взгляд на Блай, Дрэм подумал, что она догадалась еще до того, как чужеземец позвал ее. Долгие годы она вынашивала эту мечту, цеплялась за нее, как за спасение от всех зол. Сколько раз бросала она свой дерзкий вызов в лицо обидчику: «Вот погоди, придет за мной отец!» И теперь это случилось, но что-то было не так, совсем не так, как должно.

Бронзовых дел мастер повернул голову и насмешливо поглядел на жреца.

— Да, я помню дом, — сказал он с явной иронией в голосе. Только я не знал, что он так близко.

Он опустился на одно колено и, протянув руку, большим пальцем поддел подбородок Блай, а затем повернул ее лицо к свету. Но в его движениях не было мягкости, как не было ее и во взгляде, когда он смотрел на девочку. Улыбка на лице Блай уступила место какой-то жалкой гримасе, а потом и вовсе погасла.

— Клянусь Песней Серебряной Ветви, странные вещи происходят на свете, — сказал чужеземец. — Ты похожа на ту женщину, твою мать. Такая же бледная и глазищи такие же, но в ней был скрытый огонь, как в глубине моего серого кинжала. Мужчина мог хотя бы отогреть на нем замерзшие руки, рискуя при этом, правда, обжечь пальцы. А ты что? Фу, какая то мокрица! — Он резким движением убрал палец. — Хватит! С тобой все ясно. Неси свою ежевику домой.

Блай не двигалась. Она стояла, точно ее кто-то пригвоздил к месту, и по-прежнему крепко прижимала к себе корзинку. Она не сводила взгляда с его лица, как бы стараясь что-то понять. На скулах, где были его пальцы, остались ярко-красные пятна.

— Чего ты еще ждешь? — спросил чужеземец, и медленная жестокая улыбка скривила его губы. — Ах да, я тебя не так понял. Ты думала, я пришел за тобой. Дурочка ты, дурочка. До сегодняшнего вечера я ни разу не вспомнил, что ты есть на белом свете. Ну, а если бы даже я и пришел за тобой, — кому нужна такая бледная немочь?

Запрокинув голову, он громко захохотал недобрым лающим смехом.

Блай стала медленно пятиться, как лунатик, не отрывая взгляда от его лица. Круги под

глазами были почти такого же цвета, как пятна ежевики вокруг рта. Чужеземец, не переставая смеяться, наклонился и взял из кучки блестящих украшений, лежащих на желтой ткани, в которую он заворачивал тюки, маленькую бронзовую брошь в виде колечка. Он швырнул ее девочке, как швыряют кость собаке.

— Теперь уж никто не скажет, что я не позаботился о приданом для собственной дочери, но, честно говоря, нужно целое стадо дойных кобылиц, чтобы кто-нибудь соблазнился и взял к своему очагу такую серую мышь. Ну-ка, подними ее, подними, моль несчастная.

Дрэм надеялся, что Блай не станет искать брошь в траве. Она продолжала смотреть на чужеземца широко раскрытыми глазами лунатика, а потом наклонилась и медленно, как во сне, нащупала брошь. Подняв ее с земли, она неожиданно повернулась и бросилась бежать.

Тут же кто-то из детей засвистел, заулюлюкал, выкрикивая ей вдогонку какие-то обидные слова. Без Луги дело, конечно, не обошлось. «Погоди, вот погоди, придет мой отец и увезет меня на лошади с золотой уздечкой!» — передразнил он ее тонкий звенящий голосок.

Тэлори вдруг убрал руку с плеча Дрэма. Это был жест, которым спускают с цепи собак. Но на сей раз он был лишним. Никакой особой привязанности к Блай у Дрэма не было, но она выросла у их очага, и этого было достаточно. Он вскочил и вместе с Белошеем стал протискиваться сквозь круг людей, глядя со злобой на своих сверстников. Проходя мимо Луги, он исхитрился и ударил его ногой в лодыжку, после чего, гордо задрав свой веснушчатый нос, кинулся вслед за маячившей впереди одинокой фигуркой.

Блай уже успела добежать до ручья, когда он наконец догнал ее. Белошей прыгнул вперед и уткнулся мордой ей в спину. Как ни удивительно, но Блай была единственным, не считая Дрэма, существом в окружающем его мире, которое он достаивал вниманием. Блай на этот раз даже не заметила Белошея. Она стояла на высоком берегу, почти нависающим над водой, под которым шла овечья тропа. В руках она держала брошь. У ног ее валялась опрокинутая корзина, из которой высыпались черные мелкие ягоды. Она обернулась, когда Дрэм подошел, и теперь стояла спиной к реке, как дикий загнанный зверек.

— Ты что, пришел тоже посмеяться надо мной? Все надо мной смеялись!

— Нет, я потому и пришел, что они смеялись.

— Это правда, Дрэм? Ты не обманываешь? — тихо спросила она, и голос ее задрожал от боли.

Дрэм нахмурился и качнулся на пятках.

— Ты из моего дома, — сказал он, а затем, желая ее утешить, но не зная, как это толком сделать, добавил: — Ты должна радоваться, что он тебя не забрал с собой. С нами тебе ведь лучше, чем с ним.

Блай молча смотрела на него, ее бледное узкое личико было строго очерчено в сумеречном свете. У Дрэма появилось ощущение, что она старше его, много старше, хотя так думать было глупо, потому что он прожил на свете одиннадцать весен, а она всего девять.

— Ты рассыпала всю свою ежевику, — сказал он, чтобы нарушить молчание. А что ты сделаешь с брошью, которой он в тебя бросил?

Блай как будто подменили — казалось, внутри у нее вдруг вспыхнул бешеный огонь, как в сером кинжале, когда бронзовых дел мастер ударил по нему кремнем. И Дрэм, который смотрел на нее, открыв от изумления рот, подумал, что чужеземец был не прав в отношении Блай.

— С этой? — закричала она и с яростью дикой кошки стала плевать на бронзовый кружок, который держала в руке. Затем она повернулась к реке и швырнула брошь в воду.

Звук от падения был тот же, что и от падения камня, брошенного Лугой в зимородка, или от форели, выпрыгнувшей из воды. Заглянув вниз, Дрэм увидел как расходятся круги по темной воде и каждый круг, как ободком был одет бледной полоской света, словно здесь только что нырнула форель.

Наконец, последний круг достиг берега и разбился.

— Это был не мой отец, — сказала Блай. — С моим отцом что-то случилось, и он не мог прийти. Теперь он никогда не придет Никогда!

Глава VI ШКОЛА ЮНОШЕЙ

На следующий день Дрэм узнал, что бронзовых дел мастер покинул деревню и, несмотря на уговоры Вождя, унес с собой диковинный серый кинжал с огнем внутри. Узнал он также, что Дамнорикс, Повелитель Трехсот Копий, отправился на поиски медведя, чтобы унять бушующую в груди досаду.

Блай никогда не вспоминала о том, что произошло в тот день. Более того, когда дети дразнили ее, она кричала им, будто удивляясь, что они могут быть такими недогадливыми: «Это был не мой отец! С моим отцом что-то случилось, и он не мог прийти за мной». Ничто не в силах было поколебать ее, казалось, что она сама в это твердо поверила. Мать Дрэма старалась быть с ней помягче в эти дни, но не так-то легко было проявить мягкость к Блай: она, как зверек, могла отпрянуть от доброй руки, косясь исподлобья и показывая зубки.

Прошла зима, и Новый Год вынырнул из тьмы. Изгородь из кустов боярышника стояла вся в цвету, и новорожденных телят надо было устраивать в отгороженном углу хижины. За день до Белтина новые воины прошли посвящение, и на Горе Собраний, перед курганом, где спал забытый всеми герой, запылали костры.

Настало для Дрэма время идти в Школу Юношей.

Школа находилась во дворе Вождя среди крытых дерном хижин и служб, которые и составляли Чертог Дамнорикса. Начиная с двенадцатой весны и до весны, когда им должно было исполниться пятнадцать, мальчики клана жили и воспитывались здесь, как бы у очага Вождя. Они учились владеть всеми видами оружия, которым владели их соплеменники: боевым и охотничьим копьями, мечом и щитом, а также длинным боевым луком. Они учились управляться с собаками и лошадьми, поэтому охотились вместе с молодыми охотниками из клана, постигая искусство отыскивать в лесу свежий трехдневный след, будто это была проторенная тропа. Они дрались и боролись друг с другом, постепенно набираясь мужества. Вместе они учились терпеть холод и голод и переносить не моргнув глазом боль. Так, под надзором Вождя и старого Кайлана, который никогда не расставался с плеткой из бычьей кожи, росли молодые воины клана.

Утром того дня, когда Дрэм должен был покинуть родной очаг, Драстик, вспомнив годы, проведенные в Школе, дал ему много дельных советов и хорошее метательное копье, которое Дрэм оценил куда больше, чем все советы. Мать приготовила ему новый теплый плащ из коричневой шерсти с голубой каймой, прекрасный плащ, хотя и не по росту длинный. После того как он съел ячменную лепешку, запив ее створоженным кобыльим молоком (перед тем как идти в Школу, полагалось пить створоженное кобылье молоко, приправленное диким чесноком), он опустился на колени перед старым Катланом, сидевшим на сложенной медвежьей шкуре возле очага, и, положив ладонь на бедро старика в знак прощания, сказал:

— Я ухожу, дед.

— Да, ты уходишь, сын моего младшего сына, рыжий боевой петушок, — ответил Катлан и, наклонившись вперед, свирепо вперил в него золотистые зрачки. — Надеюсь, ты вернешься закаленным воином, когда убьешь волка — если убьешь, конечно. Да, да, если убьешь. Вот что я тебе скажу: хорошо, что ты в Школе будешь вместе с Вортриксом, сыном Вождя. Если люди вместе учились в детстве, вместе охотились на волков и в одно время стали воинами, они на всю жизнь сохраняют дружбу. Вождь никогда не забудет тех, с кем он делил годы учения, я это по себе знаю. Очень хорошо знаю. Я убил волка в один год с Белутуградом, прадедом нынешнего Вождя.

Дрэм, наклонившись, коснулся лбом своей руки, лежащей на бедре деда, потом

поднялся, чтобы попрощаться с матерью. Он уткнулся лицом в ложбинку между плечом и шеей, мягкую и теплую, даже когда она сердилась и ругала его. Затем, достав с полки новое копьё, он перекинул через плечо плащ и вышел из дома, свистнув Белошея. С Блай он просто забыл попрощаться.

Он легко расставался с домом, так как давно привык исчезать и возвращаться сюда, когда вздумается, привык подолгу отсутствовать, еще с тех самых пор, когда стал ходить на Большую Меловую к Долаю и пастухам. Там, где кончается тропинка, между яркой зеленью только что проросшего ячменя и спящим под паром полем, он остановился, понимая, что наступает самая трудная минута прощания. Бесполезно было бы привязывать Белошея, он все равно увязался бы за ним. Поэтому задолго до сегодняшнего дня Дрэм начал тренировать пса, приучая его уходить домой по приказу. И вот настало время проверить результат тренировки.

Три года, о которых он с гордостью думал еще утром, неожиданно представились ему бесконечно длинной серой вереницей дней, и такое сильное отчаяние сдавило ему горло, что он бросил копьё и кликнул Белошея, что-то вынюхивающего на меловых обнажениях в сухой траве, среди полевого цвета и желтой вики. Дрэм сел на корточки и стал гладить Белошея за ушами, там, где были мягкие впадины.

— Мне надо идти в Школу Юношей, братец. Я не могу взять тебя с собой, — увещевал он пса. — Но я скоро приду, совсем скоро. Я часто буду приходить, и мы вместе будем охотиться. А теперь ты будешь бегать с собаками Драстика и делать все, что велит Драстик.

Белошей в ответ только громко урчал, как и всегда, когда Дрэм гладил у него за ушами, и вытягивал шею, низко пригибая голову, чтобы Дрэм мог достать самые заветные места. Кончив гладить собаку, мальчик на мгновение прижался лицом к косматой голове, но тут же вскочил на ноги;

— Теперь домой! Иди, братец, домой!

Помахивая хвостом, Белошей ткнулся мордой ему в колено.

— Домой! Иди домой!

Дрэм сделал жест рукой в сторону дома, и огромный пес, переведя взгляд с лица мальчика на его руку, вдруг заскулил: он понял, что от него хотят, но понял и то, что сегодня все не так, как было раньше, когда ему приказывали вернуться домой.

Дрэм схватил его за ошейник с бронзовыми бляшками и повернул мордой к дорожке:

— Домой! А ну-ка домой! Сейчас же!

Хотя он едва сдерживал слезы, голос был резкий и сердитый. Он больно ударил собаку кулаком по спине.

Белошей по-щенячьи жалобно заскулил и двинулся по тропинке, опустив голову и поджав свой великолепный пушистый хвост, наследство от отца-волка.

Задышавшись от душивших его слез, Дрэм поднял с земли копьё и, вобрав голову в плечи, кинулся бежать.

Во дворе Дамнорикса он застал группу из трех мальчиков, среди которых был и Вортрикс — сын Вождя; второго мальчика с круглой, как шар, головой и лягушачьим ртом звали Голт, а третий был Луга — он рассеянно пинал ногой космы спутанной прошлогодней травы, росшей вдоль стены. Двор был пуст, не считая собаки, спящей на навозной куче, как и в тот осенний вечер, когда приходил бронзовых дел мастер. Мимо груды хвороста вперевалку прошествовал наполовину ручной селезень в сопровождении серо-коричневых жен. Дрэм, пройдя через двор, подошел к мальчикам. Они посторонились, давая ему место. Теперь все четверо смущенно поглядывали друг на друга, неловко улыбаясь и отводя глаза. При этом никто не проронил ни слова.

Дрэм прислонился к стене дома. Он прежде никогда не замечал, что кремни, вмазанные в стену, были разноцветные — коричневые, белые и серо-голубые. Его поразил и зеленоватый металлический блеск крыльев разгуливающего по двору селезня, когда тот поворачивался — на крылья падали лучи неяркого солнца. День был хмурый и ветреный, без дождя, но с непрерывной игрой света, постоянно убегающего от облаков. Лиловая пыль,

слегка вихрясь, носилась по двору и причиняла острую боль, если попадала в глаза. Дрэму хотелось, чтобы поскорее кто-нибудь пришел — Кайлан или кто-то из старших мальчиков, потому что без них нельзя было начать эти три года ученья, после которых он станет воином и будет снова вместе с Белошеем. Но все, должно быть, ушли на охоту или упражнялись в стрельбе. Дрэму казалось, что он ощущает пустоту дома у себя за спиной.

На другом конце вырубki показался Юриан, сын Катлина. Держа руки за поясом, он пересек двор неслышной походкой охотника, и с его приходом их стало пятеро. Вскоре появился толстый Мэлган, за которым следовал, теряясь в его тени, маленький черноглазый Туэн. Теперь Новые Копья были в полном составе.

Они стояли перед дверью Школы и все еще молча разглядывали друг друга. Дрэм смотрел на своих сверстников с каким-то незнакомым чувством, будто видел их впервые. То же чувство охватило и остальных. С тех пор как они выучились ходить, они вместе бегали, боролись и дрались, как щенята одной матери. И вдруг сейчас, оказавшись в новой для них роли, они глядели друг на друга новыми глазами и испытывали неловкость.

Неожиданно ветер обрушил на них град дождевых капель: земля сразу стала темной и пятнистой, и водяные струйки потекли по стене, оmyвая цветные камешки. Из коровника вышла женщина-рабыня с высоким деревянным ведром для молока, прошла через двор и, обернувшись, поглядела на мальчиков. Они сделали вид, будто ее вовсе не заметили, стараясь скрыть смущение и показать, что они стоят здесь, у дверей Школы, потому, что им нравится здесь стоять.

Но как только женщина скрылась, Вортрикс зябко повел плечами.

— Тут, во дворе, уж больно сыро, — сказал он. — Пошли в дом!

— А они на нас не рассердятся? — робко спросил Туэн.

Туэн всегда проявлял излишнюю осторожность там, где надо и где не надо.

— За что? Никого ведь нет и никто не говорил нам, что мы должны делать.

Луга перестал пинать косматую траву

— Если придет Кайлан с плеткой, не забудь сказать, что это ты нас уговорил, — сязвил он.

Требовалось немало смелости, чтобы без разрешения войти в дом, где до этого никто из них не был. От собственной дерзости у них даже захватило дух, когда вслед за Вортриксом они, пригнувшись, нырнули под шкуру, висящую над входом, оставив позади ветер и весенний ливень. Войдя в дом, они остановились, оглядывая все вокруг. После порывистого свежего ветра и непрерывно меняющегося освещения большая круглая хижина показалась им душной и темной: спертый воздух застыл неподвижно, и неизменный дым очага, окутывающий все тени, еще больше сгущал темноту. Вдоль стен стояли нары, застланные шкурами поверх папоротниковых листьев.

Постели эти принадлежали старшим мальчикам, существам высшим и неприступным, которые уже прожили здесь целый год, а то и два. Такой мелюзге, как Дрэм, постелей не полагалось: младшие спали, как собаки, на полу посреди хижины, возле очага. Около одной постели лежал недоструганный лук, а на другой — плащ с зеленой заплатой на плече. С потолочных балок свисали освежеванные шкуры, еще не полностью обработанные; на подставке, около опорной балки в центре, стояли копыя, луки, щиты, а у очага выстроились бесчисленные горшки.

Двенадцатилетние пострелята все больше смелели от собственной дерзости. Слегка пыжась, они посматривали друг на друга с самодовольной ухмылкой. Очаг едва теплился — попыхивали только красные угольки, и несколько обуглившихся поленьев тлели в горстке белой золы.

— Они забыли про очаг, — сказал Дрэм. — Пусть скажут нам спасибо за то, что мы пришли, пока он совсем не погас.

Он лихо подтолкнул ногой поленья в огонь, а затем подбросил еще два березовых чурбачка с корой, которые достал из кучи дров, сваленной перед очагом. Вортрикс привел их сюда, а он, Дрэм, теперь распалит огонь. Дрова были сухие, и серебристая кора

вспыхнула, словно гнилушка; как только ее лизнул язычок желтого пламени, она почернела и, изогнувшись, стала скручиваться, обведенная рубиновым ободком. Огонь неожиданно разгорелся, и колеблющийся янтарный свет смягчил все тени.

Они глядели друг на друга горящими от возбуждения глазами, понимая, что им, очевидно, не избежать расплаты за самочинство, когда придут старшие мальчики.

Внезапно вспыхнувшее пламя осветило огромный бронзовый щит, прислоненный к балке. Казалось, какой-то прославленный воин оставил его здесь в давние времена. Блики сразу побежали по бронзовым рельефным украшениям. Щит привлек внимание мальчиков, и они, подойдя ближе, с интересом стали его разглядывать. Дома у каждого из них висел щит, иногда даже несколько щитов. Но этот был совсем особенный: с первого взгляда было видно, что он принадлежал какому-то герою. Они сели на корточки, чтобы получше его рассмотреть. Это был настоящий боевой щит, массивный и тяжелый. Плотный лист тускло поблескивающей бронзы, наложенной на несколько слоев воловьей кожи, состоял из концентрических окружностей, отделенных рядами выпуклых шишечек.

Самый большой круг шел вдоль кованого края щита, а самый маленький плотно обхватывал шишку в центре. Свет от очага играл и переливался на всех извивах бронзы Дрэм вспомнил круги на воде, которые всякий раз расходятся от выпрыгнувшей рыбы, или брошенного камня, или же... броши.

— Вот это щит! — восхищенно воскликнул Мэлган.

— Ух, какой тяжелый!

Юриан, просунув руку в ремень, выпрямился и приподнял щит, слегка задыхаясь под его весом. Его загорелая звероватая физиономия дергалась от смеха. Свободной рукой он дотянулся до балки, достал копье и теперь стоял, широко расставив ноги и выпятив грудь, несмотря на тяжесть, сдавившую ему плечо.

— Смотрите, я мужчина! Глядите, я уже воин! И к чему мне торчать три года тут с вами, сосунками?!

Они дружно навалились на него и толкнули прямо носом в папоротник — сделать это было легко, так как Юриан уже утратил равновесие и вот-вот готов был упасть. Его место занял Вортрикс: он поднял щит на плечо и, гордо оглядев всех ясными глазами, громко крикнул:

— Я тоже воин! Я вождь и повелитель всех копий!

— Перестань вопить и пусти меня, — сказал Луга.

И так по очереди они поднимали щит, пробуя свою силу. Мэлган, большой и мощный, как бык, и такой же неповоротливый, ухитрился даже пройти несколько шагов со щитом на плече, тогда как самый маленький, Туэн, только на мгновение приподнял щит с земли. Так, сменяя друг друга, они с серьезными, сосредоточенными лицами всовывали руку в петлю и стояли, задыхаясь от навалившейся на них тяжести. Оставался теперь один лишь Дрэм.

— Дрэм! Эй, Дрэм, ты что спишь?

Дрэм встрепенулся. Он тянул до последнего, что было ему не свойственно. Сердце неожиданно заколотилось, когда он подошёл к огромному боевому щиту. Пронзая здоровую руку в ремни, он крепко стиснул зубы и, слегка пошатываясь, выпрямился. Щит больно давил на плечо, но он поднял голову и посмотрел на стоящих перед ним мальчиков. Копье, которое все они по очереди держали в свободной руке, лежало у его ног в буром папоротнике, и он даже нащупал его, но поднять копье он не мог, это он уже давно понял.

Поняли это и мальчики. Они обступили Дрэма, следя с каким-то новым любопытством за каждым его движением. По лицу Луги прошла злая торжествующая усмешка.

— А почему ты не берешь копье? — спросил он, указывая на него пальцем. — Воину и копье может понадобиться, не только щит. Ты что, про это забыл?

Дрэм молча смотрел на него, потом перевел взгляд на лица других мальчиков.

— Нет, не забыл, — сказал он. — Но воину, мне кажется, достаточно иметь копье, а щит не обязательно. Я взял щит просто, чтобы попробовать, сколько он весит, как и все вы. А вообще-то он мне ни к чему.

— Вот как! Глядите, Дрэм у нас однорукий! Дрэм-однорукий не может нести вместе копье и щит. Значит, из него выйдет только полувоин. А какой клану толк от полувоина?

Дрэм отчетливо слышал в наступившей тишине стук дождя по соломенной крыше и где-то вдали сварливый женский голос. Он не двигался — гордость не позволяла ему сделать ни одного движения, хотя рука и плечо начали дрожать под тяжестью бронзы и воловьей шкуры. Будь он не мальчиком, а собакой, у него на загривке поднялась бы шерсть. Они продолжали смотреть на него пока еще не враждебно, но уже чувствовалось, что враждебность не за горами и что все они как бы объединились под водительством Луги. Сейчас он среди них — чужак. Он понимал, что движет Лугой Луга не мог простить ему той истории с Белошеем и лебедем. Тут все было просто. Но не так просто было объяснить поведение остальных. Каким-то внутренним чутьем, не связанным с его мыслями, он и это понял. С раннего детства они бегали в одной стае, смешанной стае ребятишек и собак из их клана и клана полулюдей. Но нынче все переменялось. Эрп и его темнолицые братья теперь должны идти своей дорогой и больше им не бегать единой стаей. Школа Юношей — это начало взрослой мужской жизни, начало копыеносного братства, где только и может решиться вопрос, быть ли Дрэму членом этого братства, или идти изгоем к полулюдям.

Луга обвел всех насмешливыми блестящими глазами.

— Пусть женщины научат тебя ткать, — сказал он с издевкой.

Слова его были встречены дружным хохотом.

— Но для этого тоже нужны две руки, — неожиданно взвизгнул Голт, заражаясь всеобщим возбуждением. Голт любил строить из себя шута. Сейчас он, приплясывая и кривляясь, изображал женщину, ткущую на станке. Всем скопом они стали надвигаться на Дрэма и слегка подталкивать. Сначала это выглядело как шутка, дурная шутка, которая плохо скрывала то, что было за ней.

— У-у-у! Дрэм-однорукий! Дрэм-однорукий!

Оставалось только одно — драться, даже если он проиграет. Луга или он. Дрэм понимал, что у него почти нет шансов, но выбора не было. Он сбросил с плеча огромный щит, который с громким звоном стукнулся о край очага, на мгновение рассыпав шеренгу врагов, и в ту же минуту занемевшей рукой из всех сил ударил Лугу между глаз.

— Драться и одной рукой хватит! — выкрикнул он, как бы бросая вызов. Луга зашатался и отпрянул, замотав головой. Казалось, он не сразу сообразил, кто его ударил. Но, оправившись, он кинулся на Дрэма с кулаками. Дрэм нанес ему второй удар, но тут же кто-то двинул его кулаком в скулу, так что каскад красных искр посыпался у него из глаз. Орудую одной рукой, он не в силах был отбиваться от наносимых ему со всех сторон ударов. Он опустил низко голову, пытаясь защитить лицо. Потом отступил назад и прижался спиной к балке посреди хижины. Теперь они разом кинулись на него — высунув языки, как щенки на затравленного зверя. Он видел совсем близко их лица, оскаленные рты и горящие глаза; визг их голосов стоял у него в ушах. Он понимал, что сражается за свое место в клане, за свое право на существование — и за это стоило сражаться. Он бился отчаянно, все время выкрикивая какие-то слова. Он не мог бы сказать, что именно он выкрикивал, но главное, это были слова вызова. Лягнув одного из нападавших, он сшиб его с ног, и тот с грохотом свалился на большой щит, который еще долго звенел пустым металлическим звоном. От удара по голове сбоку он едва устоял, качнувшись в сторону, и тотчас же мальчики налетели на него, стремясь опрокинуть на пол. Он отчаянно сопротивлялся, бил их, кусался, как загнанный дикий кот. И когда, казалось, ушла последняя надежда, он увидел, как кто-то вдруг ринулся в водоворот бешено крутящихся рук и ног и, вынырнув совсем рядом с ним, отбросил плечом Мэлгана и ударил кулаком по лицу яростно орущего Юриана. Дрэм воспользовался минутной передышкой, чтобы высвободиться. Голова гудела. Он помотал ею, пытаясь сбросить тяжесть. Только теперь до его затуманенного сознания дошло, что он не один.

— Давай, давай! Подходите ближе, все подходите, а тогда поглядим, что из этого выйдет! — крикнул его новый товарищ.

Дрэм прижался спиной к балке, только на этот раз рядом было дружеское плечо, прикрывавшее его там, где он сам не мог защититься. Он вдруг почувствовал, как теплой волной вливаются в него свежие силы и где-то у переносицы ощутил запах крови, такой знакомый воину запах. Неожиданно его охватил боевой азарт, полностью вытеснив из груди загнанного зверя.

Теперь он не обращал внимания на сыпавшиеся удары и считал только те удары, которые наносил сам. Это была великая, хоть и короткая, битва. Любой воин в клане мог бы ею гордиться. Они сражались против превосходящего их по численности врага, понимая, что долго им не продержаться. Слишком уж неравные были шансы: пятеро против двоих, и к тому же у Дрэма была только одна рука.

Поглощенные собой, они так орали и визжали в пылу кровопролития, что не заметили, как на пороге возникли темные фигуры и старшие мальчики, пригнувшись в дверях, гуськом вошли в хижину. Не заметили они и приземистого волосатого Кайлана, надзирателя Школы Юношей. С неизменной плеткой в руке он стоял и молча смотрел на них. Они ничего не видели и не слышали, занятые только собой. Человек, вошедший вслед за Кайланом, сказал ему что-то низким густым басом, и Кайлан тут же врезался в самую гущу сражения, прокладывая путь плеткой, как хозяин, пришедший разнять разодравшихся щенков.

— А ну-ка, разойдись! Назад! Кому говорю? Назад!

Длинный воловий кнут без устали поднимался и опускался, и его осиные укусы жалили шею и плечи. Визг постепенно стал стихать, и битва медленно и как бы нехотя прекратилась. Бойцы теперь с растерянным видом смотрели друг на друга, на Кайлана и на стоящего в дверном проеме Вождя. Дамнорикс, чтобы не задеть за притолоку, наклонил большую золото-рыжую голову, а за его спиной сверкали уже последние нити весеннего ливня.

Вождь глядел на них с нескрываемым любопытством, переводя нахмуренный взгляд с одного лица на другое. От его серых глаз, где то и дело вспыхивали искорки, ничего не могло укрыться. Он пристально посмотрел на Дрэма и на стоящего возле него мальчика. Едва заметная улыбка проскользнула под длинными усами. Обращаясь к Кайлану, он сказал:

— Ты очень опрометчиво утверждал, что ныне дурное время и нет больше героев, достойных занять подобающее место в копыеносном братстве.

Кайлан не сразу ответил, пропуская бессчетный раз кнут сквозь толстые волосатые пальцы.

— Пожалуй, ты прав, если считать, что такая щенячья драка и рычание подтверждают твои слова.

Он тяжело дышал, и его мохнатые ноздри раздувались при каждом вдохе. Дрэм тоже едва дышал, из раны под глазом сочилась кровь. Он мутным

взглядом посмотрел на Лугу, который ощупывал во рту место, где прежде был зуб. Кровоточащий нос Луги распух и расплылся по лицу, как лепешка. Неплохие отметины он оставил. Луга, да и многие другие будут долго помнить его и... его товарища. Он впервые подумал, что даже не знает, кто это. Он осторожно, словно чужую, повернул голову.

Рядом с ним стоял Вортрикс, сын Вождя. Вортрикс тоже повернул голову, слизывая кровь с рассеченной губы. Они серьезно и робко поглядели друг на друга, как бы на что-то решаясь, а потом вдруг дружно улыбнулись медленной застенчивой улыбкой.

Голос Дамнорикса вернул их к действительности.

— Интересно, что могло вызвать столь мощную битву? — спросил он.

Все молчали. Они глядели прямо перед собой и переминались с ноги на ногу, шурша папоротником, устилающим пол. Старшие мальчики взирали на них снисходительно, как смотрят хозяева на проделки щенят.

— Вы что, немые? — вторично спросил их Вождь. — Только что вы визжали весьма громко. — Грозовые тучи прошли по его лицу, как по склону Большой Меловой. С Дамнориксом, Вождем клана, шутить было опасно.

Парализованные страхом, однако, все по-прежнему молчали, и даже Вортрикс не нашелся что сказать. И вдруг неожиданно Дрэм вскинул голову, широко улыбнулся, глядя в

лицо Вождя.

— Мы тренировались, чтобы стать воинами, — сказал он. — О, Дамнорикс, Повелитель Трехсот Копий, разве не ради этого мы должны здесь жить три года, как собаки у твоего очага?

Он сам был так напуган собственной дерзостью, что почти сразу же лишился дара речи: во рту у него пересохло, и он при всем желании не мог больше выдать из себя ни слова. И тогда гроза разразилась громовым хохотом Дамнорикс, Вождь клана, запрокинув голову, заревел от смеха так, что задрожали балки и полено свалилось в огонь, подняв вихрь искр. Даже Кайлан мрачно ухмыльнулся, а старшие мальчики заулыбались, подталкивая друг друга локтями. И только двенадцатилетним было не до смеха.

— Ха-ха-ха! Среди нас, оказывается, есть настоящие герои. — Дамнорикс все еще продолжал смеяться. — Кайлан, старый ты волчина, хорошие деньки еще впереди. Клан не останется без героев, когда придет время нам сидеть у очага и вспоминать старые битвы.

Он направился к двери, но на пороге обернулся и сказал, обращаясь к новичкам:

— Мне кажется, на сегодня достаточно тренировки. Пора пойти и смыть кровь.

После его ухода они посмотрели друг на друга, не зная, как себя вести, тогда как старшие мальчики занялись своими делами, мгновенно забыв об их существовании. Они немного постояли, пытаясь вспомнить, из-за чего произошла драка. И похоже было, что знал это только Луга, который все еще нащупывал место, где был зуб. Затем Мэлган улыбнулся, хлопая белыми ресницами, и первым двинулся к выходу, направляясь к ручью под холмом.

Дрэм и Вортрикс последними ушли из хижины. Когда они добрались до ручья, Вортрикс дружески обнял товарища за шею. В драке он разбил костяшки пальцев о зубы Юриана, и теперь алая струйка крови, сочившаяся из-под глаза у Дрэма, капнула Вортриксу на руку, прямо в кровоточащую ранку. Увидев это, мальчики посмотрели друг на друга. Вортрикс засмеялся, но сразу же оборвал смех и стал серьезным.

— Посмотри, наша кровь смешалась. Теперь мы с тобой побратимы.

Глава VII ИЗБРАНИЕ ЦАРЯ

Как-то под вечер, в разгар листопада, Дрэм с копьём на плече спускался в деревню по длинному склону Меловой. Он только что расстался с Белошеем в конце тропинки, ведущей к дому. Прошло два с половиной года с тех пор, как на этом месте он простился с собакой и отправился в Школу Юношей. За это время он научился лучше всех метать копьё и стал искусным наездником — он мог движением колен управлять своей норовистой лошадкой, если требовалось освободить руку, чтобы метнуть копьё. Теперь для него и Белошея расставание стало делом привычным, каждый шаг им был заранее известен. Белошей безошибочно чувствовал, когда у Дрэма выпадали свободные часы и он мог с ним поохотиться. В этот день пес отказывался обходить службы или идти на охоту с Драстиком, хотя в остальное время безропотно сопровождал его повсюду. Когда Дрэм и Вортрикс через заросли ольхи выходили к тропинке, Белошей уже сидел и ждал, нюхая воздух и дрожа от нетерпения. При виде их он с лаем, огромными прыжками, неся навстречу хозяину, сбивал его с ног, и они катились по земле. Дрэм, обхватив пса за шею, а он, притворно рыча и скаля зубы, не переставая, правда, дружелюбно махать хвостом. И при этом оба смеялись — и мальчик, и собака. А потом все вместе шли на охоту — Дрэм, Вортрикс, и две собаки, ибо у Вортрикса тоже была своя собака.

После охоты Дрэм доводил Белошея до тропинки, а иногда и до калитки дома, где можно было перекинуться словом с матерью или Блай. Дальше идти ему не полагалось, пока он был в Школе, но всякий раз, когда он доходил до калитки, Белошей провожал его обратно до конца дорожки, и там, возле нижней делянки неправильной формы, как и все их делянки, они расставались.

Дрэм и Вортрикс охотились вместе с того самого первого дня, когда они неожиданно стали побратимами. Однако Вортрикс никогда не присутствовал при прощании Дрэма с Белошеем — Дрэм, при всей своей любви к другу, не путал своих привязанностей. Да и Вортрикс, обычно не склонный обращать внимания на такого рода пустяки, неизменно проявлял мудрость и чуткость по отношению к кровному брату: после охоты он прямо возвращался в Школу, в то время как Дрэм шел провожать своего белогрудого великана.

Осенние сумерки постепенно синели, как дымок очага над темнеющими Дебрями, гася рыже-красное полыхание дальнего леса. То тут, то там мелькали черно-белые крылья зуйков, над головой носились скворцы, уже собравшиеся лететь поближе к родным краям. Тихо и мирно было вокруг: свет разгорался в дверных проемах хижин, среди которых стлался туман из смеси очажного дыма, дыхания скота в коровниках и уже колкого морозного воздуха. Когда мальчик подошел к громоздящимся на холме хижинам, то почувствовал, что тишина эта обманчива. В деревне царило необычайное оживление: в сумерках двигались, возникая и исчезая, неясные фигуры и отовсюду слышался прерывистый гул голосов, будто шли какие-то торопливые приготовления.

Ту же атмосферу поспешных сборов застал он и в Школе. Вортрикс, вернувшийся незадолго до него, сидел на корточках возле очага, над которым был подвешен огромный котел, где булькала похлебка на ужин. Вортрикс свеживал подстреленного им зайца с видом человека, решившего не отступать от положенного распорядка, несмотря ни на какие препятствия. Остальные, стоя у очага или расположившись на полу, что-то горячо обсуждали, одновременно полируя пряжки плащей или бронзовые украшения на кожаной сбруе, словно перед битвой.

Старый Кайлан сидел на обтянутой кожей скамье с копьём на коленях, ни на мгновение не спуская с учеников горящих глаз.

— Что происходит? Налет? — спросил Дрэм.

Ему ответили два или три голоса.

— Царь ушел за закат.

Дрэм свистнул:

— А как вы узнали?

— Здесь еще были гонцы, когда я вернулся, — сказал Вортрикс, продолжая свеживать зайца.

— А кто его убил? Он ведь был совсем не старый?

Юриан пальцем попробовал острие кинжала;

— Говорят, кабан. Царь вчера пошел на охоту и вышло так, что не он убил кабана, а кабан его.

Всех охватило какое-то возбуждение. Не то чтобы они жалели покойного Царя: он жил далеко от них в своем высоком Царском Чертоге, и они лишь знали от отцов, что он был суровый человек и замечательный воин. А теперь он был мертв и ушел за закат. И виноват в этом кабан с длинными клыками и глазами, налитыми кровью, защищавший свою жизнь.

— Будет тризна и изберут нового Царя, — сказал Туэн.

— Пир целых три дня, и борьба, и бега. Все мужчины соберутся в Царском Дворце.

— Отец рассказывал, что когда выбирали последнего Царя, жарили так много мяса, что запах доходил до Большой Воды, — заявил Мэлган, хлопая белесыми ресницами.

Слова его были встречены дружным хохотом, со всех сторон раздались голоса:

— Это единственное, что тебя волнует, толстяк?

— Когда Мэлган был маленький, его, наверное, осенью выгоняли со свиньями откармливаться на желудях.

— Берегись, Мэлган, как бы тебя не приняли за поросенка, тогда запросто угодишь в котел.

Мэлган, привыкший быть вечным предметом насмешек, только добродушно улыбался в ответ. Между тем Дрэм внимательно следил за всеми приготовлениями. Неожиданное возбуждение, охватившее его сверстников, передалось и ему.

— Мы что, тоже пойдем на пир? — спросил он.

— А ты как думаешь? — вдруг проворчал до сих пор хранивший молчание Кайлан. — Вы разве не из дома Вождя? Не из его стаи Собаки? А теперь прекрати задавать вопросы и иди готовься к утреннему походу. Уже поздно, а ты еще ничего не начинал делать. Я не потерплю, чтобы мне потом тыкали в глаза, что Собака Дамнорикса, когда все шли на тризну, выглядела будто шелудивая шавка какого-нибудь пустозвона.

Луга, начищавший удила, поднял голову.

— Ты забыл, наш отец, что Дрэм непременно должен довести свою драгоценную собачку до дома. Я иногда удивляюсь, как ты ее вообще оставляешь и приходишь сюда? — сказал он с усмешкой.

— Ты бы меньше удивлялся и больше думал о своей собаке. Может, тогда бы она тебя слушалась во время охоты.

Дрэм поставил копьё на стойку возле очага.

Ему казалось странным, что Луга так долго помнит обиду и даже находит в этом какое-то удовольствие. Взбираясь с грохотом по лестнице на чердак, он отогнал мысль о Луге и его язвительных злых насмешках. Дел впереди было невпроворот. Он отыскал в ворохе одежды оранжево-желтую набедренную повязку, пояс с бронзовыми бляшками и когда-то длинный коричневый плащ с голубой полосой, который нынче стал ему совсем короток. После ужина он сидел со всеми вокруг очага и полировал кинжал и бронзовые бляшки на поясе. Время от времени он расчесывал гребнем волосы, как это делают взрослые мужчины, и он, и Вортрикс, и все остальные.

Двенадцатилетки, оттесненные от очага, дрожали от холода на сквозняке и поглядывали на них с завистью. Двенадцатилетним не надо было расчесывать волосы, поскольку они не собирались на тризну и церемонию избрания Царя. Это была привилегия самых старших Собак из стаи Дамнорикса, потому-то они с таким гордым видом сидели вокруг огня, положив возле себя копьё и ведя неторопливую беседу,

Наутро, как только рассвело, деревня, где шли последние приготовления, загудела, словно пчелиный улей. Вскоре начали прибывать жители самых отдаленных горных хижин — сбруя на их маленьких лошадях была богато украшена бронзой и костью нарвала. Они привели с собой табун лошадей. С пастбища пригнали скот, так как Царь не мог накормить целое племя: каждый клан должен был поставить для Царского Дворца живое мясо. Из хижин стали выносить снедь и класть перед всадниками или же грузить прямо на спины выючных лошадей. Тут были большие ячменные хлеба, лепешки сыра из овечьего и кобыльего молока, мука в кожаных мешках. Под ногами непрерывно вертелись дети и собаки — дети визжали, собаки лаяли, лошади били копытами.

Дрэм взнуздal свою лошадь и теперь стоял рядом с Вортриksom неподалеку от входа в дом Вождя. Школа не имела своих лошадей, и мальчикам разрешалось брать диких необъезженных скакунов из конюшни Дамнорикса. Неожиданно в руку ему ткнулась чья-то холодная морда, и он, поглядев вниз, увидел Белошея, радостно помахивающего хвостом.

Дрэм потрепал его за уши.

— Здравствуй, братец, — сказал он и повернулся к Вортриксу. — Должно быть, Драстик здесь.

Не успел он произнести эти слова, как на площадку перед домом Вождя, всю запруженную людьми, въехал Драстик. Рядом с лошадью вприпрыжку бежали его собаки, а за ним чуть поодаль, так, чтобы не мешать внуку прокладывать путь сквозь толпу, ехал дед.

Дрэм знал, что должен приехать Драстик, но ему никогда не пришло бы в голову, что тот возьмет с собой деда.

Завидев их, он беззвучно присвистнул.

— Смотри, старик туда же! Он столько лет уже не садился в седло. Он слишком старый, особенно для такого путешествия.

Вортрикс рассмеялся:

— Судя по виду, он собой вполне доволен, этот золотой орел.

— Собой он всегда доволен, недоволен он обычно окружающими.

Взяв под уздцы лошадь, Дрэм нырнул в толпу.

Драстик приветливо улыбнулся младшему брату, когда тот наконец добрался до них, но с лица его не сошло выражение тревоги и озабоченности. Зато на лице деда было написано торжество. Он гордо восседал в своем бобровом плаще, подбитом алой тканью, на медвежьей шкуре, перекинутой, вместо попоны, через спину лошади. «Не иначе, как между ними произошла жаркая стычка», — подумал Дрэм.

Дед, казалось, все еще был в боевом настроении — он не ответил на приветствие Дрэма и только прокаркал хриплым голосом:

— Ты тоже думаешь, что я слишком старый?

— Я этого не говорил, дед.

— Вижу по глазам, что ты так думаешь. Горе мне, горе! Я и впрямь стал старым, и поэтому все считают, что я не должен поступать, как мне хочется. А хочется мне еще раз посмотреть, как собирается все племя, хочется надеть бронзовые браслеты и поговорить с людьми, с которыми вместе воевал, когда мир был молодым, с теми, кто еще остался. Разве это так уж много?

— Мне кажется, дед, ты не из тех, кто спрашивает разрешения, — сказал Дрэм, улыбнувшись. Он погладил лошадь, которая вдруг беспокойно задергалась, испуганная большим скоплением людей. — Ты ведь все равно поехал бы, чтобы поговорить с теми, с кем тебе хочется.

— Ты всегда был нахальным щенком, — сказал дед, презрительно выпятив губы и насупив лохматые брови. А затем добавил: — Но ты все правильно сказал. Это вина твоей матери, Сабры. Я так давно спорю с этой женщиной, что теперь мне не остановиться. Глотку дерет от этих споров. Пойди лучше пива мне принеси, вместо того чтобы стоять тут и скалиться, как лягушка на горячем камне.

К тому времени, когда Дрэм наконец раздобыл ячменное пиво и принес его старику, а затем отыскал свою лошадь, оставленную под присмотром двух младших мальчиков, Дамнорикс, Вождь клана, успел выйти из дома и сесть на вороного жеребца, которого держал для него Вортрикс. Алый плащ и золотые браслеты на руках и могучей шее Вождя горели огнем в осеннем утреннем тумане. Все старейшины и знатные люди клана были в сборе, большая часть верхом. Совсем близко от лошади Вождя Дрэм увидел Тэлори на молодой рыжей кобыле. Тэлори, как всегда, казался гибким и смуглым на фоне золотисто-рыжих воинов. Неподалеку он заметил Морвуда: из-под волчьего плаща у него выглядывало ожерелье из голубых мелких бус, таких же твердых и блестящих, как его светлые бешеные глаза. Был тут и старый Кайлан из Школы Юношей и много других всадников. Неожиданно в центре старейшин оказался Мудир — и все придержали лошадей, чтобы не наступить на его тень. На груди Мудира сиял янтарно-желтый символ Солнца, из-под головного убора в виде сложенных орлиных крыльев торчали седые волосы. Жрец уселся на носилки из шкур, прикрепленных к березовым шестам, — шесть носильщиков подняли носилки на плечи. Затрубили и заревели огромные бычьи рога, взывая к жемчужно-серым утренним небесам.

Всадники, следовавшие за Вождем, прищпорив коней, сразу же припустили галопом. Проскочив между хижин, они друг за дружкой пересекли бурливую речку под горой, а затем поднялись по склону к большой тропе, которая тянулась вдоль гребня Меловой от рассвета до заката. За ними ехал Дрэм и другие мальчики с собаками, которые носились среди лошадей, подгоняя обезумевший от страха скот.

Весь день отряд шел по древней зеленой тропе навстречу закату. Чаща осталась позади внизу, со стороны меча, а со стороны щита¹ повсюду, где расступались длинные горные хребты, сверкала полоса Большой Воды. Только для Дрэма все было наоборот, потому что он

¹ То есть справа и слева, так как копьё носили на правом плече, а щит — на левом.

нес копье и меч в левой руке, а щит, когда нельзя было не брать его с собой, на правом плече. При команде «Меч!» или «Щит!» ему каждый раз приходилось, до того как выполнить ее, в уме быстро поменять оружие местами.

От дороги постоянно убегали тропинки, то травянистые, то меловые, паутиной окутывая желто-рыжие гребни высоких холмов. Навстречу попадались стада пасущихся овец, завидя отряд, они испуганно сбивались в кучу и, постукивая копытами, смотрели на блестящую бронзу и алые плащи, на мчавшихся с громким цоканьем лошадей, на их развивающиеся гривы. Маленькие темнокожие пастухи выкрикивали проклятья вслед золотым людям, которые проносились, как гордые боги, распутивая овец. Они проезжали мимо круглых могильников, безымянных героев, в изобилии разбросанных вдоль хребтов и помогающих опознавать дорогу. В этот первый вечер они разбили лагерь у одного из заброшенных овечьих прудов, обнесенного стеной. На следующий день, около полудня, впереди, на широком уступе Меловой, показался Царский Дворец.

К этому времени к ним присоединились еще несколько отрядов, каждый со своим вождем и старейшинами, и они все вместе поднимались теперь по белым тропкам Меловой навстречу огромной цитадели, сложенной из плит торфяника под самым высоким гребнем, как корона с тремя зубцами или свернувшаяся петлей змея.

Был ясный осенний день и кусты боярышника, усеянные яркими ягодами, отливали медью в лучах солнца, на фоне белоснежного крепостного вала. Чуть ниже по склону, среди бурого жухлого дерна, зеленела изумрудная трава, пробужденная к жизни осенними дождями, сменившими засуху конца лета. Это был один из тех дней, когда все линии резко очерчены, а краски ясные и холодные, как блестящее украшение в центре щита. Но впереди над Большой Водой ползла низкая гряда туч — она двигалась в направлении гор и Болота; даль уже заволокло дымкой, будто кто-то провел грязным пальцем и размазал чистые краски: голубые, зеленые, сиреневые.

— Смотри, какой туман, — сказал Дрэм едущему рядом с ним Вортриксу. — Сегодня не очень-то весело будет ночевать там, наверху.

Но вскоре Дрэм начисто забыл о своих словах. Они подъезжали к Царскому Дворцу, и всех вдруг охватило шумное возбуждение.

Всадники отпустили поводья, и лошади, тряся гривами и роняя пену на грудь, поскакали вперед. Всю дорогу бежавшие галопом носильщики Мудира, которые не раз сменились во время пути, вдруг помчались еще быстрее, едва не уморив жреца. Они неслись вверх к тяжелым трехстворчатым воротам, где стояли, выстроившись перед валом, будто выбитые в мелу, молчаливые воины Царского Клана. Их небольшие круглые щиты поблескивали на фоне серого осеннего неба. Носилки пронесли по неровным мосткам, перекинутым через наружный ров, и дальше в открытые ворота меж высоких деревянных створок. За носилками устремились всадники. Дрэм и его сверстники замыкали шествие. Пришпорив коней, они въехали в узкие ворота и протасили на веревке волов, которые с дикими глазами упирались изо всех сил, выставив вперед серповидные рога.

Въехав в ворота, они увидели перед собой огромное открытое пространство, где в годину бедствий могло целиком укрыться племя и скот, который загоняли меж концентрическими кругами огромных оборонительных валов. На самом высоком месте этой крепости, над Царским Дворцом, виднелись одна над другой круглые дерновые хижины Царской Деревни. Соскочив со своей маленькой лохматой лошадки. Дрэм с любопытством озирался кругом: он сразу же заметил, что над крышами громоздящихся по склону хижин не было дыма. В Царском Доме тоже был загашен очаг — огонь разжигали только после избрания нового Царя.

Из Дворца доносились голоса плакальщиц: «Охон! Охон!»

Передав скот людям, которые должны были отвести его в загон, Дрэм с Мэлганом и другими мальчиками двинулись через переполненную народом площадь к месту, где уже ставили палатки из конских шкур: им было поручено привязать лошадей в загородке между внутренней стеной и валом. Лошадей там было уже много, и все они беспокойно металась и

били копытами, испуганные то ли толпой незнакомых людей, то ли ощущением какой-то смутной тяжести, повисшей в воздухе, как перед грозой. Мальчики привязали лошадей и почти кончили кормить их, когда появился Вортрикс, ведя под уздцы отцовского черного жеребца. Он задержался, так как ему пришлось прислуживать отцу. Все стояли вокруг, пока он привязывал лошадь и давал ей корм. Вортрикс, обычно спокойный и уравновешенный, явно был чем-то раздражен: ни с того ни с сего он вдруг накинулся на безответного Мэлгана.

— Что ты стоишь здесь, как свинья? Лучше бы достал еще веревку.

Мэлган принес клубок жил и бросил его Вортриксу.

— Не знаю уж как там насчет свиньи, — сказал он, — но вот лошадью я бы хотел быть. Лошадей не морят голодом до тех пор, пока не выберут нового Царя.

— А ты побей землю копытами и попробуй заржать, — посоветовал Голт, — тогда, может, тебе кто-нибудь и даст меру лошадиного корма.

Смахнув прядь волос на переносицу, Голт принялся скакать и дурачиться, как и тогда, когда им было по двенадцать весен.

Но и сейчас, как и три года назад, они весело расхохотались. Юриан стукнул Голта по голове, и неожиданно все они очутились в центре свалки. Это немного ослабило напряжение, разрядило атмосферу ожидания, от которого уже сводило в животе.

Их громкий смех привлек внимание пегой, как трясогузка, кобылки, которую вел под уздцы какой-то парень. Фыркнув, она игриво встряхнула головой и затанцевала на месте. Еще минута, и она должна была бы успокоиться, но парень хлестнул ее по голове поводьями, громко при этом выругавшись. Тут-то все и началось. Завизжав от злости и обиды, кобыла метнулась в сторону и поднялась на дыбы, а парень судорожно вцепился в оголовье уздечки. Затем кобыла всей тяжестью обрушилась на черного жеребца Дамнорикса, который тоже завизжал, дернул веревку и, взбрыкнув, укусил лошадь за холку. На мгновение все смещалось в едином водовороте.

Вортрикс, вне себя от бешенства, пытался утихомирить все еще сердитого отцовского жеребца.

— Дурак ты, и больше никто! — крикнул он парню со злостью. — И кто только подпускает таких к лошадям?!

Вдруг кто-то закричал:

— Она вырвалась!

Дрэм увидел над собой вздыбившуюся лошадь и, прыжком увернувшись от занесенных копыт, схватил ее за уздечку.

— Все, я держу ее!

Еще несколько минут борьбы, и он, обливаясь потом, заставил кобылу опуститься на четыре ноги. Она стояла, все еще дрожа, но уже совсем покорная. Пока мальчики, тяжело дыша, смотрели друг на друга, кобыла, тряхнув головой, стала шарить мордой по груди Дрэма.

— Кто тебя учил бить по голове испуганную лошадь? — спросил Дрэм.

Парень вскинул подбородок:

— А кто ее напугал? Разве не вы галдели у нее под носом, как стая молодых дятлов на дереве?

— Она была в полном порядке, пока ты не вздумал бить ее поводьями.

Парень побагровел:

— Я не нуждаюсь в твоих советах. Еще не хватало, чтобы ты учил меня обращаться с лошадьми.

Он почти вырвал уздечку из руки Дрэма, стараясь, однако, не испугать еще раз резким движением кобылу.

Дрэм рассмеялся:

— А по-моему, как раз не мешало бы, чтоб тебя кто-нибудь поучил обращаться с лошадью.

Он повернулся и поглядел на своих братьев по копыю.

У него за спиной, где собралась небольшая толпа любопытных, раздался смех, и мальчишеский голос произнес:

— Ты сполна получил, Кунеда, и, надо сказать, по заслугам. А теперь уходи. И не вздумай затевать драку здесь во время тризны, не оберешься потом неприятностей.

Инцидент был исчерпан: все кончилось так же внезапно, как и началось. И Дрэм больше об этом не думал. Он помог Вортриксу накормить и почистить отцовского жеребца, который никак не мог успокоиться, а затем они отправились обратно в лагерь, разбитый под самым Царским Чертогом.

В то время как они находились в загородке между внутренней стеной и валом, туман, тот самый, что днем шел от Большой Воды, незаметно прокрался Болотами и, поднимаясь все выше, будто призрак какого-то бескрайнего безжизненного моря, подошел вплотную к трехстворчатым воротам крепости. Когда мальчики дошли до открытого пространства посреди лагеря, туман неожиданно окружил их со всех сторон: он клубился прозрачным сырым дымом прямо от истоптанной земли, сгущаясь особенно плотно вокруг Царского Дворца.

Дрэму казалось, что вместе с туманом растет ощущение бесконечного томительного ожидания. Оно кончилось под вечер, когда царские воины с раскрашенными в знак траура охрой и углем грудью и лицами, вынесли из Дворца тело покойного Царя.

Дрэм с Вортриксом и остальными братьями по копыю стояли, выстроившись, вдоль прохода, специально оставленного между Царским Дворцом и воротами, и смотрели, как сгущаются сумерки за спинами факельщиков и как превращается в золотой дым туман с моря, переваливший через запретный вал; они видели полуобнаженных жрецов, среди которых был и Мудир, а за жрецами шесть воинов несли останки Царя.

Тело было обернуто в плащ из волчьих шкур, но лицо оставалось открытым, откинута назад грива волос горела, как факел, огненно-рыжим огнем. Лицо застыло в какой-то жуткой полуулыбке, и та же полуулыбка была на раскрашенном лице одного из воинов, несших тело Царя. Это был совсем молодой человек, с такой же ярко-рыжей гривой и таким же большим орлиным носом.

Дрэм понял, что перед ним отец и сын, хотя никто ему об этом не говорил, старый Царь и новый, вчерашний и сегодняшний.

Толпа вдруг дрогнула и стала раскачиваться в такт причитаниям, несущимся из дома. За телом Царя шли воины Царского Клана, ведя его любимых коней и собак, которые вместе с ним должны были уйти за закат. На веревке тащили жертвенных животных — быка, барана и черного ошетилившегося кабана. Вслед за царскими воинами двинулось племя — мужчины и Новые Копья, все в полной амуниции. Освещенные длинной вереницей факелов, они несли мертвого Царя из его высокого Чертога в туманные холмы и постепенно затихали за ними стенания женщин.

В полной темноте они пришли на священное место. Туман продолжал все время сгущаться, и Дрэм скорее ощутил, чем увидел там, вдали, справа, где обрывалась цепочка факелов, темную, поросшую кустарником громаду древнего могильника. Когда процессия огибала его по часовой стрелке, яркая огненная змейка вилась в темноте. Поднявшись на холм, все встали вокруг высокого погребального костра, сложенного на плоской, покрытой травой вершине, на которую воины опустили свою ношу. После того как были заколоты и освежаваны жертвенные животные, в хворост зарыли два огромных кувшина с медом и жиром. Теперь все было готово, Верховный жрец с золотыми рогами, символом Солнца, воздев руки, запел заклинания:

— Полуденное Копье, Повелитель Света, Повелитель Жизни, Повелитель Очищающего Огня, прими через огонь воина, чьи воинские дни окончены, охотника, которому больше не охотиться...

И пока он пел, сын Царя вышел на середину и, взяв факел из рук одного из жрецов, повернулся к костру и несколько раз ткнул его в хворост. А затем, когда огонь стал лизать сухое дерево, он швырнул факел прямо в середину огромного костра и, поставив ногу на

торчащее из кучи полено, легко вскочил на вершину, рядом с темным запеленутым телом. На мгновение он, присев на корточки, застыл, обняв тело отца и склонив голову ему на грудь, так что в минуту прощанья их ярко-рыжие волосы спутались. Потом он спрыгнул на землю, весь в крови от освежаванных шкур, с искрами, тлеющими по краю набедренной повязки.

На рассвете угасающее пламя залили ячменным пивом и, когда достаточно охладел черный след от костра, собрали полуобгорелые кости Царя и, завернув их в кусок алого полотна, сложили в большой кувшин.

При разгорающемся свете Дрэм разглядел, что в могильнике вынут дерн и в небольшое отверстие жрец ставит кувшин, произнося нараспев магические заклинания. Возле кувшина сложили оружие, украшения и все то, что осталось от лошадей и охотничьих собак, а также жареное мясо и кувшины с медом и зерном для последнего путешествия Царя. Затем воины замуровали отверстие, заложив его куском мела и дерном. Теперь только черный шрам на траве напоминал о том, что Царь ушел за закат.

И снова наступило томительное ожидание. При бледном свете зари было видно, что лица собравшихся, нетерпеливые, напряженные, устремлены на вершину могильника. Туман слегка рассеялся и повис клоками: сквозь струи испарений уже проступали темные низкие кусты боярышника, тиса, можжевельника, росшие на широком уступе, стал виден и зеленый пышный ковер на склоне древнего могильного холма. Туман забирался в волосы, его серебристо-белые цветы цеплялись за грубошерстные плащи воинов и шкуры собак, снующих под ногами. Где-то проснулась с криком птица, невидимая в сером море утреннего тумана.

На этот раз ожидание прервал трубный глас воловых рогов. На вершине священного холма, куда, как всем казалось, никто не поднимался, вдруг появился Верховный жрец, а рядом с ним стоял молодой воин с лицом покойного Царя. Толпа ахнула, и тут же раздался дружный крик: «Царь! Вернулся Верховный Вождь!» И Дрэму, глядящему сквозь непрерывно движущиеся кольца тумана, почудилось, что эти двое там, на вершине холма, ростом гораздо выше всех остальных людей и что они не простые смертные, а легендарные великаны и герои.

Верховный жрец поднял руки, и голос его, долетающий сверху до нетерпеливо ожидающей толпы, был пронзительно тонкий, как птичий крик среди туманного утра.

— Царь ушел на запад! Царь вернулся! Солнце садится и встает. Примите Царя, о воины племени!

Дрэм заметил, что в воздетых руках жреца, над серпиками рогов его головного убора, вдруг заалел витой обруч из золота, непонятно как выхвативший отблеск предрассветного пламени из этого молочно-белого воздуха. Во внезапно наступившей тишине было слышно, как колечки тумана проходят сквозь темные можжевельниковые ветки. Медленным движением Верховный жрец опустил руки и так же медленно надел обруч на голову молодого Царя, сдвинув его низко по самые брови.

Взрыв одобрения потряс толпу. Бурно нарастающий гул голосов разрядился страшным грохотом — воины колотили копьями по щитам, приветствуя Царя. Когда шум утих, все увидели, что Верховный жрец исчез, растаял в воздухе так же таинственно, как и пришел.

На вершине холма стоял молодой Царь, один среди тумана и корявых деревьев боярышника, неожиданно отдаленный ото всех своим новым положением. Траурная раскраска была стерта с его лица. Протянув руки, он стал медленно поворачиваться, так, чтобы племя, согласно обычаю, могло его разглядеть. Завершив круг, он выкрикнул резким пронзительным голосом:

— Я Царь!

И толпа дружно ответила:

— Ты Царь!

— Я Царь! Вы, мои воины, поклянитесь мне в верности!

Раздалось тихое пение, трехкратно повторяемая клятва Золотого Народа:

— Ты — наш Царь. Если мы нарушим верность тебе, пусть разверзнется земля и

поглотит нас! Пусть серое море выйдет из берегов и потопит нас! Пусть обрушится звездное небо и задавит нас насмерть!

Клятва завершала церемонию. Новый Царь вступил в свои права и вслед за жрецами повел своих воинов обратно в Царскую Крепость.

Глава VIII СОБАЧЬЯ БИТВА

Запах жареного мяса проникал во все уголки Царского Дворца; очажный дым висел низко в туманном воздухе, и отблеск огня снова осветил дверные проемы палаток из конских шкур. А через короткое время, после того как были накормлены лошади, начался пир, какой Дрэму не приснился бы и во сне. Чего тут только не было: дымящиеся бычьи, бараньи, свиные туши, извлеченные из ям с раскаленными камнями, кровяные колбасы, запеченные в бараньих желудках, огромные корзины с пшеничными лепешками и кобылий творог, кувшины с медом и ячменным пивом, которые разносили рабы и женщины. Тризна продолжалась весь день, правда, иногда молодые воины и воины постарше покидали пиршественный костер, чтобы помериться силой и ловкостью в борьбе и разного рода играх, но затем они снова возвращались на свои места. Все это время Царь сидел у Большого Костра на крашеной скамье, покрытой бараньей шкурой, тут же сидели вожди кланов и знаменитые люди племени и им прислуживали Новые Копья, каждый из которых, согласно обычаю, исполнял обязанности виночерпия и телохранителя при своем вожде.

Дрэм вместе с остальными Новыми Копьями Дамнорикса пристроился на корточках почти за самой спиной Вождя. Желудок его до отказа был набит кровяной колбасой. Он смотрел на деда и Тэлори-охотника, сидящих у Царского Костра, и чувствовал, как грудь его распирает от гордости. Отодрав зубами остатки мяса от реберной кости, которую он обглаживал, он бросил ее Белошею, примостившемуся у его колен, и с довольным вздохом повернулся, чтобы взглянуть на слепого арфиста, сидевшего у подножия царской скамьи. Из своей хрупкой пятиструнной арфы темного мореного дуба музыкант исторгал звуки, рассыпающиеся каскадом ярких, искрящихся брызг. Когда-то давно один или два раза такой арфист приходил к ним в деревню и играл у очага Дамнорикса. И он тоже был слепой. Песенный дар иногда дается людям слепым от рождения — словно Бог Солнца, протянув свой сияющий перст, коснулся их с тем, чтобы наделить иным зрением и зажечь иной свет, вместо того, которого они лишены. Но если этот дар дается зрячему, то еще в раннем детстве, как только становится явным, что ребенок отмечен перстом Божества, жрецы ослепляют его, чтобы усилить иное, внутреннее зрение. Таков обычай. Дрэм закрыл глаза и слушал, как уносятся вверх крылатые звуки, воспаряя над гомоном голосов у костра. Когда он снова раскрыл глаза, ему показалось, что огонь горит ярче, и вид неожиданно поднятых ушей Белошея, напоминающих цветочные лепестки, отозвался в его сердце почти болезненной радостью.

Вортрикс, сидящий рядом, неожиданно сказал:

— Мне кажется, это справедливо. Зрячий может стать воином и видеть небо и бегущие тени, но лишь один из немногих способен превратить арфу в волшебство.

Так уже бывало с ним и Вортриksom — стоило одному о чем-то подумать, как другой угадывал эти мысли, притом, что они мало разговаривали друг с другом.

К тому времени, когда сумерки снова прокрались во дворец, было уже выпито немало меда и ячменного пива: глаза блестели ярче, языки развязались. По мере того как хмелели мужчины, они становились все более шумными и веселыми — то тут, то там раздавались взрывы громоподобного смеха и вспыхивали неожиданные ссоры. Теперь, когда все в основном насытились, вокруг больших костров началось движение: люди вставали, перемещались, но пиво и мед еще долго лились рекой. Молодой Царь сидел, свободно откинувшись на спинку раскрашенной скамьи, на коленях у него лежала морда любимца

волкодава. Царь поднял большую чашу из красного золота и, оглядев вождей и воинов, произнес:

— Вожди моих кланов, братья мои, я пью за вас! Пусть Солнце и Луна всегда светят на вашем пути!

Запрокинув голову, он осушил до дна чашу янтарного густого меда.

В ответ все сидящие у костра дружно подняли чаши и кубки со, словами:

— Да осветят Солнце и Луна и Царский путь!

Дамнорикс, осушив кубок вместе со всеми, повернулся выпить за здоровье человека, оказавшегося его соседом после всех перемещений за столом. Человек этот был непомерно толст: огромное брюхо нависало над поясом с золотыми украшениями, а между глазами нависали, почти вылезающими из орбит, затерялся угреватый нос. Дрэм вскочил, подхватив с земли один из высоких кувшинов с медом, приблизился к Дамнориксу, чтобы наполнить его кубок. Тогда-то он и увидел кинжал. Одновременно с Вождем. Когда толстяк откинулся назад и поднял руку, чтобы подставить рог своему виночерпию, полы его плаща распахнулись, обнажив серый клинок, на котором блики от огня казались тусклыми, как рыба чешуя.

Раскатистый смех Дамнорикса оборвался. Поставив на землю кубок с медом, Вождь подался вперед:

— Брат Брэгон, разреши мне посмотреть твой кинжал.

Явно польщенный Брэгон икнул и, выдернув из-за пояса кинжал, протянул его Дамнориксу,

— Смотри, смотри хорошенько. Голову дам наотрез, такого ты сроду не видал. Таких почти что нет, и все они наделены магической силой. Поэтому будь осторожен.

Дамнорикс с силой сжал рукоятку кинжала.

— Мне кажется, я уже видел такой. Скажу тебе больше, я держал его в руке. Однако медник, который хранил этот кинжал в своих тюках, не согласился продать его ни за какую цену, хотя я предлагал ему в обмен три бронзовых кинжала и даже красивую рабыню. И как это получилось, что ты теперь носишь его за поясом, брат мой Брэгон?

— А ты думаешь, твой очаг единственный, где мастер бронзовых дел распаковывал поклажу? — спросил Брэгон. Он не в силах был скрыть торжество и снова протянул рог одному из своих Новых Копий, чтобы тот налил ему меда.

— Я же сказал тебе, он не собирался его продавать. — Дамнорикс наклонился еще ниже и, нахмурясь, пристально посмотрел в угреватое лицо Брэгона. — Я просил тебя рассказать, как он попал к тебе за пояс. Ответь мне на мой вопрос.

— Ну, что ж, отвечу на твой вопрос. Кинжал попал ко мне за пояс, брат мой Дамнорикс, наверное, потому, что у меня смекалки больше, чем у тебя. — Брэгон рассмеялся, обнажив желтые, как у волка, зубы — А на что игра в кости? Кости могут выманить у человека все, что он не хочет продать, особенно если хорошенько его напоить. Все знают, на Зеленом Острове самые азартные игроки. А я в этой игре тоже не промах. И если брату моему Дамнориксу так сильно хотелось иметь серый клинок, брат мой Дамнорикс должен был проявить больше смекалки.

«Это означает, что медник остался теперь без своего кинжала с огнем внутри, — подумал Дрэм. — Надо будет рассказать об этом Блай, когда вернемся». Он представил, как он ей скажет: «Помнишь, сюда приезжал медник? У него обманом выманили серый кинжал с огнем внутри». Вот обрадуется Блай! Дрэму иногда хотелось сделать для нее что-нибудь хорошее, если, конечно, это не требовало усилий

Дамнорикс нахмурился так, что густые золотистые брови сошлись на переносице. Он поднялся как бы ища глазами место, где воздух был бы почище.

— Может, у меня и не хватает смекалки моего брата Брэгона, Брэгона-лиса, но у своего очага я не подпиваю гостей и не выманиваю у них то, что они не хотят продать.

Брэгон вскочил с проворством, какое нельзя было предугадать в столь тучном теле, и, приблизив лицо к лицу своего собрата-вождя, громко крикнул злым хмельным голосом:

— Когда начинают каркать о том, что правильно и что неправильно, я знаю одно — пора приглядеть за добром. Отдай мой кинжал, пока не спутал его со своим!

Наступила мертвая тишина. Дамнорикс, с побелевшими губами, швырнул кинжал к ногам Брэгона.

— Забирай! Мой бронзовый послужит мне не хуже, чем этот, если понадобится.

Он выхватил из-за пояса свой кинжал.

Ссора вспыхнула в одно мгновение, как вспыхивает сухое полено, подброшенное в огонь. Только что они вместе весело смеялись, а теперь...

Один из мальчиков Брэгона, наклонившись, выдернул вонзившийся в землю клинок и передал его своему вождю.

Приглушенный шорох пробежал по кругу наблюдавших за всей этой сценой, и в наступившей затем тишине было слышно, как зашевелились в сумерках люди у малых костров и, привлеченные громкими голосами своих вождей, двинулись им на помощь. Блеснуло оружие, и, казалось, вот-вот начнется драка, тяжелая и кровавая.

Тогда молодой Царь, отшвырнул недопитую чашу, обрызгав сидящих поблизости золотым медом, и вскочил на ноги.

— Опомнитесь, братья мои! — Он стоял, возвышаясь над ними, совсем еще мальчик. — Неужели вы станете драться, как собаки, во время тризны и в день моего избрания? Спрячьте кинжалы! Вы слышите? Спрячьте немедленно!

Но оба вождя продолжали стоять: они, не отрываясь, глядели друг на друга.

— Он смертельно оскорбил меня, — сказал Дамнорикс. — И только битва может смыть оскорбление.

— Если уж так необходимо драться, то пусть лучше дерутся собаки, — сказал Царь и, рассмеявшись, оглядел собак, которые в бесчисленном множестве сидели у ног хозяев.

— Насколько я вижу, сегодня в моем дворце нет недостатка в собаках. Пусть каждый из вас выберет пса, а, впрочем, лучше, если будет три пса. Тогда битва будет интересней. Брэгон выберет трех собак из своей стаи, а ты, Дамнорикс, — из своей. И пусть они дерутся насмерть прямо здесь, у костра. У нас будет неплохое развлечение к меду, да и оскорбление будет смыто.

Наступила короткая пауза, после чего Брэгон заткнул серый кинжал за пояс.

— Да исполнится воля Царя, — сказал он.

— Да исполнится воля Царя, — повторил, как эхо, Дамнорикс, пряча кинжал.

В тишине было слышно, как и остальные вкладывают в ножны свое оружие, и напряжение, внезапно сковавшее людей, ослабло — опасность миновала. И сразу же поднялся нестройный гул голосов нетерпеливых, громких, раздался грубый хохот.

— Собачья битва, здорово придумано!

— Сэрдик, скорей сюда, сейчас будет собачья битва!

Брэгон подозвал одного из своих воинов:

— Эй, Лью! Вон тот твой пес ведь отличный боец? Ну-ка, давай его сюда. С трудом пробившись сквозь толпу, Лью притащил за ошейник крупного

тяжелого пса: рваные уши и морда в шрамах красноречиво свидетельствовали о его нраве.

Дамнорикс тут же громко свистнул, и к нему подскочил молодой резвый пес из его стаи. Затем Брэгон кликнул еще одну собаку, а Дамнорикс, обернувшись, спросил:

— Фин, рыжий дьявол, здесь?

— Здесь.

Старый воин вытолкнул на площадку рыжеватого пса, на ушах и морде которого шрамов было не меньше, чем у первой собаки Брэгона.

Царь оглядел собак:

— Вот и прекрасно, две пары у нас есть, а третью я, по царскому праву, выберу сам.

Он пробежал глазами ближайшую к нему стайку собак и выбрал среди брэгоновских псов огромного пятнистого зверя с загривком, как у настоящего чистопородного волка.

— Этот подойдет, — сказал он. — А что касается следующего...

И тут, как на грех, Белошей, стоявший возле Дрэма, поднял голову и в порыве нежности, нередко на него находившей, прижался мордой к руке мальчика.

Свет от костра выхватил из темноты серебристое пятно на шее собаки, давшее ей имя.

— Вот этот! — сказал Царь, указывая пальцем на Белошею. — Вот этот, белогорлый.

В первую минуту потрясенный Дрэм не поверил своим ушам. Нет, это не Белошей! Он думает про другую собаку! Но ошибки быть не могло — царский взор и указующий перст не оставляли сомнений. Дрэм взглянул на огромного пса, прижавшегося к его ноге: Белошей помахивал хвостом и доверчиво смотрел на хозяина янтарными глазами, слегка встревоженный тем, что вокруг происходит что-то непонятное.

Дрэм поглядел на его противника, старого исполозованного шрамами ветерана бесчисленных собачьих битв. Тот стоял, понунив голову, и шерсть у него на загривке заранее поднялась, будто он ясно сознавал, чего от него ждут. Предательский блеск глаз выдавал в нем убийцу. Белошей обычно вступал в драку только тогда, когда не было иного выхода, но по природе своей он не был драчлив. С упавшим сердцем Дрэм подумал о том, что Белошей погибнет, если стравить его с этим псом, погибнет именно потому, что он не убийца.

Все смотрели на Дрэма, дожидаясь, когда он вытолкнет собаку на круг. Пауза длилась не более двух ударов пульса, но Дрэму показалось, что их была сотня. Поставив на землю кувшин с медом, который все еще держал в руках, он вышел вперед — Белошей, как обычно, крутился у его ног.

Высоко вскинув голову, он повернулся лицом к Царю, Дамнориксу и толстобрюхому Брэгону.

— Мы, Новые Копья Дамнорикса, зовемся Собаками Дамнорикса, а это значит, что мы тоже можем участвовать в собачьей битве. Пусть выйдет кто-нибудь из Собак Брэгона, из его Новых Копий, и сразится со мной прямо здесь, у костра, вместо третьей пары собак.

Испуганный гул прошел по кругу, раздались встревоженные голоса. Слышанное ли дело, чтоб мальчишка, который еще даже не убил волка, осмелился поднять голос и бросить вызов в присутствии знаменитых воинов племени, в присутствии самого Царя. Но, как ни странно, дерзкий поступок Дрэма угодил под настроение хмельных соплеменников. Царь рассмеялся и ударил ладонью по колену.

— Молодец, Собака Дамнорикса! Хорошо придумал! Ну, а что нам скажут на это Собаки Брэгона?

Брэгон ухватился большими пальцами за пояс под огромным животом и свистнул. И тотчас же один за другим к нему подошли его Новые Копья, протиснувшись сквозь толпу вождей. Дрэм сосчитал — их было восемь, и среди них Кунеда, виновник вчерашней стычки из-за кобылы.

— Ну, так кто из вас принимает вызов? — спросил Брэгон.

Воцарилось молчание, тяжелое и томительное. Дрэм горящими глазами обвел лица мальчиков, переводя взгляд с одного на другое. Все восемь лиц были непроницаемы, но Дрэм хорошо понимал, что никому из Собак Брэгона не хотелось покрыть себя позором, потерпев поражение от однорукого противника. Но если бы даже и удалось одержать победу, это принесло бы немного чести. Рот пересох, и он кончиком языка облизал губы и при этом улыбнулся, стараясь, чтобы улыбка вышла как можно более оскорбительной. Но если они откажутся драться...

Он знал, что где-то здесь дед, Тэлори и Драстик, который подошел к Царскому Костру вместе с другими воинами клана, пробившись сквозь толпу. Ему казалось, что на него сейчас смотрит все племя. Дамнорикс даже не свистнул своих Собак. Но неожиданно они все вдруг оказались рядом, проскользнув, как и Собаки Брэгона, между собравшимися толпами людей. Он почувствовал, как они сгрудились у него за спиной, как плечо Вортрикса коснулось его плеча. Их объединили годы учения, тесные узы братства. И он знал, что они, что бы не случилось" будут стоять за него, все, за исключением, быть может, Луги. А если Собаки Брэгона откажутся драться, они все равно будут стоять на его стороне, перед лицом всего

племени они засмеют этих парней, убоявшихся однорукого героя. Но когда они останутся без свидетелей, они будут смотреть на его руку точно так, как они смотрели в тот первый вечер в Школе, и в их глазах он сразу же утратит завоеванное им почетное место. Дрэм хорошо знал свой мир. Это был жестокий мир, где вся стая обрушивается на слабого и где не приходится ждать ни милости, ни пощады.

Брэгон стоял, заложив руки за пояс и широко расставив ноги.

— Жаль, что никто из моих молодых Собак не бегаёт на трёх лапах. Я все же думаю, что...

У Дрэма упало сердце. Но вдруг Луга, сидевший поблизости от него, обернулся вполоборота и, оглядев с ног до головы Кунеду, сказал с легким смешком:

— Иногда и собака о трёх лапах может пригодиться. — А затем добавил, будто о чем-то постороннем: — Разве тебе не нужен помощник, чтобы управиться с лошастью?

Дрэм бросил на Лугу изумленный взгляд. Он думал — коли вообще думал об этом, — что Луга был бы рад, если бы убили Белошею и тем более если бы убили его, Дрэма. Но как только эта мысль пришла ему в голову, он понял, что это не так, однако времени на размышления не оставалось.

Для вождей и старейшин кланов этот обмен колкостями был пустой, не имеющей смысла перепалкой, но Собаки Брэгона сразу смекнули, о чем речь, как и Собаки Дамнорикса. И все они знали, что противная сторона тоже знает. И от этого было не уйти Кунеда пожал плечами, словно желал показать, что все это его мало волнует, но краска гнева, как и накануне, залила лоб, и он выхватил из-за пояса кинжал.

— Ну, хорошо, я буду драться одной рукой. Привяжите вторую мне за спину, если потребуется.

— Нет, не надо. Тогда бой будет неравный, я ведь специально тренировался драться одной рукой.

Дрэм улыбнулся, хотя чувствовал, как пот выступил над верхней губой. Все больше людей покидали свои места у костров и подходили поближе.

Собаки, чужая в воздухе что-то необычное, оцетинились и рвались, громко рыча, из хозяйских рук, пытающихся удержать их за широкие ошейники с бронзовыми бляшками.

Царь, стоя, смотрел на это зрелище, теребя за уши своего волкодава. Похожий на клюв нос придавал ему сходство с хищной птицей.

— Вот это будет настоящая собачья битва, — сказал он. — Впрочем, постойте... Третья пара как бы голая, никак не защищена. Смотрите, у собак густая грива, не хуже, чем у волка. Шерсть — по самое горло. Мне кажется, щит не нужен. Это ведь собачья битва. Нет, не надо щита. Ирдун, сходи-ка за охотничьими ремнями.

Из Царского Дворца были принесены ремни из толстой, но в то же время эластичной лошадиной кожи, какие надевают охотники, отправляясь на волчью или кабанью тропу. Дрэм скинул шафранно-желтую набедренную повязку и стоял, словно во сне, пока Вортрикс, отеснив остальных, обвязывал ему ремнями живот, бедра и левое предплечье. Ясные блестящие глаза Вортрикса глядели непривычно хмуро, а рот был сурово сжат. Белошей ни на минуту не отходил от Дрэма — он ласково терся об него мордой и тихонько повизгивал.

Затянув последний ремень, Вортрикс сказал:

— А теперь дай мне твой кинжал и возьми мой. Мой лучше.

На самом деле кинжалы почти ничем не различались. Но Дрэм знал — если бы на битву пошел Вортрикс, он поступил бы точно так же. Отдать свой кинжал — это единственное, что он мог сделать, чтобы помочь другу.

— Хорошо, я возьму твой кинжал. А ты поддержи Белошею.

Толпа отхлынула, освобождая большой круг у костра. Царь снова уселся на свою раскрашенную, застланную шкурами скамью, где у подножия сидел слепой арфист. Четыре пса в новом приступе ярости рвались из рук, и их ворчание перешло в монотонный рык, в котором была злоба и ненависть. Почти всех собак отогнали подальше, чтобы они не ввязались в драку.

— Удачной тебе охоты, мой кровный брат! — сказал Вортрикс,

Дрэм услышал его слова сквозь град советов и наставлений, который обрушили на него товарищи и к которым он был уже не в состоянии прислушаться. Затем он вступил в пустой круг.

В толпе, сейчас отделенной от него свободным пространством, он сразу же заметил деда: старик сидел, завернувшись по самые уши в бобровый плащ, и глядел куда-то в середину круга, поскольку ему не пристало на глазах у людей выказывать интерес к молодому соплеменнику, да к тому же еще не убившему волка. На лице Драстика, стоящего возле деда, была паника. Бедняга Драстик! Он вечно принимает все так близко к сердцу. Вот и сейчас он скорее всего мучается, думая о том, что скажет матери, когда все будет кончено. Тэлори, презрев обычай, смотрел прямо на него. Свет от костра, переливающийся в складках алого плаща и искрящийся на кольцах длинной змейки, свисающей с локтя, резче оттенял смуглоту и диковую гибкость охотника. Между ним и мальчиком протянулась ниточка, незримая для остальных, и Дрэм как бы услышал знакомый ободряющий голос.

И тогда он пошел навстречу врагу, двигаясь, как собака, на негнущихся ногах.

Они сошлись в середине круга и остановились. Туман, как ему показалось, снова начал сгущаться, и золотой дымок костра уже не так отчетливо освещал лица в дальних рядах толпы. Он почувствовал, как внезапно все смолкло и только злобное монотонное рычание собак нарушало тишину. Глаза всех мужей племени сейчас были устремлены на него, это он хорошо ощущал. Но он не понимал и не знал — его мужская гордость никогда не позволила бы ему даже задуматься о таких пустяках, — как хорош он был в эту минуту, на пороге смертельной схватки. Он стоял в золотистом тумане, освещенный пламенем костра, высокий, худенький рыжеволосый мальчик, мускулистый и гибкий, как царский волкодав. И что удивительно, рука, висевшая будто перебитое крыло, нисколько не портила, а даже подчеркивала его юную мужественность.

Затем с диким рычанием мимо него промчались спущенные собаки и вцепились друг другу в глотки. Затишье кончилось.

В отличие от собак, Дрэм и его противник осторожно кружили, слегка пригнувшись и не приближаясь друг к другу. Дрэм старался следить за глазами Кунеды. «Следите за глазами, только за глазами, не смотрите на руку с кинжалом», — без конца повторял им старый Кайлан, их наставник. Кунеда первым сделал прыжок, но Дрэм за секунду до этого уловил движение глаз и успел увернуться. Он почувствовал, как кинжал полоснул воздух у самого плеча. Он тут же прыгнул, но Кунеда с молниеносной быстротой отразил удар — кинжалы стукнулись со звоном, и волна от сотрясения прошла по руке Дрэма. С обеих сторон до его слуха доносилось злобное рычание собак и рокот голосов, то нарастающий, то стихающий. Мир сузился, сосредоточившись в кружке золотистого, пахнущего морем тумана, где он теперь был один на один со своим врагом.

Однажды ему пришлось вот так драться, забыв обо всем на свете, но сейчас все выглядело иначе — не было беспорядочно сыпавшихся ударов, не было запаха крови, щекочущего ноздри. Битва напоминала скорее какой-то ритуальный поединок, но тем не менее смертельный. Однако, как и в тот раз, так и теперь, от нее почему-то зависела его алая воинская награда.

Кунеда прыгнул снова — и снова зазвенела бронза. Отдернув руку с кинжалом, Дрэм подскочил совсем близко к Кунеде и, не дав ему уйти, ранил в руку, чуть повыше локтя. Неожиданно завyla собака и поднялся невообразимый шум. Сделав несколько кругов на расстоянии, мальчики вдруг сблизились, продолжая наносить и отражать удары.

Дрэм ощутил обжигающую боль в боку, будто старик Кайлан прошелся по нему хлыстом из воловьей кожи. Громко рассмеявшись, он прыжками стал приближаться к противнику, и тот невольно начал отступать. Он видел лицо Кунеды, закушенную губу, раздувающиеся ноздри. Кунеда явно терпел поражение, как и накануне с кобылой. «Это даже к лучшему, — подумал Дрэм, — так скорее все решится».

Стремительность, с которой они вцепились друг в друга, сделала их похожими на

дерущихся диких котов, но затем они снова отскочили друг от друга и опять принялись осторожно кружить.

Развязка наступила неожиданно. Она едва не стала роковой для Дрэма, скорее по прихоти случая, чем из-за перевеса в ловкости его противника. Он вовремя уловил опасный огонек в глазах Кунеды и, как в прошлый раз, успел уклониться от удара. Но в ту же минуту он услышал за спиной страшный шум и что-то рычащее навалилось на него, сбив с ног. Он налетел на двух намертво сцепившихся псов. В мгновение ока Кунеда оказался на нем. Дрэм видел, как сверкнуло занесенное над ним лезвие, и задергался, стараясь высвободить руку. Он понимал, что не может предотвратить удара и, пытаясь защитить грудь, подставил руку с кинжалом. Острое лезвие пройдя сквозь ремни из лошадиной кожи, пропороло ее от запястья до локтя, но Дрэм тут же резко выбросил руку вверх. Удар попал в цель, и кинжал вонзился в плечо Кунеды.

Царь, который все это время сидел на своей раскрашенной скамье, вдруг наклонился, казалось, прислушиваясь к тому, что говорил ему слепой арфист. Кивнув, он поднялся и теперь стоял подбоченившись, обозревая сцену битвы.

Но Дрэм всего этого не видел. Когда Кунеда, вскрикнув от боли, накренился и, с трудом переводя дыхание, встал на ноги, он услышал голос Царя, заставивший смолкнуть остальные голоса.

— Кончайте, хватит! Битва была честной, и теперь она окончена.

Он в первый момент ничего не понял, но он увидел какую-то новую искру в глазах Кунеды, который с усилием поднимался на ноги, зажав раненое плечо. И это была искра радости.

Еще некоторое время Дрэм и его противник, который больше не был его противником, стояли и смотрели друг на друга, не замечая, как разом заговорила и забурила толпа. Хозяин одной из собак-победительниц пытался увести ее с поля, тогда как другая, вся израненная, все еще стояла над телом своего бездыханного врага, слизывая кровь с морды. На земле, окрашенной кровью, в агонии каталась третья собака с разорванным горлом. Кто-то из воинов наклонился и ударом кинжала положил конец мучениям несчастного пса.

Дрэм повернулся и двинулся туда, где сидели свои, с независимым видом раскачивая плечами, хотя ноги еще слушались плохо. Струйка крови стекала из пропоротой руки, и он делал усилие, чтобы не выронить кинжал. Белошей, вырвавшись наконец из рук, державших его за ошейник, уже мчался ему навстречу, виляя пушистым хвостом. Все вдруг оказались возле него, а Вортрикс обнимал его за плечи.

— Сердце мое полно радости, — сказал он. — Охота была что надо.

Был здесь и волосатый Кайлан, наставник из Школы Юношей, и с ним жрец, державший наготове полотняные бинты и черную мазь с резким противным запахом.

Царь стоял в окружении предводителей кланов, широко расставив ноги и слегка раскачиваясь, — чаша с медом была у него в руке.

— Нет, нет, мы хорошо повеселились, — сказал он в ответ на протест одного из старых вождей, недовольного тем, что битве не дали завершиться естественным путем. — Зачем племени терять волка, а то и двух?

— Ты, конечно, прав, но дело с кинжалом тем не менее с места не сдвинулось и, следовательно, не завершено, — возразил другой вождь. — Рассуди сам, две собаки, одна из клана Брэгона, а вторая Дамнорикса, выиграли битву, а мальчишкам ты не дал кончить драку. Значит, все остается, как было, и спор, таким образом, не решен.

— Твои слова справедливы, Финдебар, — сказал Царь, и подобие улыбки, далеко не веселой, скользнуло по его юному бородатому лицу. — Спор пока не решен. Но так как надо ему положить конец... Мне кажется неправильным, что кинжал, обладающий такой большой магической силой, находится в руках Вождя клана, даже такого великого, как ты, брат мой Брэгон, тогда как Царь владеет всего лишь бронзовым кинжалом, ничем не отличающимся от тех, что носят за поясом простые смертные. Я не сомневаюсь, что именно по этой причине Брэгон, предводитель клана, решил передать свой серый кинжал в Царские руки.

Брэгон сделал судорожное глотательное движение и залился краской, как ивовый прут соком

— Царь... Царь, верно, шутит, — выдавил он с трудом.

— Какие могут быть шутки?! Царь похоронил все шутки в отцовском погребальном костре, — сказал, улыбнувшись, рыжий великан и протянул руку за оружием.

Брэгон, теперь уже багровый, вытащил из-за пояса серый кинжал и, прижав его на мгновение ко лбу, вложил в протянутую руку.

В ответ Царь снял с пояса свой кинжал, богато инкрустированный серебром и красным янтарем, и протянул его Брэгону со словами:

— А в обмен возьми вот этот, чтобы дареный нож не нарушил дружбу между Царем и его воином.

Сразу же все страсти улеглись. Запрокинув — огромную рыжую голову, Дамнорикс разразился громовым хохотом, который был подхвачен предводителями кланов и стоящими вокруг воинами. Они хохотали так заливисто, что даже лицо Брэгона растянулось в невольной улыбке. В конце концов не так уж и плох царский подарок. На другом конце площадки старый Катлан, одобрительно хмыкнув, повернулся к стоящему возле него Тэлори-охотнику.

— Смотри-ка, у молодого быка, оказывается, на плечах голова старика. Здорово он отвел беду от кланов, да еще и заполучил для себя серый кинжал.

Тэлори улыбнулся своей неожиданной мрачноватой улыбкой, обнажив волчьи резцы.

— Судя по всему, молодой бык не лишен мудрости, или же у него хороший советчик, этот слепой арфист. Мне кажется, это мудрое решение — прекратить бой и избавить брэгоновского мальчишку от позора быть побитым одноруким противником. Такая история могла бы надолго посеять вражду между кланами.

Дед бросил на него взгляд из-под лохматых золотисто-седых бровей.

— Ты думаешь, это так бы кончилось? — спросил он.

— Думаю, что да, после удара в плечо. Он ведь прирожденный боец, этот ваш щенок.

Дрэм слышал раскаты смеха там, где собрались мужчины, но он не знал, почему они смеются. Ранку на боку жрец смазал ему мазью и туго стянул распоротую руку полотняным бинтом, чтобы остановить кровь. Возле него были все его товарищи. Его мучила жажда, и он попросил пить. Луга первым вскочил, принес кувшин ячменного пива и придержал его, пока Дрэм пил, потому что тугая повязка не давала ему согнуть руку. Вглядываясь в смуглое лицо Луги, он неожиданно подумал: «Знаю я тебя, смутьян ты, конечно, большой — всегда рад заварить кашу, а потом таить злобу. Но ты из нашего братства. И если появятся чужаки и братству будет что-то грозить, ты вместе со всеми будешь стоять за него до конца, пока не исчезнет опасность». Ничего не изменилось между ним и Лугой, и завтра может вспыхнуть драка, но сегодня они улыбались, глядя друг на друга поверх кувшина, который, когда он был опорожнен, Луга поставил на землю.

Свет костра отражался в зрачках Дрэма, а во рту был вкус победы, горячий и сладкий, как дикий мед. Он хорошо сражался с врагом, Белошей был цел, и он упрочил свое положение среди братьев по копыю, и теперь только Волчья Охота стояла между ним и алой воинской наградой. Ждать оставалось недолго — убить волка он должен был еще до наступления весны.

Глава IX ЧЕРНЫЙ КАМЕШЕК

После поединка в течение нескольких лун Дрэм наслаждался славой героя. Рана на руке зажила, и от нее остался розовый след, который постепенно бледнел и должен был со временем превратиться в узкую серебристую полоску. Осень между тем незаметно перешла в зиму, и на вершине Холма Собраний в солнцестояние зажглись костры. И каждый раз,

когда год поворачивался к весне и волки покидали стаи, чтобы обзавестись потомством, наступала пора Волчьей Охоты.

Две зимы Дрэм внимательно присматривался к своим товарищам, которые вот уже три года готовились к тому, чтобы убить своего волка. И это время настало. Настало для него и для всех его собратьев. Как он сейчас понимал, оно неотвратимо маячило перед ним с тех самых пор, как он пришел в Школу Юношей, оно темным проливом легло на его пути. И все, что находилось на дальнем берегу этого пролива, было ослепительно ярким, но и недостижимым. Все остальные, он был уверен, испытывали те же чувства, хотя никто об этом не говорил. Но их выдавали глаза, когда они встречались с ним взглядом, вытягивая священный жребий.

Поскольку выбор новых воинов племени зависит от воли Бога Солнца, мальчики, чтобы решить, чья очередь идти на охоту, тянули жребий: из узкогорлого кувшина надо было выудить черный камешек, единственный среди белых. Каждый раз после очередной охоты из кувшина вынимали один камешек, так что там всегда оставалось столько камешков, сколько было мальчиков, которым еще предстояло убить волка, при этом неизменно один черный, а остальные белые.

Охота начиналась затемно, на следующий день после жеребьевки. Собак брать не полагалось, но зато выходили всем братством, единым охотничьим отрядом. Вместе выслеживали волка и гнали его к заливу, но убить его должен был тот, кто вытянул черный камешек. Эта охота была поединком между охотником и волком, судьбой сведенными вместе, и отныне в мире не было места для двоих.

Медленно тянулось время охоты, но число белых камешков в узкогорлом кувшине постепенно уменьшалось. Как-то раз, прежде чем отложить один из камешков, его смазали красной охрой в память Голта, который промахнулся и теперь уже никогда не будет дурачиться и смешить всех. Для него, как и для Царя, сложили погребальный костер, но костер этот был невысокий, так как Голт был всего лишь мальчик, так и не убивший волка.

Вортрикс вытянул черный камешек и убил волка, за ним Луга, и Туэн, и толстяк Мэлган. Дрэму явно не везло — он вытаскивал одни белые камешки и вынужден был, набравшись терпения, ждать. Весна рано пришла в тот год. В горах перекликались кроншнепы, и на лесных опушках белой пеной вскипал цветущий терновник, когда они с Юрианом вытянули два последних камешка из кувшина. И снова Дрэму достался белый. После того как Юриан убил волка, переменилась погода — поднялась настоящая буря, и зарядил дождь на много дней: ливень хлестал по крыше Школы Юношей, а потом задули весенние ветры. В такую погоду только и можно было, что сидеть у очага. Если иногда кто-то и выскакивал испробовать копье, то тут же, оглушенный ветром и вымокший чуть не до нитки, влетал обратно и шел сушиться к огню. И снова наступило томительное ожидание — уходили дни, а надежды на охоту не было никакой. Дрэм извелся и от этого почти не мог есть. Он исхудал и стал похож на тощего волка: жилы были натянуты как тетива, и даже Вортрикс не пытался с ним заговаривать.

Но как-то под вечер ветер вдруг стих и предзакатное солнце опустилось в желтую туманную влагу за Холмом Собраний. Дождь тоже ушел, покинув мокрую, исхлестанную ветром землю.

— Два дня, погоди еще два дня, дай просохнуть звериным следам и тогда по ним можно будет идти, — сказал старый Кайлан.

Дрэм сидел у очага и начищал копье для Волчьей Охоты. Услышав слова наставника, он поднял голову.

— Ты говоришь два дня, но через два дня снова начнется буря. Осталось всего несколько дней, когда еще можно охотиться. Дай согласие, старейшина этого дома, и я завтра же пойду.

Кайлан, казалось, размышлял, хмуро вглядываясь желтыми, как у волка, глазами в лицо сидящего перед ним мальчика. Наконец он кивнул лохматой головой:

— Ну, что ж, быть по-твоему. Это ведь твой след, след твоего волка. Пусть он тебя и

ведет.

Охотничий отряд подняли затемно, чтобы подготовиться к походу до того, как начнет светать. Как всегда, в такой день проснулся весь Дом Юношей, и на Дрэма, когда он стоял обнаженный перед очагом в окружении своей братии, из темных углов смотрели любопытные глаза. Стянув ремешком волосы на затылке, чтобы они не лезли на глаза, он повернулся к Вортриксу, который, как и в тот раз, перед собачьей битвой у Царского Костра, опоясал его ремнем из мягкой, пропахшей потом конской кожи, а затем, пропустив ремень через ногу, укрепил его ниже локтя:

— Не слишком туго?

Дрэм подергал рукой и присел.

— Нет, в самый раз.

Глаза их встретились в дымном свете свисающего с потолка светильника: ясные голубые глаза Вортрикса и глаза Дрэма, сейчас совсем золотые от нахлынувших воспоминаний. Возле них были все их товарищи, все, кроме одного, и Дрэм, поглядев на них, вдруг увидел в огне очага лицо с лягушачьим ртом, маленькую бесплотную тень и почувствовал, как мурашки забегали у него по спине. Точно такая же дрожь прошла по его телу, когда он стоял перед погребальным костром Голта. Отправляясь на Волчью Охоту, каждый из них знал, что может не вернуться, но только сейчас, в это мгновение, он понял, как никогда ясно, что из-за руки шансов вернуться у него меньше, чем у других... Завтра, быть может, они сложат погребальный костер и для него... Но он отмахнулся от этих мыслей. Он представил себе, как он возвращается на закате со следами волчьей крови на груди и на лбу, а через плечо у него перекинута шкура.

Протянув руку, он достал со стойки за потолочной балкой широкое копье, предназначенное специально для Волчьей Охоты, и направился к двери. Вслед за ним остальные подхватили свои копья и легкие плетеные щиты, а Вортрикс вынул из глиняной плошки дымящийся факел.

Кайлан ждал у входа. Свирепый старый Кайлан, никогда не расстающийся со своей плеткой, становился непривычно мягким в такие минуты. Положив руку на плечо Дрэма, он сказал:

— Покажи волчьему племени, что не зря я тебя учил. Доброй охоты, сынок! Начинало светать, и островерхие дерновые крыши уже прорезались в

фосфоресцирующем бледно-зеленом небе, когда Дрэм и его спутники, пройдя через двор, подошли к Дому Вождя. При свете факела, который нес Вортрикс, Дрэму его тень, шагающая перед ним, казалась черным гигантским пауком. Мудир вышел им навстречу и ждал их у порога. На голове у него была шапочка из перьев беркута, а на груди висел янтарный Солнечный Крест, сразу же вобравший в себя теплоту факельного света.

— Кого ты привел сюда, к священному порогу Дома Вождя? — спросил Мудир, когда они остановились перед ним.

И на этот ритуальный вопрос Вортрикс-факелonosец ответил согласно ритуалу;

— Новое Копье, для того чтобы ты пометил его знаком Волчьей Охоты, святой жрец.

— Пусть он встанет на колени.

Дрэм опустился на колени на священную землю, где священными были пороги всех домов, а порог Дамнорикса самым святым из святых. Старый жрец нарисовал углем и охрой три тонких линии Волчьего Узора у него на лбу. Затем он коснулся янтарным Солнечным Крестом, висящим у него на шее, груди и лба Дрэма, чуть повыше волчьих знаков. Рука, державшая Солнечный Крест, несмотря на свою силу, была такой хрупкой и прозрачной, что, казалось, через нее просвечивает свет от факела.

— Иди и убей волка, который дожидается тебя, сын мой. Да осветит Солнце своим светом этот день.

Дрэм поднялся с колен, осененный Знаком Волка и уже отдалившийся от мира людей.

— Как ты решил действовать? — спросил его Вортрикс, когда позади осталась спящая деревня.

— Тропа под горой, пожалуй, самое верное место, думаю, там мы найдем след.

Дрэм шел впереди, на небольшом расстоянии от своих спутников. Когда они спускались с горы по ячменным полям, он неожиданно задрал голову и потянул носом свежий утренний воздух. Нюх у него был почти собачий, и он легко по запаху мог различить бегущую воду, меловые обнажения или северную часть ствола у дерева. Утро пахло свежестью и прохладой, и, как только стихали порывы теплого ветра, наступала тишина, в которой чуткий нос Дрэма пока не улавливал волчьего духа. Он все время ощущал знаки, нарисованные на лбу, словно уголь и красная глина давила ему на кожу. Свет разгорался, когда они, наконец вышли на дорогу под крутым северным откосом Меловой. После прошедших дождей древняя тропа еще не успела просохнуть, ноги скользили и вязли в мокрой земле. И повсюду сверкали огромные лужи, где в неярких красках утренней зари отражались сплетенные ветки орешника и прутьев ивы. Но для наметанного глаза — мальчишек, с копьями в руках пробивающихся через густой кустарник, эта древняя тропа хранила следы и заметы всего, что здесь произошло со вчерашнего вечера, с тех пор как прекратился дождь.

Обшарив дорогу неторопливым, оценивающим взглядом, Дрэм двинулся по ней, с привычной легкостью указывая приметы: вот здесь, слева направо, пробежал еж, а там недолго шло по тропе стадо оленей, и у самой реки в кусты нырнули четыре взрослых оленя и с ними три годовика. Чуть подальше лисица проскочила через дорогу испить воды на закате, ее следы пересекались со следами охотника, который прошел этой дорогой немного позже, неся добычу на левом плече. Дрэм ясно видел, где тот остановился, чтобы поменять плечо — он оставил улику: кровавое пятно на ноздреватой земле. Когда охотник возобновил путь, по его изменившимся следам можно было легко догадаться, что он переложил ношу на правое плечо. И тут же сразу за этим местом, на клочке мелкого желтого песка, отчетливо проступали отпечатки звериных лап, похожих на следы большой собаки.

Дрэм и Вортрикс заметили их одновременно.

— Вот он, твой волк, — сказал тихо Вортрикс.

Дрэм кивнул. Опустившись на одно колено, он низко наклонился, чтобы лучше разглядеть следы. Света все еще было мало, хотя он непрерывно прибывал. Следы были свежие — волк, должно быть, прошел здесь перед самым рассветом и, судя по глубине отпечатков, бежал он легкой ленивой рысцой. Скорее всего, он успел поживиться добычей и, сытый, возвращался к себе в логово.

Мальчики обступили Дрэма как и положено опытным охотникам, они старались встать так, чтобы их случайно не выдала тень.

— Ну, что, пойдешь по следу? — спросил нетерпеливо Луга. — Или без собачки ты не можешь решить, что делать?

— Пойду, когда буду готов, — ответил спокойно Дрэм, продолжая изучать следы, чтобы узнать по ним как можно больше о своем волке. Это был крупный самец, и по тому, как отклонялись следы от тропы, Дрэм сделал вывод, что волк шел к речной отмели и, перейдя через нее, направился к лесу, подступавшему к долине на другом берегу реки. Наконец он поднялся с колен — рука крепко сжимала ясеневое древко копья, а сердце екнуло, как всегда, перед началом охоты. Вслед за ним двинулся весь отряд, и вскоре они скрылись в кустах орешника, усыпанного набухшими почками.

В небе занялась заря, и тропа, теперь хорошо видимая, была пустынной, потом прилетела сорока и, сев на край лужи, стала пить из нее.

Мальчики переправились вброд на другой берег и там снова отыскивали отпечатки волчьих лап на рыхлой земле. Все утро, пока солнце поднималось в умытую штормами синь, а над Большой Меловой в хаотическом беспорядке медленно проплывали свет и тени, Дрэм и его товарищи упорно продолжали идти по следу матерого волка, продираясь сквозь лесные заросли, угадывая его путь то по пестрой шерстинке, застрявшей в ветках боярышника, то по примятым травинкам, то по тревожным крикам сойки далеко впереди — то есть по сотне признаков, видимых лишь взору опытного охотника. Кусты орешника, дикие плодовые

деревья и ольха, налитая красным весенним соком, уступили место низкорослым дубам, и, по мере того как мальчики уходили все дальше от опушки, углубляясь в сырые дебри, все чаще их обступали заросли остролиста и тиса. Это был низкий темный лес, в зеленоватых сумерках которого таились бурые тени и серый туман.

С быстротой и легкостью собак, выслеживающих зверя, они двигались в этом сумеречном мире, куда блики солнца проникали либо сквозь переплетенные над головой дубовые ветки с лопающимися почками, ли о сквозь черные, как грачиные крылья, ветки упавшего тиса, а пробившись, блики слепили глаза с такой резкостью, что, казалось, будто они вырезаны мечом, безжалостно отсекавшим все остальные лучи света, которые могли бы хоть немного рассеять мрак окружающего леса. А летом, когда все было покрыто листвой, сюда не попадало ни капли солнца, и ни одно его пятнышко, ни один светлый штрих не нарушал царящую здесь тьму. Холодный тяжелый дух стоял в тусклых просветах между деревьями, и нигде не было птиц. И вдруг неожиданно, где-то совсем близко, тревожно прокричала сойка.

Дрэм застыл на мгновение, сердце беспокойно сжалось. Затем он побежал, делая широкие обходные круги, чтобы против ветра подойти к месту, откуда донесся тревожный птичий крик. Остальные старались не отстать от него.

Это был какой-то странный бег молчаливых теней среди деревьев.

Свет, более яркий, пробивался впереди меж темных, оплетенных лианами стволов. Дрэм пригнулся и, скользнув под нависающие ветви огромного тесного тиса, очутился на краю вырубki. Посреди открытого пространства буйно разросшиеся кусты боярышника, бузины и калины почти скрывали от глаз какую-то низкую, выступающую вперед насыпь из песка и камней, образовавшуюся, очевидно, в давние времена в результате обвала после зимних дождей. Насыпь эта как бы ограничивала вырубку на дальнем конце. Дрэм был уверен — как если бы он ясно видел вход в пещеру, — что там, под нависшей глыбой, в густом кустарнике, находится логово волка, чьи следы привели их сюда. Он незаметно сделал знак своим спутникам и сразу же почувствовал, хотя их не выдало ни одно движение, как они в мгновение ока рассеялись в разные стороны, чтобы затем стянуться кольцом вокруг вырубki.

Дрэм, скорчившись, неподвижно застыл в бурой мгле под ветками тиса, рука его с такой силой сжимала древко копья, что побелели костяшки пальцев, ноздри раздувались, и, когда ветер доносил волчий запах, по телу его, как у собаки, пробегала дрожь.

Какие-то, казалось бы, незаметные сигналы — то шорох ветки, то вдруг дождик из пыльцы куманики — говорили ему о том, что его товарищи окружили вырубку. Теперь все зависело от него. Он выпрямился, и в то же мгновение поднялись все остальные. Он видел, как они двинулись вперед, стягивая кольцо вокруг насыпи, где волк, должно быть, почуяв их приближение, следил за ними. Кончилось молчание, и все разом зашумели. Голоса, сливаясь в единую мелодию, поднимались к верхушкам деревьев: тай-йи-йаа-йи! Вместе с голосами воспарялось и сердце Дрэма, которое, пока он продирался через высокую траву и куманику, в каком-то яростном восторге отстукивало ритм: тай-йи-йи! Иа-а-йи-тай-йи-йи!

И вдруг неожиданно волк оказался перед ним. Ломая с шумом ветки, он выскочил на вырубку, но при виде охотников замер и, прижав уши, поводит теперь из стороны в сторону морщинистой мордой — огромный самец с полосатой шкурой, грозно вздыбивший шерсть. Затем, словно он знал, с кем из охотников ему придется иметь дело, он посмотрел Дрэму прямо в глаза, будто поджидал его. Так он стоял довольно долго, готовясь к прыжку и не отводя от взгляда мальчика своих кровожадных янтарных глаз, как бы приветствуя давнего знакомого. Остальные остановились на небольшом расстоянии, держа наготове копья. Но Дрэм уже никого не видел, никого, кроме своего волка. Один на один, жизнь за жизнь. Сейчас волк стоял между ним и алой воинской славой.

Он прыгнул и побежал зверю навстречу, пригибаясь низко к земле и отведя руку с копьем назад для удара. Он видел разверстые челюсти и болтающийся язык, и ему вдруг показалось, что волк ухмыльнулся и затем тоже сделал прыжок.

Дрэм так никогда и не узнал, что же произошло. Все случилось ошеломляюще быстро. Он наступил на что-то острое, может быть торчащий корень, который прошел через мягкую сыромятную кожу его башмака и вонзился глубоко в ногу.

От боли он едва не потерял сознание. Все это продолжалось какую-то долю секунды, но, пытаясь восстановить равновесие, он упустил время, и волк бросился на него.

Он не успел еще ничего осознать, как в поле зрения появилась оскаленная пасть, заполнившая собой все пространство, — он видел желтые клыки и мокрое черное горло. Небо и кусты закружились перед глазами. Зверь навалился на него всем телом, и рвущая боль обожгла правое плечо. Ноздри его ощущали запах смерти. Горячее дыхание опалило ему лицо, когда он сделал отчаянную попытку ухватить копьё поближе к груди, изо всех сил стараясь защитить горло, но в то же время какой-то другой Дрэм, его двойник, смотрел на все происходящее спокойно, как бы со стороны, и видел ясно, будто в прозрачном небе летнего вечера, неотвратимость своего жребия. "Это конец. Для меня сложат костер, как для Голта..."

Он слышал крики и краем сознания ощутил удар копьё, занесенный кем-то сверху. Ему казалось, что над ним идет битва, и, как сквозь сон, он почувствовал, что волк отодвинулся куда-то от его горла. Он слышал, как рычание неожиданно перешло в повизгивание — и исчезла тяжесть. Он слышал звук ломающихся веток и шум в кустах и снова крики, но уже где-то вдали.

А потом настала странная жуткая тишина. И тогда он, не до конца понимая, что делает, попытался встать на колени. Он вздрагивал и ловил ртом воздух, все еще сжимая в руке копьё. Откуда-то сверху спустилась рука Вортрикса и помогла ему подняться на ноги.

Кровь хлестала из пропоротого клыком плеча, окрашивая руку Вортрикса, точь-в-точь как в тот день, три года назад, когда они стали побратимами. В этой наступившей тишине они смотрели друг на друга и вдруг, устыдившись того, что теперь разделяло их, смущенно опустили глаза. Остальные мальчики, с трудом переводя дыхание, стояли вокруг.

Кто-то сказал:

— Зверь исчез. Берлога пустая. Вряд ли он вернется.

И тут же послышался второй голос:

— Это не обычный волк. Это какой-то оборотень. Иначе он живым бы не ушел после твоего удара, Вортрикс.

Дрэм в изнеможении оперся на копьё и снова взглянул на Вортрикса:

— Ты напрасно вмешался. Решать надо было нам с волком вдвоем.

Во рту у него пересохло, и говорил он прерывающимся шепотом, как будто его кто-то душил.

Вортрикс был мертвенно бледен, и даже губы у него посерели. Он посмотрел на Дрэма невидящими глазами и покачал головой, ничего не ответив. Сказать ему было нечего — Дрэм знал, и ничего нельзя было сделать. И если бы он, предположим, остановил льющуюся из раны кровь и, снова выследив волка, убил бы его до заката — ибо волка полагалось убивать до заката, — это все равно ничего бы не изменило, поскольку вмешался Вортрикс.

Убийство волка — это всегда поединок. Так требует обычай.

Будущее представлялось Дрэму нереальным и бесконечно далеким. Кто-то принес горсть мха для того, чтобы приложить к ране. Он протянул руку, просунув ее через ремень, и с трудом заставил себя принять вертикальное положение. Он поглядел на мальчиков. Они отводили глаза, боясь встретиться с ним взглядом. Он заметил, что они, по какому-то молчаливому соглашению, раздвинули круг возле него, чтобы он мог уйти. Его товарищи по Школе Юношей таким образом проявили милосердие, и это было все, что они могли для него сделать. Они давали ему возможность уйти в лес, чтобы избежать позора, а лес сам должен был решать — жить ему или умереть, хотя надежды выжить почти не было. Теперь он был волен искать убежища в лесу, как в ту памятную ночь, с которой все началось, шесть весен назад. Это был бы самый легкий для него путь, но после той ночи вот уже шесть весен как он не сдавался перед трудностями.

Он сражался так долго и так упорно, что сейчас уже был не в состоянии прекратить борьбу. Он не мог выбрать легкий путь, хотя жаждал его всем сердцем.

— Лес кругом, — сказал Луга.

Дрэм покачал головой.

— Нет, — сказал он. Больше он не мог произнести ни слова из-за сухости во рту.

Он собрался с силами и вскинул копье на плечо. Все еще прижимая к груди мох, он двинулся обратно. Остальные шли сзади чуть поодаль, и только Вортрикс был рядом с ним.

Глава X БРАТ МОЙ, БРАТ

Когда стало темнеть, Дрэм, взглянув в последний раз на старого Кайлана и на Школу Юношей, направился к своей хижине.

Все сидели за ужином у очага на тех же местах, что и прежде. Они разом подняли головы и уставились на него, когда он остановился на пороге, освещенный слабым отсветом огня: на лбу у него еще сохранились следы Волчьего Узора, а на плече зияла рана с запекшейся кровью. И всем вдруг показалось, что перед ними не человек, а дух. Он сразу понял это по их лицам; в глазах матери промелькнул страх. Он и был теперь дух, так как для своих соплеменников он больше не существовал. Если мальчик промахнулся и не убил волка, оставшись при этом в живых, — для племени он умирал. Таков был обычай.

Белошей, вскочивший вместе с другими собаками при его появлении, пронзительно взвизгнул и бросился к нему, как-то странно пригибаясь к земле. Обычно пес встречал его радостным лаем. Но молчание было нарушено. Мать тут же поднялась на ноги.

— Что с тобой? Ты ранен? Что с плечом?

Дрэм оглядел хижину. Станок, стоящий у двери, был пуст, но на полу возле него лежал свернутый кусок ткани, алой, в тонкую темно-зеленую клетку цвета можжевельных листочков. Сердце больно кольнуло под ребром.

Он сказал хрипло:

— Если это для меня, мать, можешь сделать новый плащ Драстику. Я промахнулся, волк ушел.

Ему казалось, что до конца его дней у него в ушах будет стоять вскрик матери, совсем негромкий, но, как ему почудилось, исторгнутый откуда-то из глубины кровоточащей плоти. Он отозвался в нем болью, какую он никогда еще не испытывал. Катлан, его дед, сидевший на сложенной медвежьей шкуре у очага, подался вперед, чтобы получше разглядеть его сквозь струйки похожего на папоротниковые ветки дыма. Глаза деда с золотыми точечками были почти совсем скрыты под золотисто-седыми лохматыми бровями. Он швырнул через плечо обглоданную кость дрожащей от нетерпения собаке и громко с отвращением сплюнул в огонь.

— Что я говорил тебе, жена моего сына? Что я говорил тебе шесть весен назад?

Драстик тоже смотрел на Дрэма, на его широком добродушном лице было глубокое огорчение. Он открыл рот и хотел что-то сказать, но так и не нашел слов.

Дрэм подошел к очагу — за три года он впервые переступил порог родного дома, но может статься, и в последний раз. Он опустился на корточки, и Белошей тут же прижался к его колену.

— Для меня уж и еды нет? — спросил он с вызовом в голосе. — Я не ел со вчерашнего дня.

Мать сжала руками голову.

— Не ел? — переспросила она. — Еда есть, но сначала дай я перевяжу тебе рану.

— Ничего не надо, пусть все так и остается, — сказал Дрэм. — Я хочу поесть, прежде чем уйду. Больше ничего не надо.

Блай, которая все это время сидела в темном углу, вдруг сказала:

— Я все сделаю сама.

Молча она принесла миску с мясом и ячменную лепешку.

Он взял миску и принялся жадно есть. Он не ел со вчерашнего дня, как он и сказал, потому что не полагалось есть перед охотой, но кроме того, он очень волновался. Сейчас, когда случилось худшее и все волнения были позади, он ел сосредоточенно и быстро, отрывая зубами мясо от костей и бросая через колено кости Белошею. Мать, брат, Блай, прервав ужин, смотрели на него, не произнося ни слова. Дед продолжал жевать, так как ничто в мире не могло помешать ему, когда дело касалось еды.

Когда Дрэм наконец насытился и обтер руки о бурый папоротник, в изобилии устилавший пол, он обвел долгим прощальным взглядом все вокруг лица родных, полутемную хижину. Он видел, как лижет шафранно-желтый огонь камни очага, видел длинный корявый узел на потолочной балке, там, где была ветка, когда дуб рос в лесу, видел розовато-коричневую шкуру, висящую перед постелью матери, и под потолком — щит из воловьей кожи с бронзовыми украшениями. Щит, который ему отныне никогда не носить. Он смотрел на привычные, знакомые предметы, которые не видел три года, и знал, что ему надо проститься с ними навеки.

Затем он встал и кликнул Белошею:

— Пошли, братец, пора.

Мать, стоявшая все это время молча у балки, как будто она приросла к ней, подошла к нему и робко положила руки на плечи.

— Куда ты пойдешь, щеночек, что ты будешь делать?

— Пойду к пастухам, как ты сама сказала шесть весен назад, ты и дед. Вы сказали, что если я промахнусь, то пойду к Долаю пасти овец.

— Значит, ты слышал?

Он видел, как все мускулы напряглись на ее красивом заостренном лице, у него появилось желание сделать ей больно в отместку за причиненную ему когда-то боль. Он не простил ей ее испуганного тихого вскрика.

— Ты всегда знала, нет разве? А я все слышал, каждое слово. Я был на чердаке. Я забрался туда через крышу и хотел спрыгнуть сверху, как ухвертка из соломы. Я ведь был ребенком. Но с тех пор мое детство кончилось, с того самого дня... Поэтому я и убежал в лес. Но меня нашел Тэлори-однорукий. Это он заставил меня вернуться и сказал, что необходимо бороться, если хочешь чего-то достичь. Бог Солнца знает, как я боролся все эти шесть лет, но дед оказался прав. — Голос его, нынче уже голос мужчины, задрожал, но тут же снова обрел спокойные интонации. — Радуйся, что есть Драстик, как ты сама говорила деду. Когда я буду пасти овец, у тебя среди воинов племени останется сын.

Она снова вскрикнула, и на сей раз этот крик боли заставил его забыть все злое, что он говорил. Ему захотелось зарыться головой в ямку на шее, будто маленькому, но он не смел, боясь расплакаться, как женщина. Он жалел, что не ушел, пока в нем бушевала злость. Злость была как бы щитом, заслоном. Мать убрала руки с его плеч.

— Драстик хороший сын, но лучше иметь двух сыновей... Два сына лучше, чем один... но на этот раз пути назад нет.

— Да, на этот раз нет.

Он повернулся и, как слепой, вместе с Белошеем направился к двери. Он прошел мимо Блай, и ее худенькое бледное личико на мгновение проплыло перед его взором, как в темной воде, и затем исчезло в весенних сумерках. Лошадки, стоящие у порога, потянули к нему мягкие морды, но он прошел мимо, не заметив их. Сзади он услышал шорох — ему показалось, что мать хотела броситься за ним, но голос Драстика твердо сказал:

— Нет, мать, не надо. Все равно ты ничем ему не поможешь.

Он погрузился в сумерки, и последнее, что он слышал, — это неожиданное для него громкое рыдание.

Одиноким и незащищенным, он уходил из привычного мира, оставляя в нем родных, своих сверстников, своих богов. Часть Пастушьего племени поклонялась Богу Солнца, но он

шел к Долаю, к его темнокожему маленькому народу, к детям Тах-Ну. Он знал, что со временем утратит свою веру, которая была горячей, истовой, острой, как наконечник копья. Постепенно он забудет Отца-Солнце и высокое небо и обратится к более древним богам Долая и его народа, погрузится в горячие темные недра Матери-Земли, которая дала жизнь всему на свете.

Он направился к огороженной овчарне высоко на холме над деревней, где стояли сложенные из дерна зимние овечьи загоны. Совсем скоро, как только погаснут огни Белтина, пастухи снова отгонят овец с ягнятами к Большой Меловой на летние тропы, но сейчас еще овцы и пастухи были на месте, и с ними, конечно, Долай.

Было совсем темно, когда он, поднявшись на холм, увидел свет от очага в дверном отверстии одной из низких дерновых хижин и уловил слабое движение овец в загоне и блеяние ягненка, который, проснувшись, не нашел своей матери. Громко залаяли пастушьи собаки. Он остановился и схватил Белошея за ошейник с бронзовыми бляшками. Затем послышался голос, успокаивающий собак, и маленькая согбенная фигурка вынырнула через освещенный дверной проем и стала вглядываться в темноту.

— Кто идет?

— Это я, Дрэм.

Долай — ибо это был Долай — снова заговорил с собаками, и они улеглись по обе стороны от его ног. Он стоял совершенно неподвижно, опершись на копьё с широким наконечником, и ждал, пока Дрэм подойдет.

— Урожай ячменя давно собрали, — сказал он, когда мальчик остановился перед ним.

— Собрали шесть урожаев ячменя, — сказал Дрэм. — Вот я и пришел. Ты когда-то сказал, что из меня выйдет неплохой пастух. Ты и сейчас так думаешь?

— Разве я могу ответить на твой вопрос, я, который не разговаривал с тобой шесть урожаев ячменя?

Крыло лунного света показалось из-за уступа холма и простерлось над ними. Старик посмотрел на мальчика долгим испытывающим взглядом из-под косматых бровей. Покачав головой, он сказал:

— Нынче я совсем в этом не уверен. Мне кажется, ты был добрее шесть урожаев ячменя назад. Но, кто знает, может, ты будешь добрее к четвероногим, чем к людям. Почему ты задал мне этот вопрос?

Наступила пауза, заполненная легким шорохом ветра в короткой траве и движением овец в загоне. Прокричал кроншнеп где-то на вершине холма, и один из пастушьих псов, лежащих смирно у ног Долая, угрожающе зарычал, когда любопытный Белошей слишком смело приблизил к нему морду. Наконец Дрэм заговорил:

— Мне пришлось много сражаться последнее время, о доброте некогда было думать. Но я потерпел поражение. Я промахнулся на Волчьей Охоте.

Ни удивления, ни сочувствия не отразилось на лице Долая — как обычно, оно сохраняло неподвижность.

— Да, это плохо, — сказал он. — И теперь ты пришел ко мне пасти овец?

— Да, пришел к тебе пасти овец, — сказал Дрэм ровным, без всякого выражения голосом.

— Тогда иди к огню, и я смажу тебе плечо.

Долай ни одним словом не выразил любопытства и больше не задал ни одного вопроса. И Дрэм, сам того не сознавая, в глубине своего израненного озлобленного сердца был ему за это благодарен.

Долай вслед за ним нырнул в узкий дверной проем пастушьей хижины. Какой-то темнолицый подросток, примерно одних лет с Дрэмом, сидел у очага. Дрэм вдруг узнал Эрпа, с которым бегал вместе до того, как попал в Школу Юношей. Глаза их на мгновение встретились, одни черные, другие золотистые, но они тут же их отвели.

Долай принес в горшочке желтую мазь с едким запахом и наложил ее на плечо Дрэма, будто тот был задранной волком овцой.

— Хорошо помогает от волчьих ран и овцам, и людям, — сказал он.

Когда Долай кончил, Дрэм сел у огня, а Белошей притулился к его коленям. Дрэм теперь не избегал темного вопрошающего взгляда Эрпа, но и не искал его. Он слишком устал и не мог ни о чем думать. У него было странное ощущение, будто из-под ног его ушла почва, и он, как дерево, опустошенное, лишенное корней, безвольно плывет по течению. Ушла куда-то даже злость, бурлившая в нем, и на смену ей, казалось, ничего не может прийти, одна лишь пустота; на месте его прошлой жизни — пустота и усталость.

Он улегся на землю, положив голову на бок Белошея, и, как измученный ребенок, заснул крепким сном. На лбу у него еще не стерлись остатки Волчьего Узора. Он спал так крепко, что не слышал, как вернулись из деревни Флэн и его брат.

На одиннадцатый день плечо его, благодаря мази Долая, почти совсем зажило, и утром он взялся помочь старому пастуху наложить все то же вонючее снадобье на спину овцы, которую поклевали вороны. Подняв случайно глаза, он увидел у входа в загон Вортрикса.

Он не удивился, так как знал, что Вортрикс придет до того, как обряд посвящения в воины разлучит их уже навсегда.

Они долго молча смотрели друг другу в глаза. Опустив на землю блеющую овцу возле ее ягненка, Дрэм сказал Долаю, что вернется через некоторое время, и, свистнув Белошея, вышел из загона, где снаружи ждал его Вортрикс.

Все еще молча, они повернулись и пошли вверх по холму, за ними следом бросились их собаки.

— Почему ты не приходил раньше? — спросил Дрэм, глядя прямо перед собой. Он не хотел ни о чем спрашивать Вортрикса, но вопрос вырвался помимо его воли.

— Я находился взаперти девять дней и девять ночей в отцовском доме. На меня наложили табу. Мудир запечатал глиной дверь, и каждый раз, когда приходил он или воины, запечатывал ее снова так, чтобы я не смог сломать печать.

Как Дрэм не подумал об этом?! Вортрикс нарушил закон, вмешавшись в поединок между ним и волком, и теперь, в виде расплаты, он должен был пройти ритуал очищения.

— Это было очень тяжело? — спросил Дрэм.

— Не легко...

Вортрикс говорил спокойно, но, казалось, он процеживает слова сквозь зубы. Дрэм украдкой взглянул на друга: квадратный раздвоенный подбородок Вортрикса резко обтянулся кожей, под глазами были пятна, похожие на синяки. Что они делали с ним эти девять дней и девять ночей в запечатанной комнате? Дрэм понимал, что он этого никогда не узнает, а значит, не следует задавать вопросы.

Весь день они охотились вместе, как в старые добрые времена. Им наконец повезло, и на лесистых склонах Большой Меловой они убили молодую косулю. Туша свисала между ними с копыта Вортрикса, когда они вечером возвращались обратно. Собаки плелись следом. И вытянутые тени мальчиков, собак, убитой косули ложились на поросшие дерном склоны холма. Все было, как всегда, все, как обычно, не считая того, что это было в последний раз.

Они одолели высокий подъем и на гребне, у опушки рощицы, где росли исхлестанные ветрами низкорослые дубы и боярышник, остановились передохнуть. Прежде им не раз приходилось тянуть на себе и более тяжелую добычу, но мысль об отдыхе не приходила ни одному из них в голову. Тут, среди распутившихся дубов, сбросив на землю оленью тушу, они повернулись и посмотрели друг на друга. Весь день они изо всех сил старались не думать о том, что это их последняя совместная охота, но больше скрывать правду от себя они не могли. О ней напоминало им все вокруг: заунывная песнь ветра в дубовых ветвях с уже лопающимися почками, крик чаек в отдалении, прелый запах мха, густым ковром покрывающего землю у подножия деревьев, и тоскливая безнадежность их душевной скорби.

— Мы хорошо поохотились, — сказал Вортрикс.

Дрэм кивнул. Они хорошо поохотились, и не только сегодня — они всегда хорошо охотились вместе. Он будет еще не раз ходить на охоту, как и Вортрикс, но никогда вдвоем. Все осталось в прошлом. Тень завтрашней разлуки нависла над ними, и разлука эта была

неотвратимой, как будто один из них должен был утром умереть, а второй — продолжать жить. Это не означало, что они никогда не увидят друг друга, но, если они встретятся, между ними будет пролив, отделяющий свободных членов Племени, воинскую касту, от Пастушьего народа. И этого ничем нельзя было изменить. Они были узниками племенного обычая. И обычай этот был сильнее их, сильнее всех воинов племени вместе взятых.

Дрэм поглядел на косулю, лежащую у его ног. На белом брюхе алело пятно, оно напоминало ему пятно на белоснежных перьях лебедя. Алый знак воина...

— Зачем ты встрял между мной и волком? — Голос Дрэма дрожал от боли,

— Времени на раздумье у меня не было. Я и сейчас думать не могу... Не так легко стоять, опершись на копье, и смотреть, как погибает твой брат.

— Зато завтра я буду стоять и смотреть, как ты и все наши товарищи уходят от меня навсегда. А потом я вернусь сюда один, когда вы уйдете.

— Брат мой, дорогой брат, мы охотились на одних и тех же тропах, ели из одной миски и спали в одной постели после охоты. Как мне дальше жить? Как же ты останешься один-одинешенек?

— Не знаю, — сказал Дрэм. — Но, видно, так суждено... Как все пережить, я пока не знаю.

Будто слепые, они протянули друг другу руки — Вортрикс две, а Дрэм одну. Так они и стояли, крепко обнявшись. Они всегда были, как две равные половинки, в их союзе не было лидера. Но теперь, когда пришла пора расстаться, Дрэм оказался сильнее: Вортрикс рыдал, как женщина, уткнувшись головой в плечо друга. А в это время позади шелестящих ветвей дуба и боярышника низкое солнце загло облака, и запад внезапно запылал, охваченный золотым пламенем.

Все выше и выше взвивались костры заката, золото превратилось в медь, раскаленно-красную, на фоне которой чернели ветви дубов; черными были и крылья носящихся над ними чаек. Малиновый свет расплескался по рожице, опалил и без того яркий мох под деревьями и окрасил грудь косули так густо, что стала розовой алая кровь на ее шкуре.

Когда пожар заката начал угасать и небо запестрело розоватыми пятнышками, будто кожа форели, — вокруг деревьев сгустились тени, мальчики подняли с земли свой трофей. Деревня была уже недалеко, хотя и скрыта поворотом дороги.

— Я дальше с тобой не пойду, — сказал Дрэм. — Ты, я думаю, и один справишься, тут близко.

— Ну, конечно. Половину я снесу твоей матери.

Дрэм помог Вортриксу взвалить тушу на плечо и приладить копье. Затем молча повернулся и, натываясь на деревья, пошел через дубраву. Он не в силах был дольше выносить эту муку. Он начисто забыл, свистнул ли он Белошея, вообще забыл о существовании огромного янтарно-черного пса и вспомнил о нем только тогда, когда тот ткнулся мордой ему в колени и закружил перед ним, помахивая пушистым хвостом. Как он мог забыть о нем — все-таки он не один, все-таки есть еще у него Белошей!

В густых сумерках он добрался до пастухов и, взяв миску с похлебкой, сел в тени, подальше от огня, чтобы никто не мог видеть его лица.

Весь следующий день он старался держаться как можно дальше от деревни, но все же не выдержал и перед самым закатом, когда должна была начаться церемония посвящения, вышел через ольшаник к реке и, затаившись среди деревьев, уже в ореоле молодых листочков, стал смотреть поверх лоскутного ячменного поля на знакомый хаос деревенских крыш. Он слышал тихое неразборчивое бормотание собравшейся толпы, перешедшее в протяжный крик, как только на пороге Школы Юношей показались будущие воины. Он опустил голову и уперся лбом в руку, лежавшую на древке копья.

Перед его закрытыми глазами одна за другой проходили сцены, которые он так часто наблюдал... Он видит, как будущие воины идут через толпу, теперь уже молчаливую, один за другим, очень прямые и гордые, глядя прямо перед собой. Новый крик, скорее вопль,

возвещает о том, что первый из них ступил в круг перед Костром Совета, где стоит Дамнорикс в окружении самых знаменитых воинов. Очевидно, это Туэн, самый младший из них. Всегда начинают с младшего, а последним идет самый старший. В этом году старший — Вортрикс... Вот на мужской половине поднимаются два воина и, выступив вперед, встают по обе стороны от мальчика. Но это не отец Туэна и не друг отца Туэна. И мальчик вовсе не Туэн! С одной стороны от него стоит большой согбенный старик с золотисто-седыми бровями и орлиным носом, а с другой — гибкий и смуглый человек с медной змеей, обвивающей руку, на которой не было кисти. Они подводят мальчика к Мудиру, сидящему у Костра Совета. Мудир слегка наклоняется вперед, когда они подходят — жидкие волосы выбились из-под жреческого убора из орлиных перьев... Дрэму казалось, что он слышит ритуальные вопросы и ритуальные ответы...

— Кто это? Кого вы привели ко мне?

— Это мальчик. Пусть умрет он в отрочестве и возвратится к нам воином племени.

— А кто поручится за этого мальчика?

— Я, старый Катлан, Катлан Могучий. Я, его дед, ручаюсь за этого мальчика...

У Дрэма, который стоял среди кустов ольхи, опершись на копьё, вырвался из груди сдавленный, похожий на рыдание вздох. Зачем он пришел?! Но он знал, что эта ничего не меняет. Если бы он остался с Долаем и пастухами, как собирался, все равно вести о том, что происходит у Костра Совета, дошли бы до его ушей.

Через лоскутные поля ячменя и молодого льна он услышал, как одна из женщин затянула плачь по сыновьям, умершим ритуальной смертью; плач подхватила вторая женщина, затем третья. Он понял, что первая, короткая часть церемонии, закончилась. Сейчас они пойдут вслед за Мудиром через толпу, которая расступится и пропустит их, его товарищей по Школе Юношей, его копьеносное братство... и Вортрикса. Он поднял голову и увидел их — на этот раз уже не в темной глубине своего внутреннего зрения — тонкую вереницу молодых гордых отроков во главе с Мудиром в уборе из орлиных перьев. За их спинами полыхал красный грозовой закат, начало которого он так и не заметил. Тени юношей, когда они шли, ложились на проросший ячмень и тянулись к нему, будто посылали прощальный привет. И теперь ночь и день, пока не вспыхнет новый закат за Холмом Собраний, племя будет считать их умершими. Вернутся они победоносными воинами со свежей татуировкой на груди, знаком их возмужания. И тогда настанет всеобщее ликование, и торжественно затрубят боевые рога перед тем, как зажгутся Костры Белтина.

Дрэм знал, что он уже не увидит их триумфального возвращения. Он пришел сюда проводить своих братьев из Школы Юношей. Новые воины, которые придут завтра, будут принадлежать другому миру, где ему нет места.

Теперь они повернула направо и стали подниматься на Холм Собраний, а вслед им неслись причитания женщин: «Охон! Охон!» И скорбная песня болью отзывалась в ушах и сердце Дрэма. Глаза его устали от бесконечного напряжения. Мальчики все время уменьшались в размере, пока петляли по длинному склону, держа путь к месту погребения безымянного героя. Когда они достигли горизонта, за который всегда уходили Новые Копья, Дрэму показалось, что они шагнули прямо в пылающее пламя заката. Пламя расступилось перед ними, и они исчезли в нем.

Дрэм повернулся и одиноко побрел обратно через ольшаник, а сзади еще долго слышался женский плач: «Охон! Охон!»

Глава XI ВЕСТНИКИ

На следующий день вечером Дрэм стоял в одиночестве возле опустелых овечьих загонов, откуда угнали весь скот в деревню, и смотрел, как пылают Костры Белтина на гребне Холма Собраний. Это означало, что молодые воины уже вернулись из-за заката. В

пастушьей хижине за его спиной очаг был загашен и давно остыл. Очаг теперь был черный и холодный, и такой же черной и холодной была душа Дрэма, пустая и заброшенная. Но очаг, как и все очаги в деревне и в пастушьих хижинах, ждал минуты, когда в нем вспыхнет новая жизнь от соприкосновения со священным огнем.

Вскоре внизу на склоне зардел в темноте красный огненный бутон, и через некоторое время появился Эрп с факелом в руке. Он бежал всю дорогу, как бежали сейчас во всех уголках клана самые младшие из каждого дома. И черный очаг снова ожил и, разгораясь, распрямлял лепестки живого пламени. Но сердце Дрэма оставалось холодным и темным.

На следующий день, когда погасли Костры Белтина, овец отогнали на высокогорные летние пастбища, и Дрэм, который теперь жил одной жизнью с пастухами, отправился вместе со всеми. Шли дни, и постепенно он подчинялся медленному однообразному ритму своего нового распорядка. В сумерках каждый вечер они загоняли овец в большие загородки со стенами из дерна. (Даже летом овец редко можно было оставить на ночь на воле, так как в любую минуту из леса могли появиться волки и схватить их. Что ни говори, волки — народ дошлый!) А по утрам, когда снова возвращался свет, овец выпускали. Два раза в сутки, утром и вечером, их водили на водопой к овечьим прудам, на расстоянии выстрела из лука от загонів. Целыми днями, пока овцы паслись, их надо было охранять и следить за ними, перегоняя с места на место, чтобы они всегда ели свежую траву, но не допуская на склоны Меловой, где росла дурман-трава, или в серые низины, такие, как старые кремневые карьеры. Овец приходилось собирать, когда они разбредались, vyhаживать и лечить от болезней или после ранения. И только поздно вечером, когда овцы были благополучно закрыты на ночь в загородке, можно было пойти в низкую дерновую хижину у овечьего пруда, где тебя ждала горячая похлебка, большей частью баранья, приготовленная из туши, что всегда была подвешена высоко над чающим очагом, так, чтобы ее не достали собаки. Обычно готовила еду одна из маленьких темнокожих женщин, которая, закончив стряпать, уходила. Судя по всему, эти женщины не были женами пастухов. После ужина нужно было, смешав разные травы, готовить мази для овец и чинить пастушье снаряжение. Бывало, что Долай вдруг принимался рассказывать какую-нибудь из своих удивительных историй, а иногда молодой Эрп играл на дудке из бузины заунывную бесхитростную песенку, которую днем играл своим овцам. Но большую часть времени все сидели молча у очага, так как пастухи были люди молчаливые.

Дрэм еще не прожил с пастухами и Долаем одной луны, как настало время стрижки овец.

Трижды в год общие заботы объединяли Племя и Пастуший народ. Один раз в пору листопада, когда устраивали большой общий загон для клеймения скота; второй раз, когда овцы ягнились, и все, кто способен был держать оружие, независимо от цвета волос и кожи, принимали участие в охране их от волков. И, наконец, третий раз, во время стрижки овец, но тут пастухам помогали в основном женщины Племени.

Лето еще только начиналось, но извилистые холмы Меловой, как в знойный полдень, дрожали в нагретом воздухе. Стрижи носились высоко в голубой вышине или же совсем низко вдоль склонов, на которые ложились их тени. И повсюду в небесах звенела песня жаворонка. Дрэм, пригнавший на стрижку небольшое стадо с Меловой к загону над деревней, слушал жаворонка и вдыхал запах сухого тимьяна, покаленного и примятого овечьими копытцами, чувствуя, как горячее солнце греет ему спину. Но куда-то ушла радость, которую он раньше испытывал в такие минуты. Прислушиваясь к блеянию овец и уже подросших ягнят, он не спускал глаз с их беспокойно пляшущих задних ног и с пастушьего пса серой окраски, бегавшего вокруг стада. Кью, старшая из двух собак Долая, что была почти щенком шесть весен назад, нынче не желала никого признавать, кроме хозяина, и молодой пес Эйсал теперь пас овец с Дрэмом. Пес прекрасно ладил с Белошеем, поскольку Дрэм всегда помнил о том, что не следует гладить Эйсала, когда Белошей поблизости. Белошей ходил всегда по пятам за хозяином, высунув розовый длинный язык. Из него так и не получилось настоящей пастушьей собаки — слишком долго он был

охотничьим псом Но он все же понял: на овец охотиться нельзя, их надо защищать. Постепенно он привык к новой жизни и в качестве охранителя стада завоевал свое право на существование.

Дрэм впервые так близко подошел к деревне после того дня, когда он издали следил за началом церемонии посвящения Новых Копий. И по мере того как он спускался все ниже, а синие Дебри вдали исчезли за крутыми утесами Меловой, он все нетерпеливее искал глазами знакомое нагромождение крыш под Холмом Собраний и поросшую дерном площадку над пшеничными полями, нынче шумную и многолюдную, где были поставлены загоны для стрижки и где стригали уже принялись за работу. Он хотел, но в то же время боялся, снова увидеть знакомые лица, привычные предметы.

Дрэм не мог стричь овец. Он почти все научился делать одной рукой, но для того, чтобы управиться с бунтующей, вырывающейся овцой, орудуя при этом тяжелыми бронзовыми ножницами, нужны были две руки. Приведя овец с гор, он весь остаток этого беспокойного тяжелого дня трудился не покладая рук возле загона. Он сгонял мекающих и упирающихся овец вниз и передавал их в руки стригалей — от них овцы выходили бледные и обкромсанные, но тут же спокойной трусцой шли искать своих блеющих ягнят. К концу дня Дрэм совсем запарился: волосы прилипли ко лбу, а набедренная повязка — к бедрам. Рука его была вымазана жирным овечьим потом, и ему казалось, что этот запах въелся в ноздри и перебивает все остальные.

Поэтому, когда пробежавшая мимо девочка с высоким кувшином пахты² для стригалей остановилась возле него, он нетерпеливо обернулся и вдруг увидел перед собой Блай,

Впервые в жизни он обрадовался ей. Она ведь могла рассказать ему о доме, обо всем, что он здесь оставил. На мгновенье, забыв о пахте и об овце, которую он только что вывел из загона, он порывисто схватил Блай за запястье, будто боялся, что та исчезнет, прежде чем он выведает и выпросит,

— Блай! Блай! — У него спирало дыхание. — Как я рад тебя видеть!

Подняв голову, она посмотрела на него, и будто солнечный лучик на секунду осветил ее лицо.

— Правда, Дрэм?

Его разозлила ее непонятливость.

— Ну, а как ты думаешь? Ты ведь можешь рассказать мне о наших. Как там мать?

Свет в лице Блай снова погас, и, помедлив, она сказала:

— Да, я могу тебе рассказать о доме. С матерью все в порядке, Дрэм.

— Ее нет здесь?

— Нет.

Они поглядели друг на друга, а потом Блай подняла широкогорлый кувшин с двумя ручками и наклонила его так, чтобы Дрэму было удобно пить.

— Пей! Ты, наверное, хочешь пить?

Дрэм приник губами к горлышку. Пахта была жидкая, вкусная, прохладная, и он пил с жадностью.

Напившись, он обтер рукой рот и тотчас пожалел об этом, так как рука пропахла жиром.

Торопливо, сбиваясь на каждом слове, Блай рассказывала ему о домашних новостях: Драстик часто теперь ходит на охоту, дед еще больше кашляет; недавно появились новые щенки; у матери, в ее фруктовом саду, привился дичок, а рыжая кобыла вот-вот разродится...

Кончив, она замолкла, уставившись на кувшин, а затем сказала едва слышно:

— Я могла бы иногда приходить и рассказывать тебе о доме, если ты, конечно, не против.

² Сыворотка, остающаяся после того, как сбивают масло.

— Я завтра снова уйду на Большую Меловую. Это очень далеко, — ответил Дрэм поспешно. И вдруг, неожиданно для себя, добавил: — Знаешь, Блай, там, на Большой Меловой, очень одиноко.

Блай продолжала смотреть на кувшин.

— Я могла бы иногда приходить, — повторила она. — Мне безразлично, сколько идти. Зато тебе будет, может быть, не так одиноко.

Дрэм посмотрел на нее, и на лбу между бровями у него появилась морщинка. Видно было, что он озадачен.

— Зачем это тебе? Идти в такую даль из-за меня?

Блай подняла голову, и ее узенькое личико дернулось, как от судороги.

— Ты же тогда, много лет назад, пошел за мной, когда приходил тот человек и все дети смеялись. Ты пошел, потому что, как ты сказал, я выросла у твоего очага. Ну, а если я выросла у твоего очага, значит, ты вырос у моего, — разве не так?!

Оба замолчали и не слышали, что тишина наполнена гомоном людских голосов и шумом идущей вокруг стрижки. Дрэм все еще был в недоумении не столько от слов Блай, сколько от какого-то странного, непривычного ощущения. Он, казалось, впервые смотрит на Блай, впервые видит ее. Он заметил в ее темных кудрях букетик белых цветов бузины — девушки часто прикалывали цветы к поясу или вплетали в волосы, но он никогда не видел, чтобы это делала Блай, которая была всегда не такая, как другие девушки. А может быть, он просто не замечал? Где-то глубоко внутри проснулось чувство товарищества, поначалу слабое, но постепенно оно раскрывалось, как раскрываются лепестки у цветка. И вместе с этим новым чувством, вместе с неожиданным сознанием, что она, Блай, существует, впервые в жизни пришла робость.

— Блай, — начал он неуверенно, — ты знаешь, я хотел...

Радостное блеяние вернуло его к реальности — овца, которую он должен был отвести к стригалим, ушла совсем в другую сторону. Как он мог забыть?! Какой он дурак! Овца за это время успела пробежать порядочное расстояние и теперь паслась среди стриженных овец, которых отпустили стригали. Кто-то из пастухов окликнул его, указывая на овцу, как будто он сам не видел. Он бросился за ней со всех ног, но овца, завидев его, помчалась с громким блеянием прочь, как от мясника, — спутанная длинная шерсть взлетала на бегу над тонкими ногами. Он сразу же поймал ее, но, когда он попытался ухватить покрепче, она, издав дикий вопль, задержалась и проскочила у него между ног. Он не удержался и упал. У загонщиков раздался смех. Когда он встал и снова пустился вдогонку за овцой, он чувствовал себя всеобщим посмешищем, да к тому же еще с сухой рукой. Он стиснул зубы и схватил овцу, намотав на руку шерсть около загривка, затем злобно ударив ее коленкой в бок, повернул к себе с такой зверской яростью, что та едва устояла на ногах. На этот раз овца взвизгнула от боли и страха. Мимо пробежал Эрп с горшочком золы, которой посыпали ранки у овец после стрижки. Как всегда, избегая глядеть прямо в глаза, он бросил на ходу:

— Хорош пастух, у которого нет терпения. Помимо всего прочего, это просто глупость — овца тебе это попомнит, и ты не оберешься с ней хлопот...

Дрэм стерпел бы замечание, сделай его кто-нибудь постарше, но не Эрп, почти его ровесник Эрп даже не был стригалем, просто мальчишка на побегушках у стригалей, разносчик золы...

— Мне, конечно, было бы легче, родись я таким, как ты, только и годным на то, чтобы пасти овец. Гад ты ползучий, вот ты кто. Все бы тебе вынюхивать из-за кустов... — крикнул Дрэм в запальчивости, но, перехватив взгляд Долая, вдруг осекся. Старик стоял у нижнего загона, опершись на копьё. Что-то в этом испещренном морщинами старческом лице заставило Дрэма умолкнуть, так и не докончив фразы. Он до боли стиснул зубы, так, что кровь прилила к вискам. Он погнал овцу вниз к стригалим, затем вернулся за второй. Долай все еще стоял у нижнего загона, опираясь на копьё.

— Напрасно ты вышел из себя и набросился на Эрпа, будто он еще одна непослушная овца, — сказал старик. — Это неразумно.

Дрэм стоял перед ним, грудь его тяжело вздымалась.

— Я забыл, что Пастуший народ мне теперь ровня. Все никак не привыкну. Со временем, быть может, усвою.

Но Долай и не думал обижаться. Дрэма это всегда злило. Темноликих невозможно оскорбить, они как бы вне оскорбления.

— Дело здесь не в равенстве, — сказал Долай. — Но если уж ты пришел к нам, то судим ты будешь по нашим законам. Ханно, Флэн, я, все мы старше тебя и мудрее. И даже Эрп лучше тебя знает, как обращаться с овцами. Поэтому ты среди нас меньшей Ну, а теперь иди, отгони овцу вниз, не заставляй стригалю ждать.

Дрэм отвел овцу, за ней вторую, третью. Он работал без отдыха, злой и несчастный. И когда, наконец, остановился утереть пот с лица и убрать со лба прилипшую прядь густых рыжих волос, он снова обнаружил возле себя Блай с кувшином в руках. Он так грубо обрушился на нее, что она отпрянула, как от удара.

— Кто просит тебя ходить за мной с твоей пахтой, когда я не хочу пить? И нечего приходить ко мне на летнее пастбище. Обоюсь без вестей о доме, так даже лучше. Нет у меня дома! Ваш очаг теперь не мой дом!

Блай была белее полотна, маленькая мошка, серовато-белая, как и пахта в ее кувшине. Она стояла и смотрела на него в упор, он уже когда-то видел, как она так стояла и точно так смотрела, но на кого — он не мог вспомнить, не помнил, где это было, что, впрочем, сейчас не имело значения. С каким-то злым удовлетворением он отметил, что цветы бузины у нее в волосах обмякли и пожухли.

Вобрав голову в плечи, он поплелся за очередной овцой, оставив Блай стоять с ее пахтой.

Лето брало свое. Внизу у подножия холмов собрали цветы дикого чеснока и теперь их сушили повсюду на деревенских крышах. Затем настала пора убирать лен, а вскоре созрел и ячмень — он стоял золотистый и высокий и шуршал, когда ветер задувал в полях вокруг деревни и в крошечных, прячущихся среди овечьих загонов клочках земли на холмистых пастбищах, принадлежавших детям Тах-Ну, знавшим секрет, как выращивать ячмень, еще до прихода Золотоволосых. Но здесь, на Большой Меловой, время остановилось и трудно было представить, что внизу идет какая-то жизнь. Дерн высох и порыжел, и в полдень тени пастухов и овец становились короткими, а потом снова удлинялись — это были все перемены, не считая того, что бузина, посаженная по углам загородок специально для того, чтобы делать из нее целебные снадобья, сбросила свои кремовые лепестки и на их месте кое-где уже чернели гроздья ягод, которые так любят клевать птицы.

На душе Дрэма было по-прежнему безрадостно, но постепенно он начал свыкаться со своим положением, как свыкаются со старой раной и перестают замечать ее, хотя боль никуда не уходит, как никуда не уходит слабость, порожденная этой болью.

Пришел сбор урожая, и высоко в горах, на холмистых, поросших дерном кусочках земли, где стояло какое-то подобие деревни, темнолицые дети Тах-Ну устраивали свой колдовской праздник, не имеющий ничего общего с праздником урожая Золотого народа в деревне на нижних склонах. Колдовским был стук стоящих на земле барабанов из овечьей кожи, по которым били открытой ладонью, и каждый год кто-нибудь из молодых людей исполнял танец Ячменного Царя для того, чтобы испросить хороший урожай на следующий год. Он танцевал, пока не падал на землю, дергаясь, будто в конвульсиях.

— Когда-то мы убивали Ячменного Царя каждый год, чтобы был хороший урожай, но теперь у Темнолицего народа не хватает молодых людей и мы теперь убиваем только через каждые семь урожаев, — сказал Дрэму Долай, когда окончилась церемония. — И урожай поэтому нынче не те, совсем не те.

Как-то вечером, вскоре после праздника, Дрэм пригнал часть стада на водопой к пруду. Теперь ему поручали и такую работу, ему и молодому псу Эйсалу, поскольку оба начали понимать повадки овец и научились обращаться с ними. Он сейчас привел только половину стада — если бы пришли все овцы, большая часть их так и не подошла бы к воде. Белошей,

как всегда, вприпрыжку носился за Дрэмом, пока Эйсал обходил стадо то с одной, то с другой стороны. Как только остался позади последний подъем и они увидели перед собой воду, весь волнистый поток неожиданно устремился к пруду. Дрэм слышал, как постукивали о дерн острые овечьи копытца.

Пока стояло долгое знойное лето, пруд сильно обмелел и от него осталась лишь круглая сверкающая бляшка на большом неглубоком щите утрамбованной глины, почти белой сверху и розовато-бурой у кромки воды. Иногда эта вода была ярко-голубой, а иногда переменчивой, когда по ней ходили тени от облаков, или же мрачно-серой, когда поднимался туман. Сейчас она тихо нежилась в закате, переливаясь жемчугом и бледным золотом; сорока, сидевшая у самой воды, вспорхнула, сердито затрещав, как только стадо метнулось к пруду. Тут всегда были птицы: трясогузки, ястребы, сороки, постоянно ронявшие перья вокруг водоема; теплые красновато-коричневые перышки кроншнепа завивались, как цветочные лепестки, а у скворца на перьях были пятнышки; однажды Дрэм видел, как далеко от берега на воде плавало стрельчатое белое перо лебедя.

Овцы разбрелись вокруг пруда, осторожно пробираясь по твердой глине к воде. Дрэм стоял, опершись на копье, и следил за ними, а обе собаки сидели у его ног. Собакам хотелось пить, они тяжело дышали, высунув языки, но при этом знали — даже Белошей теперь знал, — что их черед наступит только после того, как напьются овцы. Овцы пили с жадностью, вода стекала с их морд, и капли, падая в пруд, расходились кругами, выхватывая искры заката. Удивительно, сколько мира и покоя было в этой картине!

Напившись, овцы сразу же утратили интерес к воде и повернули от пруда. Эйсал и Белошей теперь не отрываясь смотрели Дрэму в лицо — языки повисли, хвосты умоляюще подрагивали.

— Теперь идите! — сказал Дрэм, собаки понеслись прыжками к долгожданной воде и, погрузившись по брюхо в ее прохладу, принялись громко лакать.

Он свистом вызвал собак из воды — они отряхивались, и брызги фонтаном слетали с их грубой шерсти. Затем он послал Эйсала собрать стадо, хотя собирать его почти не пришлось — овцы, утолив жажду, сами двинулись к ночным загонам. И как раз в это время на одном из уступов Меловой показался маленький темнолицый Эрп. Он направлялся к хижине у пруда, на плече он нес куль с мукой.

Дрэм, идущий за стадом, замедлил шаг, выжидая, когда Эрп подойдет поближе. Эрп ходил в деревню за свежей ячменной мукой. Он редко возвращался из селения без новостей. Эрп — ушки на макушке. Дрэм истосковался по вестям из дома, но гордость мешала ему открыто расспросить Эрпа, и поэтому он притормозил, сделав вид, что поправляет ремень, которым была стянута овечья шкура на его тонкой талии. Эрп подошел к двери хижины и сбросил на землю мешок.

— Ты что-то сегодня долго пробыл в деревне, — сказал Дрэм, продолжая глазами следить за стадом.

Эрп подошел ближе, чуть боком, как подходят собаки.

— Мешок тяжелый. — Он потер плечо. — Дорога долгая, а куль чем дальше, тем тяжелее.

Наступила пауза. Дрэму не терпелось спросить: «Как там у меня дома? Что говорят в клане?» Но гордыня заморозила слова. Эрп исподтишка взглянул в его лицо, раздираемый, как всегда, между желанием сделать приятное сверстнику, такому высокому, золотоволосому, такому безрассудно смелому, и желанием отомстить ему именно за все эти качества. Наконец он сказал:

— У Тэлори в доме новый младенец, мальчик.

— Правда? — обрадовался Дрэм.

— А у Вождя в коровнике новый рыжий теленок. И еще Юриан убил медведя, но, говорят, это всего лишь медвежонок. Карадик и Морвуд снова поссорились из-за границы между делянками. — Блестящие пытливые глаза украдкой из-под бровей обшарили лицо Дрэма. — А еще Драстик, брат Дрэма, просил Белу с переправы отдать за него третью дочь.

Дрэм задумался. Он вспомнил эту третью дочь Белу, ее, кажется, звали Корделла. Пухленькая, розовая девушка, от которой пахнет свежим хлебом. Она придет в дом, который прежде был его домом, и будет прясть у огня. Неожиданно ему захотелось, чтобы она не обижала Блай.

— Не только у Драстика невеста под плащом, — продолжал Эрп. — Говорят, Вортрикс тоже обзавелся девушкой.

— Что за девушка? — спросил, помолчав, Дрэм.

— Рун, дочь Гуитно Поющее Копье. Я ее видел — она молола зерно перед отцовским домом. Будет настоящая красавица. — Эрп ухмыльнулся. — Видишь, какие новости я тебе принес. Много новостей принес.

— Да, новостей много, Ушки-на-Макушке, — сказал Дрэм — Ну, а теперь мне пора идти за овцами, иначе они разбредутся кто куда.

В тот вечер ему казалось, что закат угасает слишком быстро. Когда он повернул от пруда, золото уже ушло. Старая рана вновь ожила, боль стала еще острее. У него вдруг возникло недоброе желание выместить эту боль на овцах, заставить Эйсала кусать их сзади и гнать, гнать, гнать... захотелось увидеть, как будет вздыматься дурацкая их шерсть над тощими ногами, когда они в страхе пустятся бежать. Но он усвоил урок, полученный среди прочих других уроков в последнее лето на Большой Меловой. Он шел неторопливо, опираясь на копьё, как на папку, собаки бежали рядом по обе стороны, стадо плыло впереди, словно серое облако на фоне рыже-коричневого холмистого дерна. Одна из овец, отделившись от стада, затрусил в сторону. Он свистнул Эйсала, копьём указав ему на овцу, и собака тотчас же кинулась к ней.

— Не хватать! Полегче! — крикнул ему вдогонку Дрэм.

Эйсал, молодой, горячий пес, иногда был склонен чересчур ретиво выполнять приказания, что, впрочем, на сей раз совпадало с тайным желанием Дрэма. Несмотря на предупреждение, Эйсал явно изготовился хватить зубами беглянку. Дрэм еще раз свистнул, на этот раз громко и резко. Собака остановилась и поглядела в его сторону.

— Полегче, братец! Полегче! — крикнул Дрэм.

Эйсал успокоился и мирно погнал овцу обратно в стадо.

— Молодец, все сделал, как надо! — услышал он голос Долая и, обернувшись, увидел старика. Старик стоял, опершись на копьё, и, как всегда, казался неотъемлемой частью холмов, такой же, как и бузина в углу овечьего загона. У Дрэма было ощущение, что старый пастух целый век стоит здесь, застыв в своей неподвижной позе.

— Все же я кое-чему научился, — сказал Дрэм. — Наверное, это не так уж и ничего. — В усталом голосе его была горечь.

Долай внимательно поглядел на него из-под седых бровей:

— Кто-кто, а Эрп уж ни одну новость не пропустит.

Теперь они шли рядом. Дрэм бросил испытующий взгляд на старика, понимая, что он успел повидать Эрпа после того, как тот вернулся с мешком муки, а значит, знает все новости о Золотоволосых. Маленький Ушки-на-Макушке слышит, что делается на сердце у человека, до которого отсюда день пути. Стоит ему только ухо приложить к земле.

Они подошли к входу в большой овечий загон со стенами из дерна, где их уже ждали Флэн и его брат. В руках у них были палки с зарубками для ежевечернего пересчета овец. Дрэм слегка придержал шаги, чтобы Долай мог пропустить стадо через узкую щель, но Долай протестующе закачал головой.

— Нет, нет! Если старый пес все будет делать сам, щенок никогда не выучится. Ну-ка, берись за дело!

Дрэм, Белошей и Эйсал дружно принялись за работу, пока старый пастух и такой же старый пес молча наблюдали за ними. На Дрэма вдруг навалилась тоска — ему казалось, он никогда еще не испытывал такого одиночества. Он сам себя убеждал, что рад за Вортрикса, теперь есть кому его утешить, и он мог больше не думать о своем кровном брате, но как одиноко, как бесконечно одиноко было этому забытому брату! Широкие холмы вокруг

казались такими темными в меркнувшем свете, такими бесприютными, а поднявшийся ветер принес холод.

Он благополучно пропустил всех овец через щель, по обе стороны которой стояли с палками Флэн с братом Поздно вечером, после того как овцы были наконец надежно заперты в загородке, Дрэм зашел в пастушью хижину. Когда они на минуту остались вдвоем с Долаем, старик сказал, глядя в огонь и как бы обращаясь к яркому пламени:

— Только хороший пастух может думать об овцах, когда сердце занято другим. Мне сдается, со временем из Дрэма выйдет недурной пастух.

Глава XII ВОЛЧИЙ ДОЗОР

Настала осень, и баранов пустили на пастбища к овцам, в то время как внизу, на дальних холмах, там, где начинаются Дикие Дебри, занялся пожар — вспыхнула жухлая желтая трава и горела теперь всеми красками: рыжими, янтарными, бронзовыми, золотыми; дикие яблони на лесных опушках были усеяны мелкими, похожими на крабов, плодами, среди золотых и багряных листьев куманики темнели ягоды, а свиней из деревни пригнали в долины откармливаться на желудях. А потом пришел Самхейн. И как только упали в лесу последние листья, пастухи перевели стадо вниз на зимние пастбища — здесь было больше шансов выжить в сильный мороз и снегопады. Шумно и многолюдно становилось на пастбищах, когда начиналось большое клеймение, а за ним зимний забой скота. Оставляли всегда только самых жизнеспособных и сильных баранов и овец — для слабых просто не хватило бы зимой еды.

Зима не заставила ждать, и долгими вечерами пастухи теперь сидели в хижине у очага, кутаясь в бараньи шкуры или волчьи плащи, и слушали — как, очевидно, никогда бы не слушали летом — великое безмолвие Меловой. Зима начиналась, как обычно, с ветров и ливней, но холода не было, а это означало, что овцам в загонах можно было пока не опасаться заклятого врага. Догорели в зимнее солнцестояние костры Золотого Народа, и овцам настала пора ягниться, когда ударили первые суровые морозы.

Как-то вечером они сидели у самого огня в наполненной чадом хижине за ужином, состоящим из ячменной похлебки и жареной оленины, добытой на охоте Дрэмом и Белошеем. Не было только Флэна — у него завелась женщина, там, где жили в маленьких травяных хижинах Темнолицые. Он теперь часто отсутствовал, даже когда пастухи со стадами переселились на нижние пастбища. Дрэм, окончив еду, полировал новое древко копья куском песчаника. Белое ясеневое древко, светлое и гладкое, серебрилось при свете огня. Точильный камень слегка крошился у него под рукой, и желтый песок, будто золотая пыльца, тонкой струйкой посыпал полы его плаща из овчины. Он то и дело поднимал голову и сквозь дым и чад бросал взгляд на Эрпа и девушку, которая готовила им в тот вечер ужин. В эту Луну она приходила уже несколько раз, и Эрп купил ей ожерелье из черного янтаря и голубые стеклянные бусы, отдав за это торговцу шкуру выдры. Девушка, как лисичка, обнажала зубки, когда Эрп подсаживался слишком близко, однако на шее у нее, там, где распахнулась шкура, Дрэм заметил бусы. Они были очень красивы, особенно когда в них при свете очага зажигались голубые искорки.

Дрэм передвинул под мышкой копье, чтобы приняться за новый кусок древка, и сел поближе к огню, несмотря на то, что щиколотки горели под тугими ремнями-обмотками из оленьей кожи. В мороз и ветер всегда одна беда — лицо горит, а плечи мерзнут. Он поглубже запахнул плащ и заговорил, чтобы прервать наконец молчание.

— Смотрите, какое красное пламя! Ночью будет мороз, — сказал он.

Ханно оторвался от реберной кости, которую обглаживал, и хмуро посмотрел на Дрэма.

— Я и без огня это знаю. В мороз всегда болит моя рана на щиколотке, где меня хватил волк семь зим назад.

И в это же мгновение, словно упоминание о волке разбудило какие-то чары, сначала одна, а за ней вторая собака наострили уши и тихонько заворчали. Старый Долай поднял голову и прислушался.

— Ну вот, пришли, — сказал он. — Всегда приходят. В иную зиму раньше, в иную позже, но обязательно приходят.

Дрэм слушал, глядя на Белошея, который вдруг напрягся и начал дрожать. Все слушали, и собаки, и люди, и постепенно до них донесся из звездной темноты протяжный, унылый вой волков, вышедших на охотничью тропу.

— Пора держать Волчий Дозор, — сказал Ханно.

Именно этого боялся Дрэм: он понимал, что неизбежно грядет, но не мог заставить себя прямо поглядеть событиям в лицо. Караулить волков придет его брат Драстик, придут и молодые воины, которые были с ним в Школе Юношей, придет Вортрикс. Во время стрижки овец у него не было такого страха, так как мужчины племени редко принимали в этом участие — считалось, что эту работу должны делать женщины и пастухи. Но совсем иное дело было Волчий Дозор. Это было мужское занятие и никто из мужчин не мог оставаться безучастным, когда волки рыскали по овечьим тропам и приближалась пора ягнения.

Точильный камень выскользнул из руки Дрэма, и острый конец его оставил длинную царапину на серебристой гладкой поверхности нового древка. У Дрэма вырвалось одно из злых ругательств темнокожих.

Начиная с этой ночи, все мужское население Племени вышло караулить волков вместе с Пастушьим народом. Здесь теперь можно было встретить мужей, ставших прославленными воинами и охотниками еще до рождения Дрэма, и юношей, которые были совсем мальчишками год назад.

Люди постарше не вызывали у него такого горького чувства, даже Тэлори, который никогда с ним не заговаривал, но однажды, проходя мимо, положил руку ему на плечо, когда он стоял склонившись над больной овцой. Но ему было невыносимо тяжело видеть своих сверстников, тяжело до боли в животе. Они свободно болтали с Долаем и пастухами, сидя на корточках вокруг костра, сложенного у входа в каждый загон, и, казалось, между ними не было сковывающего их барьера. Но между Дрэмом и пастухами тоже не было никакого барьера, пока дед не воздвиг его шесть весен назад. Теперь же сверстники не знали, как им разговаривать с Дрэмом. И он не знал, как с ними говорить. Они отводили глаза, в конце концов и он, и они стали делать вид, что не видят друг друга. Даже когда пришел Драстик, он сделал вид, что не узнал брата. Так было лучше для всех.

Вортрикс, однако, до сих пор ни разу не появлялся.

Когда началось ягнение, Дрэм днем и ночью был занят работой, и это его спасало. В следующие две Луны не было ночи, чтобы не народилось на свет несколько ягнят. Овцы в это время нуждаются в особом уходе, поэтому приходилось без конца заглядывать в загон, чтобы убедиться, все ли там спокойно. В лунные ночи было легче — серебристый свет позволял видеть, что делается в загородке, тогда как в темноте только блеяние овцы и собственные руки, вернее рука, могли сказать о том, что овца ждет помощи. Ее надо было перенести поближе к огню, где было больше света, иначе факел всполошил бы все стадо. Однако беда приходила все чаще, и чем дальше, тем больше нехватка корма сказывалась на овцах. Были и просто дурные мамы — они оставляли своих ягнят на затоптанном папоротнике и уходили. В таких случаях приходилось быть начеку, так как ягнята, пролежав долго на замерзшей земле, потом уже не могли оправиться. Случалось, что погибали сами овцы, а ягнята выживали. Тогда их приходилось выхаживать и всячески пестовать, как пестует женщина младенца, пока не появлялась возможность подсунуть их овцам, потерявшим ягнят. Словом, это была горячая пора, и работы хватало и Дрэму, и остальным пастухам.

Как-то поздним вечером, в середине сезона ягнения, Дрэм с Ханно, сидя на корточках возле костра, возились с овцой, которая вот-вот должна была разродиться. Тут же стояли и глядели на них несущие дозор охотники. Ночь была холодная, дул резкий восточный ветер, и

порывы его, взметнув снежные вихри, увлекали их за собой. А когда снег попадал в яркий круг костра, он казался облаком крутящихся в водовороте белых перьев. Дрэм и Ханно подтащили овцу под дерновую стенку, чтобы хоть как-то укрыть ее, однако снег наступал даже здесь, посылая белыми хлопьями овечью шерсть, которую ветер вздымал и делил ломаным пробором. Но Дрэм не был уверен, что овца это чувствует. Он не был уверен, что она вообще что-либо ощущает. Овца была красавица. Для Дрэма нынче овцы не были безликим стадом, теперь он воспринимал их так же, как и пастухи, то есть они для него были почти люди, мужчины и женщины: одна овца — красавица, а другая — косомордая; у той вид злобный, а у этой, наоборот, кроткий. Но эта овца была настоящая красавица, притом гордая; правда, старый Долай еще раньше говорил, что ей туго придется, когда появится ягненок.

И вот перед ними был ягненок, крошечный барашек с черной мордочкой. Он лежал почти как неживой, распростершись на кучке бурых папоротниковых веток, которые они второпях набрали, чтобы ягненок не замерз на снегу. Оставив на короткое время его одного без присмотра, они поспешили к овце, чтобы попытаться спасти ее. Угрюмый коротышка Ханно подошел к огню взять жидкую ячменную кашу, которую он поставил подогреть возле очага, но овца уже в конвульсиях вытягивала ноги.

Дрэм наклонился к ней:

— Скорее, Ханно!

Ханно опустился рядом с ним на колени, в руке у него была миска с кашей. Он заговорил с ворчливой нежностью, с какой разговаривал только с больными овцами и никогда — с людьми:

— Все позади, девочка. Поешь теперь каши.

Овца как будто понимала, что они хотят помочь ей, и приподняла голову, но Дрэм почувствовал, как по ее телу пробежала дрожь — и она опрокинулась на снег. Какой уже раз Дрэм и Ханно были свидетелями одной и той же картины — рядом ягненок боролся за свою едва тлеющую искорку жизни, а между ними лежала мертвая овца.

Все это случалось уже не раз, но Дрэм так и не мог свыкнуться с этим. Сегодня ему почему-то было особенно невыносимо. Может быть, потому, что он физически ощутил, как дрожь прошла по ее телу и у него из-под руки ушла жизнь, а может быть, оттого, что эта овца была красивая и гордая, как тот огромный лебедь, его первый трофей. И снова тоскливое смятение поднялось в его душе, жаждущей знать, куда ушла жизнь... Но времени на поиски ответа не было, так как ягненок слабел на глазах.

Ханно медленно повел плечами.

— Все кончено, — сказал он, поставив миску на землю. — Возьми ягненка и отнеси вниз в хижину, пока он не отправился вслед за матерью. А я пойду посмотрю, что там с этой пеструхой, у которой ухо оборвано.

С ягненком, как моток мокрой шерсти, свисающим с его руки, Дрэм направился к хижине. Сейчас под снегом, запорошившим ее контур, она более чем когда-либо казалась просто небольшим возвышением на склоне холма. В хижине никого не было, но огонь горел красным низким пламенем, и, как всегда во время ягнения, наготове стоял кувшин с овечьим молоком. Дрэм опустил ягненка на ворох папоротника, около очага, позволив Белошей обнюхать и облизать малыша. Хотя Белошей не был пастушьим псом, он, как ни странно, питал слабость к маленьким существам, что часто бывает с очень большими собаками, и он инстинктивно чувствовал, как надо обращаться с ними. Дрэм налил немного молока в бронзовый горшочек и поставил его у огня. Из каких-то темных тайников хижины он принес рожок, сшитый из овечьей кожи, и короткую веточку бузины, из которой была выскоблена сердцевина. Как только согрелось молоко, он налил его в рожок, куском тряпки обернул веточку, чтобы она не кололась и ягненок мог ее сосать, как соску. Затем он сунул ее в горлышко кожаной бутылки и, забрав малыша у Белошей, устроился с ним возле огня. Теперь надо было заставить ягненка сосать.

Терпение всегда давалось Дрэму с трудом, но все же на животных его хватало чаще,

чем на людей. Кроме того, он извлекал для себя все новые и новые уроки и, надо сказать, многому научился за то время, что провел здесь. Он макал пальцы в теплое молоко, оставшееся на дне горшочка, и смазывал губы ягненка. Тот, однако, упорно отворачивал голову или же просто никак не реагировал на старания Дрэма. Но сил у барашка все же явно прибавилось. Дрэм это почувствовал. Тепло очага и мягкий язык Белошей сделали свое дело: битва была выиграна, и ягненок неожиданно начал сосать.

— Ну, вот, давно бы так, малыш, — сказал Дрэм, еще раз окунув палец в молоко, поднес его к крошечному рту. Затем он ловким движением подсунил ягненку бутылочку с бузиной соской, и тот приник к ней, словно к материнскому брюху.

Теперь ягненок даже стоял, привалившись к колену Дрэма, и сосал, поводя хвостиком, в то время как Белошей, подняв уши, наблюдал за ним. Пригнувшись, вошел Долай в заснеженном плаще, с красными от ветра глазами. Дрэм взглянул на него с лукавым торжеством.

— Если уж ни на что другое мы с Белошеем не годимся, то хотя бы можем работать за мертвую овцу.

Старый Долай оценивающим взглядом обвел хижину, Дрэма, Белошей, ягненка.

— Не самая плохая работа для пастуха или же собаки, — сказал он.

А на следующую ночь погиб другой новорожденный ягненок, и никакое искусство Дрэма не могло вернуть тому жизнь. Брошенная всеми овца жалобно блеяла, но никто не обращал на нее внимания.

Дрэм пошел в хижину — с руки его свисал мертвый ягненок, точно так же, как вчера живой. В хижине, прислонившись к толстой потолочной балке, стоял Вортрикс с ячменной лепешкой в руке — мягкий шафранный свет, идущий вверх от очага, хорошо освещал знакомую коренастую фигуру и спокойное лицо.

Дрэм вошел пригнувшись и застыл на мгновение в дверях.

Вортрикс поднял голову, и сквозь струйки дыма глаза их встретились. Эрп и Ханно внимательно смотрели на них.

Дрэм почувствовал боль, тупую боль под грудиной. Как только Вортрикс сделал шаг в его сторону, он отвернулся, как отворачивался от всех своих соплеменников. Но только на этот раз это не были «все», это был Вортрикс с синим воинским знаком на груди. Дикие рыдания неожиданно подступили к горлу, и, чтобы скрыть слезы, Дрэм наклонился и положил на землю мертвого ягненка. Белошей тут же сунул свой любопытный нос.

— Иди, иди, братец, в другой раз.

Он вытащил из-за пояса нож.

— Как овца? — спросил Ханно мрачно.

— С овцой, считай, все в порядке. — Дрэм не узнал своего голоса, такой он был низкий и хриплый. Затем он принялся свежевать ягненка.

— Ты, что, хочешь на его место подсунуть этого? — Ханно мотнул головой в угол хижины, где, свернувшись серым комочком у стены, спал осиротевший прошлой ночью барашек.

Дрэм кивнул, не отрываясь от дела. Хотя он был охотник, ему всегда было трудно одной рукой свежевать убитого зверя. Он мог бы снизить и поручить эту работу Эрпу — Эрп охотно бы все за него сделал, оставив начатый ужин. Но тогда Дрэму пришлось бы встать, и он лишился бы возможности сидеть вот так, опустив глаза. Один раз он поднял голову и увидел, что Вортрикс все еще смотрит на него, держа в руке нетронутую лепешку. И он снова склонился над ягненком.

Сняв шкуру, он обратился к Эрпу:

— Принеси маленького и помоги мне.

Эрп принес живого ягненка, который испуганно заблеял и начал упираться. Вдвоем они втиснули в свежую шкуру сначала его задние, потом передние ноги, а затем Дрэм набросил ему на голову, как капюшон, голову мертвого ягненка. Ханно рассмеялся, за ним следом темнолицый Эрп. Зрелище было довольно смешное — ягненок в ягнячьей шкуре.

Негодующий визг ягненка еще сильнее их развеселил. Не смеялся только Дрэм. Он перевязал шкуру на шее и брюхе малыша, чтобы она крепче держалась. Вортрикс молча, без улыбки, смотрел на происходящую перед ним сцену.

Когда Дрэм кончил, Ханно бросил ему лепешку.

— Поешь, прежде чем идти, — сказал он.

Дрэм покачал головой:

— Может, потом

Не притронувшись к лепешке, он встал, взял на руки ягненка и, не взглянув на Вортрикса, вышел в седую от снега мглу.

Он сразу же направился туда, где были большие овечьи загоны. Белошей, как всегда, за ним. Расталкивая коленкой сгрудившихся овец, он в конце концов нашел овцу, которую искал. Он положил возле нее запакowanego в чужую шкуру барашка и отошел в сторону посмотреть, что произойдет. Ягненок встал на ноги, заблеял и инстинктивно потянулся к теплому мягкому боку за молоком. Тряхнув головой, овца обнюхала его — все было, как должно, — знакомый родной запах. Она стояла, довольная и умиротворенная, пока приемыш бодал ее в бок, чтобы быстрее текло теплое молоко. Видно было, что оба покойны и счастливы.

«Если б все болезни можно было так просто исцелить», — подумал тупо Дрэм и, сгорбившись, чтобы хоть немного унять боль в груди, двинулся обратно.

Навстречу ему, разгоняя овец, шел человек. Даже в темноте Дрэм узнал знакомую коренастую фигуру, затем голос Вортрикса сказал:

— Теперь они счастливы.

— Да, счастливы, — отозвался Дрэм. Он перевел дыхание. — Для чего ты пришел сюда за мной?

— Ты оставил лепешку, — сказал Вортрикс. — Вот я тебе ее и принес. Почему ты отвернулся от меня, как от чужого, там, в хижине?

— Наверное, потому, что я дурак, — ответил Дрэм вяло. — Я устал. У меня от дум болит в животе. — В кромешной тьме он взял лепешку из протянутой руки Вортрикса и начал есть. Но ему показалось, что лепешка сделана из железного песка, а не из ячменной муки, и его стало мутить, хотя он был голоден как волк.

— Я тоже устал, устал от мыслей, от которых болит в животе, — сказал Вортрикс.

Пробираясь сквозь серые, едва очерченные скопища овец, они наконец выбрались наружу и теперь стояли рядом у входа в большой загон и глядели вниз на дорогу, ведущую в занесенную снегом долину. Ночь была очень тихая — такие ночи бывают в сильный мороз, — все вокруг замерло в хрустящей затаившейся тишине. Семь звезд Большого Охотника³ висели прямо над головой, мерцая холодными огоньками. Охотник, как всегда, ярко выделялся на фоне бледных склонов заснеженных холмов. Где-то вдалеке завыл волк, и тут же зашевелились овцы, но потом успокоились, и легкая дымка от дыхания и тепла их тел поднималась в звездном свете. Казалось, что Дрэм и Вортрикс, стоящие спиной к сторожевому костру у входа в загон, единственные живые люди в этом замороженном и всеми забытом мире.

Они стояли совсем близко, и Вортрикс протянул руку и обнял Дрэма за плечи. Дрэм почувствовал теплую тяжесть руки сквозь грубую толстую овчину и не сделал движения, чтобы освободиться от нее. Но между ними все равно лежал пролив, и никто из них не был волен его пересечь.

— Как ты тут живешь, брат мой? — спросил тихо Вортрикс.

— Неплохо, — сказал Дрэм. — Со своими я распрощался и теперь охочусь с Темнолицыми, и меня это вполне устраивает.

— Это правда? Совсем все устраивает?

³ Большой Медведицы.

Наступило длительное молчание, и снова где-то далеко в лесах, лежащих, будто серебристо-темные мягкие меха, среди белеющих холмов, раздался волчий вой, и опять овцы задвигались в загоне, зафыркали, затопали. Дрэм сказал:

— Нет, мы с Темнолицыми все-таки думаем по-разному. Говорим как будто одни и те же слова, но означают они для меня и для них разное. Вот мы вместе смеемся, но я никогда не знаю, что там у них на уме. Когда-нибудь, может, и узнаю... — Он повернулся к Вортриксу. — Ну, а ты-то как? Как ты живешь?

— Я? Мне очень одиноко без брата.

— Мне говорили, у тебя есть девушка, дочь Гуитно Поющее Копье. И еще сказали, что она будет красавицей.

Они снова замолчали, но на этот раз молчание прервал Вортрикс:

— Скажи, если бы у тебя была девушка с волосами ярче солнца и руками белыми, как кобылье молоко, могла бы она вытеснить из твоего сердца меня?

Слова здесь были не нужны. Постояв еще немного, они двинулись к сторожевому костру, вокруг которого стояли или сидели на корточках несколько их соплеменников. Копье Вортрикса вобрало отсвет костра и теперь тонким листочком пламенело во мраке, голубоватом от снега и звезд. Дрэм, однако, видел только темную сторону копья, темный листик в свете костра, так как он немного отстал от Вортрикса, и сейчас они шли не как брат с братом, а как ходит Пастуший народ — позади Золотоволосых властителей.

Глава XIII СЕРЫЙ ВОЖАК

Зима долго не могла раскачаться, но зато под конец мороз крепко сковал землю и ледяные ветры намели снега. Это была одна из тех зим, о которых люди, сидя у теплого очага, вспоминают много лет спустя. Близилась пора, когда пробуждается лес и кроншнепы прилетают с прибрежных болот, но земля еще утопала в глубоких снегах и находилась во власти мороза, такого же ледяного и жестокого, как острие странного серого кинжала, который теперь за поясом носил Царь. В погожие дни снег подтаивал на солнце, однако в тени, там, где он был голубоватый, как гиацинты в лесу в праздник Белтина (в том, другом, мире), мороз не унимался и, казалось, еще больше крепчал по мере того, как удлинялся день. Овец приходилось держать в загонах круглые сутки, и из-за того, что их не выпускали на пастбища, корма на всех не хватало. Дрэм и остальные пастухи постоянно резали ветки на лесных опушках и обдирали кору с нижней части березовых стволов. Но корм этот был плохой, и овцы худели и чахли. Самые слабые едва держались на ногах, и ягнята часто рождались мертвыми. Они закололи почти всех тощих овец и баранов, чтобы сильным досталось больше еды. Но и на этих оставшихся было так мало мяса, что вряд ли они смогли бы что-то добавить к скудной пище Племени и Темнолицего народа.

Голодные волки совершенно перестали бояться сторожевых костров, и теперь в сумерки их протяжный вой слышался вблизи загонов. Они уже даже нападали на загоны, разбросанные в горах вдоль овечьих троп, и, если овца вдруг отбивалась от стада, никто не шел ее искать — после наступления темноты люди не решались отдаляться от костров.

Как-то раз, когда сезон ягнения подходил к концу, Дрэм вернулся из леса с охапкой веток для корма скота. Сбросив ветки перед лазом в загон, он стал, как всегда, искать глазами Долая. Старик, измученный непосильной работой и тяготами суровой зимы, непривычной даже для пастухов, был болен. Он сильно застудился, выхаживая овцу после ягнения, но стойко переносил болезнь на ногах.

Дрэм теперь никогда не был спокоен за старика: на все предложения спуститься в деревню или же полежать у очага в пастушьей хижине Долай раздраженно отвечал, что дел у него невпроворот. И сейчас, не увидев его, Дрэм забеспокоился.

— Где Долай? — спросил он у Ханно.

— Овца вырвалась и убежала — Ханно головой показал в сторону Большой Меловой, высившейся у входа в долину. — Хорошая овца — жалко потерять. Вот-вот ягниться должна. Долай пошел искать к летним загонам. Сказал, она скорее всего отправилась именно туда.

Дрэм нахмурился. Натянув плащ повыше на плечи, он снова спросил:

— А кто с ним пошел: Флэн или Эрп?

Ханно покачал лохматой головой:

— Никто. У Флэна женщина его должна родить. Ни от кого не секрет, как он по ней с ума сходит. Кто-то пришел и сказал, что она его зовет, и он сразу же побежал. Дрэм был в лесу, а Золотоволосые еще не пришли караулить волков. Нас только трое тут и было, когда обнаружилось, что овца убежала.

— Из вас троих, кроме Долая, пойти было некому? А почему не ты или Эрп? Вы помоложе, а он к тому же болен.

Он сразу же напустился на Эрпа, который в это время вошел, пригнув голову у входа.

— Почему отпустили его одного?!

За его спиной Ханно проворчал что-то насчет того, что от стариков меньше пользы деревне, чем от молодых, а Эрп вскинул темные брови:

— Мы не виноваты. Долай сказал, что он старый и мудрый, поэтому больше нашего знает про повадки овец, он велел нам сторожить загон. И оставил Эйсала, а с собой взял Кью. Что может с ним случиться, с Долаем-то, на овечьих тропах? Если ты голоден, там в хижине есть ягнячья похлебка.

Голоден! Кто в эти дни не был голоден?! Дрэм колебался и в нерешительности оглядывался кругом. Надвигались сумерки, в угасающем свете низкое небо да покрытые снегом холмы приобрели уже желтоватый оттенок. В загоне, на грязном снегу, прижимаясь друг к другу, лежали или стояли овцы и ягнята, вернее то, что осталось от стада. На концах их длинной шерсти под брюхом свисали сосульки и звенели при малейшем движении. Загон был полон звуков — позвякивание сосуллек перекликалось с жалобным блеянием овец, когда сосульки раздирали им кожу. Колочий северо-восточный ветер налетал порывами со склонов холмов, взъерошивая голубоватыми зигзагами шерсть у овец и грубую шкуру пастушьих собак. Дрэм, потянув носом, безошибочно уловил в воздухе признаки, пока еще слабые, надвигающегося бурана. Пожав плечами, он направился к пастушьей хижине, чад сразу же начал есть ему глаза, а теплый воздух, казалось, смешивался с ледяными порывами ветра, подобно тому, как смешиваются масло и вода, но при этом масло остается маслом, а вода водой. У дымного очага сидела, съевшись, одна из маленьких темнолицых женщин. Она посмотрела на Дрэма, когда тот, пригнувшись, вошел в хижину, за ним следом — Ханно. Жестом она указала им на котелок, который только что сняла с огня. Дрэм достал лепешку из корзины в углу и сел у очага, чтобы согреть наваристой ягнячьей похлебкой замерзший пустой желудок.

Сначала он с жадностью набросился на еду, сгребая мясо кусками лепешки, но после нескольких глотков стал есть медленнее и вдруг, торопливо отправив в рот последнюю порцию, вскочил на ноги. Сунув за пояс остатки лепешки, он поднял с пола копьё.

Ханно удивленно посмотрел на него.

— Куда теперь? — спросил он, дожевывая мясо.

— Наверх, к летним загонам.

— Смотри, как снег гонит.

Дрэм совсем было направился к выходу, но вдруг остановился и посмотрел на угрюмого коротышку, сидящего у очага.

— Мой нос чует не только запах чеснока. Нагоняет снег, и поэтому я должен идти искать Долая.

— Что могу тебе сказать? Дурак будешь, если пойдешь.

И как бы в подтверждение слов Ханно, ветер донес до их слуха протяжный и бесконечно тоскливый волчий вой. Они молча посмотрели друг на друга. Где-то далеко вой

был подхвачен другим волком, затем еще дальше — третьим.

— Рано они сегодня вышли на тропу, — сказал Ханно.

Дрэм сжал древко копья.

— Люди из деревни вот-вот появятся, а ты пока посиди за костром у загона. — И не обращая больше внимания на Ханно, который в ответ на эти слова злобно проворчал, что он-де караулил волков, когда о Дрэме тут никто слыхом не слыхивал, пошел к выходу, свистнув по дороге Белошей потрескавшимися от мороза губами. За порогом он сразу же окунулся в ледяной сумрак, но двинулся дальше, навстречу бесприютной белой пустыне, мимо сторожевого костра, возле которого стоял, опершись на копьё, Эрп, а у его ног сидели пастушьи псы.

Снег вокруг загона был перемешан и перетоптан ногами людей, собак, овец и превратился в грязную темную жижу, но уже на расстоянии полета копья количество следов резко уменьшилось, а чуть дальше остались лишь следы беглянки овцы, Долая и собаки. Еле заметные на белоснежном покрове, они вились перед глазами, убегая в сгущающиеся зимние сумерки.

Дрэм поплотнее запахнул на груди плащ и, спрятав в него подбородок, вышел навстречу ветру, налетающему порывами с вершины холма. Легкое ледяное перышко пролетело, не задев лица, и осело на складках плаща; за первым последовало второе, и он ощутил его холодное прикосновение сначала около правой брови, затем на губе. И вот уже снег повалил хлопьями.

Когда он вышел к Меловой, снег продолжал идти все сильнее, замывая следы Долая. Оставалось еще немного света, исходящего от луны, почти уже скрытой пеленой облаков, и от самого снега. Поднялся ветер — он дул теперь снизу, откуда-то из темной бездны Дебрей, с ревом захлестывая обнаженные ветви, а потом с тоскливым протяжным шипением пробегая по снегу. А снег все прибывал и прибывал. Порывы ветра приносили мелкую, бьющую в лицо крупку, которая тотчас перемешивалась с выпавшим ранее сухим снегом и вихрем молочно-белых брызг неслась куда-то в сторону через хребты. Становилось все труднее отыскивать след, все труднее понимать, где ты находишься и куда идешь в этом ледяном снежном водовороте, стирающем все знакомые очертания, запахи и привычную картину холмов внизу.

Дрэм, уставший за день от тяжелой работы, прилагал отчаянные усилия, чтобы двигаться побыстрее. Он спотыкался и падал в глубоких снежных заносах, то и дело останавливался и низко склонялся к тропе в поисках еле приметных вмятин на пушистом белом снегу — остатков следов старого Долая. Белошей, с самого начала приученный не ступать на след, плелся за Дрэмом, поминутно проваливаясь в сугробы. На северной стороне склона Дрэм все же потерял след. Он спустился на дно небольшой впадины и лихорадочно, как пес, стал ее обшаривать. В дальнем конце, там, где снега было поменьше, он снова увидел едва заметную цепочку следов и, вздохнув с облегчением, продолжил путь. Однако на гребне, где склон горы полого спускается сверху, следы вдруг исчезли в сугробе. Он снова бросился их искать, Белошей стал обнюхивать снег, но все усилия ни к чему не привели.

Пока он, мучимый чувством вины и отчаяния, стоял, не зная, что делать, ему показалось: снегопад кончается. Тонкая паутинка лунного света пробилась сквозь облако снежного покрова, по которому не ступало ни одно живое существо с тех пор, как первый человек был задуман в недрах Матери-Земли. И снова, как бы торжествуя, закружил снег. Потеряв всякую надежду, Дрэм сунул под мышку копьё и, поднеся ладонь ко рту, крикнул что было мочи: "Ку-у! Иа-а. " Это был призывный крик охотников и пастухов с Большой Меловой во время бури. Оба, мальчик и собака, напряженно слушали, но ответом им был лишь унылый свист ветра и шуршание белых хлопьев. Они пошли дальше, в сторону овечьих загонов, но из-за метели Дрэм не мог определить, где они находятся.

Пройдя немного, он остановился и снова крикнул: «Куу-уу! Куу-ау-йа!» На этот раз до их напряженного слуха издали дошел протяжный вой, при звуке которого у Дрэма

пересохло во рту, и он крепче сжал древко копья. Но вой вдруг заглушил собачий лай.

— Это Кью, — сказал громко Дрэм, еле шевеля заочевенными губами. Сердце екнуло радостно от облегчения, но тут же в него закрался страх. Он снова крикнул и побежал вперед, спотыкаясь и проваливаясь в глубокий снег. Услышав повизгивание собаки, он закричал:

— Долай, я иду! Я иду!

Через мгновение у его ног лежала тень, похожая на волчью, и из белой метели возникла Кью. Повизгивая и тяжело дыша, она стала виться вокруг Дрэма. Дрэм вдруг понял, что находится на крутом склоне у края старого кремневого карьера. Он стоял, всматриваясь вниз. Там, где были завалы мела, снега не было — он белел лишь у основания кустов, которые росли прямо на мелу. У подножия склона темнел кустарник погуще, из которого доносилось бление. Дрэму показалось, что возле кустов неподвижно лежит что-то черное.

Старая собака бросилась вниз, скользя по заснеженному дерну, и направилась прямо к темнеющему неподвижному предмету, Дрэм даже не вспомнил, что к подножию склона легко попасть через карьер, если спуститься к старым разработкам у нижнего края. Он, как и Кью до него, пополз прямо по склону, увлекая за собой снежные комья, куски тела и пучки сухой травы. Тенью проскочил мимо него Белошей. Наконец, сам не зная как, едва дыша, он оказался на дне карьера. Овца была цела и невредима и ей не грозила опасность. Она жалобно блеяла, не делая, однако, попытки подойти к нему. Дрэм опустился на колени перед распростертым на земле Долаем. Старик лежал лицом вниз, уже занесенный снегом с наветренной стороны. Помогая себе коленкой, Дрэм перевернул пастуха на спину и нащупал сердце. Под рукой он ощутил слабое биение, и из груди его вырвалось рыдание:

— Долай! Долай!

Старик не двигался. Пальцы Дрэма обнаружили огромную шишку на виске, волосы над ней слиплись от крови. Овца, должно быть, спустилась, как он и собаки, скользя по склону, тогда как Долай шел, очевидно, по ее следу, пока след не оборвался у карьера, севернее того места, где он собирался ее искать. Он был болен и смертельно устал, как устал даже Дрэм. У него могла кружиться голова от бесконечной снежной круговерти, он упал, как падают со скалы, и ударился обо что-то во время падения.

Дрэм лихорадочно перебирал все возможные варианты. Как ему поступить? В свои пятнадцать лет он не был достаточно силен, чтобы поднять Долая на плечи одной рукой и нести его весь обратный путь. Даже если бы он был крепкий, как бык, ему пришлось бы оставить копьё, а это означало бы смерть для них обоих, так как запах крови из раны Долая немедленно привлек бы рыскающее вокруг волчье племя. Здесь, у подножия старого кремневого карьера, кусты служили хоть небольшой, но все же защитой от ветра и снега; и на случай, если бы вдруг явилось волчье племя, у него была бы свободная рука, чтобы держать копьё, и, кроме того, за спиной была твердая меловая стена. Все это пронеслось у него в голове, пока он пытался расстегнуть бронзовую застежку плаща. Сняв плащ, он накрыл им Долая, и ветер сразу же ударил, как ножом, по незащищенному телу. Он повернулся к Белошею, указывая рукой направление:

— Назад, братец! Иди назад! Приведи людей.

Белошей повел головой вслед за рукой Дрэма, после чего посмотрел в лицо хозяина и заскулил. Дрэм поднялся и за ошейник подвел его ко входу в карьер, где меловой утес выходил прямо на склон. Затем он снова указал ему рукой дорогу:

— Назад! Назад в загон! Приведи Ханно!

Он не мог послать весточку, но в этом не было необходимости — всякий, увидев Белошею без хозяина, сразу понял бы: случилась беда, большая беда. Около загона сейчас много людей — пришли караульщики из деревни, с ними, быть может, и Вортрикс. Вортрикс несколько раз приходил в последнюю Луну. Дрэм обнял огромную рыжую голову:

— Назад, братец! Приведи Ханно!

Указав еще раз направление, он легонько хлопнул собаку по спине. Белошей посмотрел ему в лицо, заскулил и, повернувшись, побрел в

снежную мглу.

Дрэм подождал, пока пес скроется из виду, и только тогда вернулся к Долаю. Кью, припавшая к земле возле хозяина, встретила его беспокойным взглядом. Он ласково заговорил с собакой, а затем попытался перетащить Долая поближе к меловому утесу, где он был бы в большей безопасности. Это была нелегкая работа для однорукого человека, но мало-помалу он с ней справился. Когда, наконец, он перенес старика на небольшой меловой островок, поросший высоким густым кустарником, служившим защитой от ветра, он снова набросил на него свой плащ и обрадовался, когда увидел, как Кью подползла к хозяину и почти легла на него. «Она хоть немного согреть его», — подумал Дрэм.

Он вернулся к овце и рукой нащупал ее в темноте. Ягненок совсем скоро должен был появиться на свет. Но в запасе все же было немного времени. Однако волки могли поспеть еще раньше. Он привел овцу в то укрытие у мелового утеса, куда он перенес старого пастуха. Затем он отыскал копые Долая и положил его на землю рядом со своим, так, чтобы оно было, на всякий случай, под рукой, после чего начал собирать куски мела и комья снега. Все это можно будет швырять в волков, когда они явятся. Больше дел у него не было. Если б он мог развести костер! Тогда он близко бы не подпустил волчье племя и держался, сколько мог. У него с собой были кремешки для высекания огня, но ни щепы, ни хотя бы сухой веточки отыскать в мерзлом кустарнике было невозможно. Единственное, что ему оставалось, — набраться терпения и ждать.

Какое расстояние успел пройти Белошей? У него не было представления о времени, и он не мог определить его. Он с копьем наготове, сидел на корточках возле старого пастуха, пытаясь своим телом защитить его от ветра. А вдруг Белошей не добежит до загона? Что, если он встретит по дороге волков, братьев его отца? Дрэм всматривался в темноту сквозь кусты и напряженно слушал. Ему снова показалось, что снегопад стихает. Вскоре сомнения исчезли — снег почти перестал. Теперь хотя бы появилась надежда, что он не засыплет их следы. Иначе никому не отыскать их, если, конечно, Белошей доберется до загона. Низкое небо стало светлеть, и по нему побежали гряды рваных облаков, сквозь которые то и дело проступали, в том месте, где высоко плыла луна, тусклые грязновато-серебристые пятна. За его спиной беспокойно задвигалась овца. Это означало, что недолго ждать ягненка.

«Но волчье племя, — он снова подумал, может явиться сюда раньше». На сей раз предчувствие его не обмануло.

Где-то впереди, в сером мраке, раздался протяжный, дикий и невероятно печальный вой, вой волка, вышедшего на охотничью тропу. Недалеко от них эхом откликнулся второй волк, и в наступившей после этого тишине слышался лишь гул ветра. Дрэм почувствовал, как кровь отхлынула от сердца, и его вдруг сковала неподвижность. Овца снова заерзала, фыркнула и топнула копытом. Он молил богов, чтобы она не заблела от страха, что, впрочем, уже не имело значения — волки все равно учуют их, порывы ветра донесут до хищников их запах. Кто знает, может быть, они уже сейчас бегут к ним. Кто-то ткнулся ему в колено — Кью, пригибаясь к земле, терлась о его ногу. Он почувствовал, как она дрожит, дрожит от страха, ярости и ненависти. Он положил руку на загривок собаке, и шерсть тут же вздыбилась у него под ладонью.

Потом долго ничего не происходило, и ему стало казаться, что он больше не в состоянии выносить стук собственного сердца: хотелось закричать, разбить о мел копые, выкинуть что-нибудь, только бы нарушить эту бессмысленную муку ожидания! Но вместо этого он молча сидел на корточках, а сердце билось медленно и тяжело, и он прислушивался к каждому следующему удару. Старая собака жалась к его колену. Овца снова фыркнула, на этот раз от боли и страха. Она повалилась на землю, и Дрэм знал, что ей нужна помощь, но он не мог ничего сделать, не мог пошевелиться. Луна, освободившись от беспокойных рваных туч, выплыла на озерную гладь ясного неба, и в ее призрачном серебристом свете он уловил какое-то движение на снежной пелене у входа в карьер. И тут же он увидел огромную темную собаку, которая бежала, низко пригибаясь к земле. Но он знал, что это не собака. И следом за ней возникли еще две смутные тени.

Теперь, когда ожидание кончилось, он с облегчением перевел дыхание. Волки, рыская по их следам, приближались все ближе и ближе — и тут он стал громко кричать, кричать и кидать в них куски мела, которые он заготовил. Все это могло отпугнуть волков, но, увы, не надолго. Если б он мог развести огонь! Уж он подпалил бы им шкуры. Огромный серый вожак отскочил и подался назад, когда мел задел ему плечо. Но зверей гнал голод, и даже сейчас, в этом мерцающем свете, Дрэм видел, что сквозь шкуру у них проступают кости. Он знал, что ему не удастся долго удержать их криком и кусками мела: как только волки поймут, что перед ними лишь одинокий пастух с собакой, они тут же ринутся.

Они метались из стороны в сторону, увертываясь от комьев снега и мела, которые он в них швырял. Он видел их горящие в лунном свете глаза, высунутые языки и густую ошетилившуюся шерсть на загривке. Как ни странно, в их облике было какое-то жуткое веселье, будто они сознавали, что на свете всему один конец, и не могли удержаться от смеха.

Огромный серый вожак пробирался к нему, волоча по снегу брюхо. Челюсти его раздвинулись в отвратительной бесстыдной ухмылке... Дрэм понятия не имел, сколько времени он держал их на расстоянии с помощью кусков мела. Больше швырять было нечего, разве что копьё Долая. Он поднял его и метнул. Но широкое копьё не предназначалось для метания, и в колеблющемся лунном свете оно лишь мазнуло по плечу серого. Теперь у Дрэма, кроме своего копья, не осталось ничего, и волки это знали. Шансов на спасение не было. Дрэм схватил копьё и, слегка привстав, смотрел широко раскрытыми глазами на приближающегося волка. Во рту у Дрэма пересохло. Старая Кью сбоку от него злобно зарычала, а за его спиной — он это каким-то непонятным образом почувствовал — овца встала на ноги и теперь бляла от боли и ужаса.

Все ближе и ближе, делая из осторожности круги, подходил серый вожак. Он шел крадучись и извиваясь, подметая брюхом снег. Дрэму почудилось, что он откуда-то знает этого волка и, самое странное, что и волк знает его. Он когда-то видел этот злобный оскал и приветственный огонек в страшных желтых глазах. Но тогда этой встречи ждал волк, а на этот раз ее искал Дрэм.

Огромный зверь напрягся, присел и прыгнул. Дрэм прыгнул ему навстречу, в то время как Кью с рычанием вцепилась в горло второму волку, вернее волчице. Когда он и волк сошлись, раздался какой-то шум в отдалении, потом крики, но Дрэм ничего не слышал. В этом мире существовали только они с волком, да еще Долай и ягнящаяся овца за спиной.

А затем мир еще сильнее сузился, и из него ушли Долай и овца. Сейчас они остались вдвоем, он и волк. Дрэм скользнул в сторону, чтобы уклониться от прыжка, копьё задело плечо зверя и едва не вырвалось из рук, когда тот дернулся и взвыл. Резкая боль обожгла, как и в прошлый раз, правое плечо, но он почти не заметил ее, судорожными движениями пытаясь вытащить копьё. Он не устоял на ногах, и волк навалился на него и рвал ему плечо, добираясь до горла. Он прижал подбородок к груди и, орудуя копьём, как кинжалом, несколько раз всадил его в тело волка. С ревом они покатались по земле. На него бросился третий волк, и все потонуло в яростном вое. Он не знал даже, кто из них громче рычит, он или волк.

Все смешалось в этом визге, рычании и хрипе. Во рту у него был привкус крови, и в темноте перед глазами вспыхивали неровные пляшущие огоньки.

Затем вой сменился каким-то новым шумом, и вместо огоньков заплясали шафренные конские хвосты факелов в руках бегущих людей. Потом все кончилось. Кончилось, как ни трудно в это поверить. Он сидел на корточках, опустив голову, на перепаханном затоптанном снегу и смотрел, не отрываясь, на пятна, окрасившие белую землю. Алое на белом... Алый знак воина... В его затуманенном сознании мелькнуло воспоминание о лебеде, его первом трофее: алое пятно на белоснежной груди. Затем сознание прояснилось и он понял, что на снегу следы крови, следы горячей крови на холодном снегу — они даже слегка дымились в мерцающем факельном свете. Старая Кью и волчица лежали, раскинувшись, недалеко друг от друга: последняя схватка завершилась. Третий волк,

молодой, еще рычал, открывая пасть в предсмертной агонии — кто-то проткнул его копьем. Свет факелов был направлен прямо на Дрэма, полностью освещая распростертого у его ног серого вожака.

Вокруг него столпились люди, а Белошей, сунув ему в лицо морду, стал облизывать подряд все кровоточащие раны на правой руке, на груди, на плече. Кто-то сзади поддерживал его. Он знал, что это Вортрикс. Он слышал его радостный голос: «Он убил волка! Луга! Юриан! Смотрите, какое тут было сражение! Он убил волка!»

— Мне кажется, волк убил его, — сказал Юриан.

Но голоса были далекие и доходили будто сквозь туман.

— Присмотрите за Долаем, — пробормотал он. — И за овцой... Она...

— С овцой все в порядке. — На этот раз это был голос Ханно. — Присматривать за ней больше не нужно.

Неожиданно он услышал крик новорожденного ягненка и его охватил бурный восторг — не потому, что он убил огромного серого вожака, а, как это ни удивительно, из-за того, что этот крошечный ягненок явился в мир целым и невредимым.

Это было последнее, что он помнил, после чего наступил долгий провал.

Глава XIV

АЛЫЙ ЗНАК ВОИНА

Об этом времени в памяти Дрэма осталось лишь чередование хаоса и тьмы, где, не затухая горели два костра, один в голове, а другой около плеча. Иногда хаос рассеивался, возникали лица: матери, Блай, жреца Мудира, с глазами, словно два солнца, и даже лицо Вортрикса. Но он знал, что все это не настоящее, так как лица эти были из племени, а между ним и племенем, как между ним и Вортриksom, что-то пролегло, какой-то черный пролив. Что именно, он не мог вспомнить, а когда думал, хаос возвращался и лица пропадали.

Очнувшись, как после дурного сна, полного причудливых сновидений, он открыл глаза и по солнечному лучу, пробившемуся сквозь отверстие вверху крыши, догадался, что сейчас вечер. Он понял также, что лежит на подстилке из папоротниковых листьев, укрытый оленьими шкурами, в углу, где он спал до того, как ушел в Школу Юношей вечность назад, а может быть, только вчера. Ему было уютно и спокойно, он вдруг отчетливо увидел нежные язычки пламени в очаге и золотистые пылинки, танцующие в луче, и услышал ритмичный стук, будто кто-то ткал на станке — мать или Блай. Ворсинки шкуры щекотали ему шею. Он хотел сбросить шкуру и с удивлением почувствовал, что у него не хватает сил вытянуть руку из-под тяжелых складок. Он уловил какое-то быстрое движение, и Блай, склонившись над ним, отогнула край оленьей шкуры. Наклонившись, она заглянула ему в лицо и вдруг вскрикнула. Он не знал, что именно она сказала, знал только, что восклицание было радостным. Стук станка тут же прекратился, и рядом с ним оказалась мать. Стоя на коленях, она щупала ему лоб, всматриваясь в лицо, и в глазах ее была боль. Тяжелые блестящие волосы, как обычно, выбились из-под сетки.

— Щеночек мой, сердце мое. — Она тихо рассмеялась, но тут же оборвала смех и прижалась щекой к его щеке. — Я снова с тобой. Скоро, совсем скоро ты поправишься.

Он потянулся к ней, чтобы уткнуться в мягкую ямку у нее на шее, как когда-то, когда он был маленький. Но едва он пошевелился, боль пронзила плечо в том месте, где горел огонь, и он почувствовал, что плечо и грудь туго забинтованы. Там, наверное, где его покалечил волк. Но был ли то волк? Или ему все приснилось?

Блай встала и принесла ему миску крепкого бульону прямо с огня. Мать принялась кормить его, называя всеми ласковыми именами, которые у женщин находятся для самых младшеньких в семье. И потом, когда он начал засыпать, она потихоньку поднялась и снова села за станок.

Дрэм лежал и щурил глаза на слепящий круг предзакатного золота в отверстии

дымохода. Белошей, пристроившись у его ног, подполз и ткнулся мордой в руку. Дрэм гладил огромную лохматую голову, пропуская сквозь пальцы подрагивающие уши, и радовался их теплу и шелковистой мягкости. Удивительно, какими гладкими могут быть уши у собак при такой жесткой шерсти.

— Здравствуй, братец, — сказал Дрэм.

Он слышал треск ткацкого станка и какой-то скребущий звук — Блай, видно, чистила горшки. До него донесся храп деда, задремавшего у очага после ужина, как бывало и прежде. Были еще звуки, помимо этих, тихие, неясные, стекающие, почему-то зеленые, — звуки капли. И безотчетное чувство облегчения и радости оттого, что наконец снег тает, охватило его, прорвавшись сквозь наваленные оленьи шкуры.

Знакомое негромкое постукивание грузил щекотало ему слух. Он исхитрился повернуть голову и посмотреть, что нынче ткет мать. Высокий станок у двери был наново заправлен, и он с удивлением увидел только что начатую ярко-алую ткань.

Для кого это? Для деда? Или для Драстика? Драстику могли сделать плащ из ткани, которую она приготовила для него год назад. В памяти у него вдруг смутно всплыли слова деда, сказанные, как ему казалось, в одном из его снов «Подожди заправлять станок, неизвестно, выживет ли мальчишка, а то опять все пойдет насмарку». Он даже фыркнул носом, как обычно, когда говорил. Но все это ни с чем не увязывалось. Он слишком устал, чтобы думать, устал настолько, что уже не мог огорчаться из-за того, что ему не придется носить алый плащ. Он страстно и долго об этом мечтал, и теперь мечты как бы заостенели.

Сейчас он хотел только спать.

Он проспал всю ночь без снов, провалившись в пропасть, и проснулся на рассвете. Прислушиваясь к капели, он чувствовал, как жизнь возвращается в его истерзанное, израненное тело, а вместе с жизнью — все прежние беды и трудности, о которых все это время он не вспоминал. Он еще не полностью понимал, что была какая-то несообразность в том, что он находится здесь, в своем родном доме.

Вскоре он снова уснул и спал, пока пробуждались его домашние. Когда он проснулся второй раз, все уже разбрелись по делам: Драстик пошел на скотный двор, мать — в сарай и даже дед, собрав воедино свои старые мощи, отправился, ковыляя, посмотреть, сколько снега растаяло со вчерашнего дня. Он был теперь один, если не считать Белошею и Блай, которая, сидя у порога, молола дневную порцию зерна. Неожиданно у входа заржала лошадь, и кто-то, пригнувшись, вошел в хижину.

Дрэм повернул голову к двери, думая, что это мать или Драстик, но вместо них на пороге стоял Вортрикс, держа под мышкой нечто вроде пестрой волчьей шкуры.

Из груди Дрэма вырвался хриплый вскрик, и он выпростал руку из-под шкуры. Еще минута — и Вортрикс в несколько прыжков пересек хижину и, бросив на землю сверток, опустился на корточки рядом с Дрэмом, сжимая двумя руками его руку.

— Брат мой, дорогой брат, мне сказали, что ты пришел в себя.

Дрэм посмотрел на него, слегка нахмурившись:

— Я думал... Мне снилось, что ты уже приходил сюда раньше.

— Мало ли что может присниться, когда волк так раздерет плечо, — ответил Вортрикс.

Взглянув в его спокойное лицо с ясными голубыми глазами, Дрэм понял, что это был не сон.

— Это была великая битва, великое побоище. — Глаза Вортрикса сияли. — В жизни не забуду, как мы спустились с холма по следу Белошея. Я думал, сердце разорвется, так мы бежали всю дорогу. Мы тебя сразу увидели внизу. Вначале нам показалось, что тебя грызут все три волка. А что творилось вокруг! Снег был залит кровью, земля перепажана, будто там дрались две волчьи стаи. Да-а! Теперь только и разговору в деревне, что о тебе, у всех очагов из вечера в вечер.

Воспоминания возвращались к Дрэму, пока он слушал Вортрикса, но весть о его победе не вызвала в нем ни гордости, ни торжества — для этого он был слишком слаб.

— Что с Долаем? — спросил он. — Как себя чувствует Долай?

— Долай вернулся к предкам, обратно к Матери-Земле. Тому уж пять дней. Старик был совсем истощен, и у него началась дыхательная лихорадка.

Наступило томительное молчание. Вортрикс с неуклюжей нежностью положил прозрачную руку Дрэма обратно ему на грудь и поднял с земли пеструю волчью шкуру.

— Смотри, я принес шкуру твоего волка. Я очистил ее и начал даже чинить. Я боялся, что, пока ты поправишься, она задубеет и с ней ничего нельзя будет сделать. Теперь она может лежать до тех пор, пока ты не окрепнешь и не примешься за нее.

Дрэм переводил взгляд с лица Вортрикса на шкуру и снова на лицо друга. Сердце вдруг неровно, тяжело забилося, как будто он все еще не понимал или не решался понять... Вортрикс провел рукой по ворсу и на плече, вернее у основания шеи, раздвинул грубую пеструю шерсть и показал ему шрам от старой раны, на котором так и не выросла шерсть.

— Это твой волк, — сказал он. — Тебе предназначенный судьбой. Видишь, след от первой встречи?

Дрэм смотрел на полоску съездившейся кожи, и рука его, лежащая на оленьей шкуре, невольно сжалась в кулак.

— Я тогда даже не успел царапнуть того волка, — сказал он.

— Ты не успел, зато я успел, — сказал Вортрикс. — Пятнистый самец. Я ранил его в плечо у шеи и обнаружил шрам как раз на этом месте, когда стал чистить шкуру девять дней назад.

Они снова посмотрели друг на друга. Огромная волчья шкура лежала между ними поверх оленьих шкур, которыми был укрыт Дрэм. Дрэм нащупал рукой грубый ворс.

— Наши дела нам надо было решать с ним вдвоем в ту первую встречу. Но все же сердце радуется, что я убил своего волка, хотя и слишком поздно.

— Совсем не поздно, — сказал Вортрикс. — Ты видел алую пряжу на станке? Дрэм уставился на него в недоумении, в горле перехватило дыхание.

Вортрикс не мог такое сказать. Он, наверное, все еще спит, и это ему снится... Но Вортрикс, наклонившись над ним, повторил свои слова еще раз. Дрэм видел, что он взволнован.

— Я думал, тебе сказали. Проснись, Дрэм. Ты убил своего волка, и тебя ждет место среди Новых Копий.

Дрэм замотал головой, все еще не смея поверить.

— Пастухи убивают волков без счета, и я тоже убил. Волчья Охота бывает один раз, и я промахнулся. — Голос его дрогнул и перешел в шепот. — Это все неправда, это не может быть правдой.

Никто не заметил, как Блай перестала молоть зерно и выскользнула, как тень, за дверь, оставив их вдвоем. Они вообще не заметили ее присутствия. Теперь тишину нарушал лишь стук скатывающихся капель.

— Я твой кровный брат, а вовсе не злейший враг, — сказал Вортрикс. — С чего бы я стал тебе говорить, если б это было неправдой? Послушай, Дрэм. Три дня назад все было решено на Костре Совета Старейшин. Это правда, клянусь тебе копьем, это чистейшая правда.

Дрэм теперь больше не сомневался. Он сжал запястье Вортрикса и попытался привстать на своем папоротниковом ложе, не обращая внимания на рвущую боль в груди и в плече.

— А как это?.. Я... Я не очень понимаю... Расскажи, что было на Костре Совета, расскажи подробно.

Вортрикс уложил его обратно:

— Не надо подниматься. Если у тебя откроются раны, ругать будут меня. А теперь слушай! Когда я начал начищать шкуру и обнаружил шрам, я пошел к Дамнориксу, своему отцу, и показал ему шрам, как сейчас показал тебе. — Вортрикс улыбнулся. — Видишь, как иногда полезно быть сыном Вождя. Отец рассмеялся громко, как он умеет, и сказал: «Щенок всегда был драчуном, с самого первого дня в Школе Юношей, я помню. А такие драчливые

могут понадобиться племени, случись что» А когда через три дня собрался Весенний Совет, он взял у меня шкуру, показал всем мужам, сидящим у костра, и сказал: «Глядите, Сияющий еще раз послал волка Дрэму-однорукому, и на этот раз Дрэм не промахнулся». После этого было много разговоров, один из старейшин заявил, как ты сегодня, что на волка можно охотиться один раз. В конце концов сошлись на том, что решать должен Мудир, который там присутствовал, но, как всегда, сидел у костра с отрешенным видом. Когда он вышел из забытья и снова обратил взор в этот мир, он сказал: «Я видел раны на плече мальчика. Они покрыли шрам, полученный им на первой Волчьей Охоте, а это означает, что тот, первый шрам, больше не существует. Тогда дело осталось незаконченным, а сейчас оно завершилось. Поэтому пусть один из вас, помимо Катлана, его деда, поручится за мальчика в День Новых Копий, ибо так угодно Богу Солнца и богам-покровителям племени и охотничьей тропы». По правде говоря, я думаю, что нашлись бы еще люди, которые охотно бы взялись поручиться за тебя вместе с Катланом. Но никто не успел и рта раскрыть, как вскочил Тэлори. Сам знаешь, какой он быстрый, как дикая кошка. Он вышел вперед и, стоя перед всем кланом, с улыбкой сказал: «Семь весен назад я нашел этого мальчика далеко в Диких Дебрях под корнями дуба — он забился туда, как волчонок. Он убежал от родных именно потому, что боялся промахнуться на охоте, когда настанет время. Маленький незащитный зверек, он хоть и был испуган, свирепости у него хватило прокусить мне до кости палец, когда я вытаскивал его из логова. Может, потому, что он был такой маленький и храбрый, и к тому же еще однорукий, как и я, сердце мое повернулось к нему, и я обещал в ту ночь, что, когда он убьет своего волка и настанет время ему предстать перед кланом в День Новых Копий, я поручусь за него вместе с Катланом, его дедом. Так что все уже решено семь весен назад». А потом старейшины и все мужи племени переглядывались, качали головами и твердили: «Да, все это хорошо». А Мэлган, и я, и все наши стали колотить копьями по мечам и устроили страшный шум. Вот так все и кончилось. А ты мне, кстати, ничего не рассказывал о Тэлори.

Дрэм, не отрываясь, смотрел в лицо Вортрикса, стараясь представить себе все, о чем тот говорил. Он даже рассмеялся, когда Вортрикс жестом и мимикой изобразил неистовость и проворство Тэлори. А потом, то ли оттого, что он мог теперь вернуться в свой привычный мир к своим товарищам, или, может быть, оттого, что он был еще очень слаб, смех вдруг застрял в горле, и он, уткнувшись лицом в ладонь здоровой руки, разрыдался.

Проходили дни, и Дрэм постепенно набирался сил. Каждые три дня приходил Мудир и касался Пальцами Мощи его ран на груди, на руке, плече, вдыхая в них новую жизнь. А мать и Блай врачевали его мазями, приготовленными из тысячелистника, окопника и мелких розовых васильков, которые растут на Большой Меловой. При этом они произносили заклинания, разные, в зависимости от снадобья, после чего раны затягивались, не воспаляясь, и вскоре от них остались лишь шероховатые малиновые рубцы. У очага появилась еще одна женщина — Драстик привел в дом пухленькую розовую Корделлу. Она не принимала участия в уходе за Дрэмом. И не то чтобы она не хотела, но стоило ей только взять в руки миску с едой, Блай тут же молча ее забирала, скаля при этом, как лисенок, зубы. Дрэм наблюдал эту сцену и смущенно думал, что был неправ, когда боялся, что Корделла будет плохо обращаться с Блай. Теперь, наоборот, ему хотелось, чтобы Блай была поласковее с Корделлой.

Как только он достаточно окреп, он стал выбираться на солнышко у порога. Он кропотливо возился с волчьей шкурой, чтобы закончить ее до того, как придет время ему предстать перед кланом вместе с другими Новыми Копьями. Он натирал ее травами, смешанными с солью, и смазывал гусиным жиром, пока она не стала мягкой, как хорошо выделанная оленья шкура. Ему" хотелось покоя и тишины в эти весенние дни, когда в низинах возле тропинки можно было неожиданно наткнуться на влажную россыпь первоцвета, а ольха у ручья роняла в воду темные малиновые сережки.

Было еще одно дело, о котором ему нужно было позаботиться перед тем, как он явится перед кланом. Как-то вечером после ужина он достал с чердака, с прокопченных балок,

тяжелый бронзовый щит из воловьей кожи, который раньше был собственностью деда и должен был перейти к нему после Белтина. Пристроившись у притушенного очага рядом с остальными домочадцами, он начал прилаживать к плечу ремни из лошадиной кожи, как в Школе Юношей прилаживал ремни своего щита.

Дед, некоторое время созерцавший в огне былые битвы, вдруг поднял голову и стал с презрительным любопытством наблюдать за ним. Удивление его росло, и он даже подался вперед, чтобы получше разглядеть его работу.

— Так, так. Хитрая это штука, — сказал он. — Вижу, что ты собираешься делать. Так щит не носит даже Тэлори.

— В этом нужды нет. Для щита у него есть рука со змеей, — сказал Дрэм, держа в зубах ремень.

Старик поглядел на него из-под лохматых золотисто-седых бровей:

— Почему ты ни разу не сказал мне о вашем сговоре с Тэлори семь весен назад?

Дрэм не сразу ответил. Он многое мог бы сказать деду, много обидных слов. Прежде выпади такой случай, он бы не удержался, и все высказал. Но не сейчас. Он выплюнул ремень и повернул к себе щит другой стороной.

— В детстве хорошо иметь тайну. Когда у тебя есть тайна, чувствуешь себя выше других.

Драстик, чинивший какую-то деталь воловьей упряжки, посмотрел на него и медленно, как бы нехотя, улыбнулся:

— А зачем тебе надо быть j выше других? Чего тебе не хватало, братишка?

— Разве может чего-нибудь не хватать щенку, у которого такой замечательный старший брат, с таким длинным хлыстом? — сказал Дрэм и тоже улыбнулся. — Брось-ка мне лучше кусок ремня.

И вот наступил канун праздника Белтина, день, когда Дрэм должен был идти в Школу Юношей. Он не ел утром со всеми, так как Новым Копьям полагалось поститься перед посвящением.

Как требовал ритуал, он искупался в ручье и сейчас мокрый, с рубцами на груди и на шее, стоял возле очага, пока мать и Блай надевали на него набедренную повязку из алой ткани — алый знак воина. Он чувствовал, как она пламенем охватила его тело. Затем он перекинул через плечо волчью шкуру, стянув ее на талии синим ремешком с бронзовыми бляшками, расчесал волосы и завязал их сзади в узел кожаным шнурком. Теперь, когда приготовления были окончены, он, расправив плечи, стоял, будто воин перед сражением, но без оружия и боевой раскраски на лице. Он взглянул вверх и увидел, что дедов меч висит на прежнем месте. Сегодня вечером они снимут его и положат у очага рядом с новым копьем, которое он еще не видел. Сегодня вечером... Но где он будет сегодня вечером? Никто из тех, кто прошел этот путь, не мог ему ничего рассказать, ни Драстик, ни даже Вортрикс. Они были связаны обетом молчания, как и он будет им связан завтра.

Блай оправила ему складки на шкуре. Он посмотрел на нее сверху вниз, но увидел только макушку склоненной головы, а потом Блай молча, не взглянув на него, отошла. Она теперь никогда не глядела на него, с тех пор как он начал поправляться. Она все делала, что он просил, притом охотно, но не смотрела в его сторону, и в глубине души его это задевало.

Ему пора было идти. Он опустился на колени и, согласно обычаю, положил ладонь на бедро деда. И дед тоже, как велит обычай, положил свою огромную с синими венами руку на его руку со словами:

— Иди и возвращайся домой воином, мой мальчик.

Мать поцеловала его в лоб, повторив слова деда, потом подвела его к порогу и на прощанье небольно ударила между лопатками. Белошей, как всегда, сопровождал его до конца тропинки. Здесь они расстались, как расставались много раз прежде, и Дрэм в одиночестве двинулся к Школе Юношей.

Ветерок шелестел в траве, а на нижних склонах цвели кусты боярышника. Аромат их, как вдох и выдох, то исчезал, то снова доходил до него; какая-то темная птичка выпорхнула

из ольшаника и пронеслась у него над головой. И он неожиданно подумал, что мир вокруг него добрый. Он часто видел его красоту, жестокую и сияющую, как красота лебедя, которого он убил. Но у него не было времени подумать о его доброте.

Неизвестно, может и впредь не будет, но сейчас ему казалось, что он всегда будет помнить об этом...

Он не знал, как он себя будет чувствовать среди Новых Копий, которые были на год его моложе, и с удивлением обнаружил, что имя его стало знаменитым в Школе Юношей, куда более знаменитым, чем после его драки с Собакой Брэгона во время Царской Тризны. Его новых товарищей гораздо больше интересовали малиновые рубцы у него на плече, чем то, что он отстал от них на год.

Кроме того, времени почти не оставалось, и все их мысли сейчас были заняты тем, что им предстоит.

Под наблюдением старого Кайлана, они должны были пройти сложный обряд ритуального очищения. Старик сам нарисовал у них на лбу белой глиной знаки Посвящения. После этой предварительной процедуры они молча сидели у тлеющего очага в Школе Юношей, откуда были высланы все младшие мальчики, и прислушивались к звукам, доносившимся из деревни, где шла обычная жизнь. И даже Вран, самый тупой из них, не мог не испытывать нарастающего страха.

Постепенно исчезли звуки, и в наступившей тишине и далекий голос, и собачий лай отзывались неестественно громко. Они слышали какие-то шаги, а потом еще шаги, уходящие к центру деревни. Кайлан поднялся и велел им выстроиться.

Оглядев их желтыми, как у волка, глазами, он сказал:

— Вот и пришло ваше время. Не забывайте, чему я вас учил, дети. Ну, а ты, — сказал он, обращаясь к Дрэму, — небось, за год позабыл все на свете?

Пригнувшись, они прошли через дверной проем и, ослепленные потоком солнечного света после мрака хижины, невольно зажмурились.

Знакомый ритуал Дрэму казался нереальным, как бы отголоском событий, которые происходили раньше. Он видел мужей клана, когда Новые Копья спускались к открытой поляне перед Костром Совета. Он видел лицо Вождя и жреца с глазами, освещенными изнутри солнцем, слышал ритуальные вопросы и ритуальные ответы:

— Кого ты привел ко мне?

— Я привел мальчика. Пусть он умрет отроком и возвратится воином племени...

Но ведь он все это уже прожил... год назад, там, на холме; и теперь слова для него не имели значения, они были менее реальными, чем прикосновение ко лбу древка копья, тогда, когда он стоял, затаившись в ольшанике...

А пока что один за другим, глядя прямо перед собой, они вслед за Мудиром уходили от деревни по длинному склону навстречу заходящему солнцу, а за ними женщины уже завели плач: «Охон! Охон!»

Костры заката еще пылали за Меловой, когда они миновали широкий склон Холма Собраний, пройдя совсем близко от кургана, где спал на гребне горы безымянный герой, и снова начали спускаться по дальнему склону к небольшой впадине между двумя холмами, месту, где проходили посвящение Новые Копья племени. Впадина была до краев заполнена тенями, и священный древний круг с девятью боярышниками, казалось, утопал в них, как в воде. Юные воины прямо из заката окунулись в это море теней, которое, захлестнув их, сомкнулось над ними.

Первое их ощущение было пустынное одиночество пейзажа без признаков жизни. Но вот они подошли ближе, и впереди, там, где рос боярышник, раздался звук рога, и из теней вырвался дымный золотистый сноп света, в котором возникли, а затем двинулись им навстречу какие-то странные фигуры. Горящие факелы окрашивали в золотистый цвет их обнаженные тела и звериные морды. Здесь были все звери, на которых охотилось племя: волк, дикий черный кабан, рыжая лисица и полосатый барсук. Они окружили мальчиков и вместе с ними направились к разложенной подковой куче хвороста, прикрывающей вход в

священный круг.

Тут же стояла, похожая на гроб, ванна из дерна, покрытая рыжей воловьей шкурой. Молча звероголовые существа схватили самого младшего из Новых Копий и положили его на это ложе, предназначенное, должно быть, для жертвоприношений. Один из звероголовых, с мордой барсука, наклонился и поднял с земли какой-то предмет, лежащий около гроба, отчего кровь на мгновение застыла в жилах у Дрэма. Затем он с облегчением увидел, что это всего лишь деревянная ручка с тонкими блестящими бронзовыми иглами, и догадался, что ложе это было местом для татуировки новых воинов.

Дрэм был самым старшим, и ему долго пришлось ждать своей очереди. Когда он наконец сбросил с плеча волчью шкуру и отдал себя, не без чувства гордости, в руки татуировщиков, стало совсем темно. Он смотрел вверх чадящих факелов и склонившихся над ним масок на далекие равнодушные звезды и видел, как в небе за Холмом Собраний поднялась серебристая сверкающая улитка, предвестница восходящей луны. Человек в барсучьей маске в седьмой раз взялся за свои инструменты и начал рисовать зигзаги и плавные линии на груди и плечах Дрэма, обмакивая в горшочек с краской клочок туго скрученной овечьей шерсти, после чего принялся накалывать узор острыми бронзовыми иглами. У Дрэма было чувство, что его жалят одно за другим сотни ползущих по нему насекомых. Там, где линии проходили через затянувшиеся шрамы, мелкие мошки превращались в ос. Ему ничего не оставалось, как, сжав зубы, смиренно лежать и не дергаться от бесчисленных уколов неумолимого жала. Но он понимал, что это самое легкое из того, что им предстоит, и что главное, страшное, непонятное и великолепное таинство еще впереди.

После одинокого голоса рога, протрубившего, когда они подошли к святому месту, вокруг воцарилась мертвая тишина, не нарушаемая ни шелестом ветерка в траве, ни даже криком ночной птицы. Но теперь Дрэм уловил, вернее, ощутил какой-то звук — ритмичное биение, которое могло быть стуком его собственного сердца. Он весь ушел в слух — звук нарастал, усиливался, равномерная пульсация сменилась прерывистой напряженной дробью, отбиваемой ладонью по барабанам из овечьей кожи. Он невольно вспомнил праздник урожая Темнолицего народа. Дробь, хотя и не становилась громче, все время набирала силу и напряжение, пока Дрэму не стало казаться, что она у него внутри, в голове, в сердце — и он уже плохо соображал, как человек, выпивший слишком много меда.

Как во сне, он поднялся с похожего на гроб ложа и встал рядом с другими Новыми Копьями. Свежая татуировка горела огнем у него на груди, вернее, у них у всех, ибо барабанная дробь объединила их в одно целое, и сейчас каждый из них чувствовал жжение ран другого, как свое собственное, и понимал, каким безотчетным страхом наполнено сердце товарища. И вдруг неожиданно, как под ударом меча, барабанная дробь прекратилась и снова наступила тишина, но тишина еще более выразительная и призывная, чем пение боевых рогов.

Новые Копья поглядели друг на друга, сердца их лихорадочно бились. И пока вокруг звенела тишина, двое звероголовых подхватили младшего из Новых Копий и отвели его к замаскированному входу в священный круг, а затем вернулись обратно, но уже без него.

И тут же снова забили барабаны.

Потом каждый раз, когда наступала звенящая тишина, еще кто-нибудь из Новых Копий уходил в священный круг, откуда никто из них не возвращался.

И наконец, последний раз пробила барабанная дробь и замолкла — настала очередь Дрэма. Он, словно во сне, двинулся вперед между двумя звероголовыми спутниками через набросанный полукружием хворост, прикрывавший вход, и ступил в священный круг. Первое, что он увидел, был свет, дымный, колеблющийся свет факелов среди деревьев и какие-то призрачные фигуры, как в сновидении, тоже звероголовые, — полосатая барсучья маска, высокие ветвистые рога, оскаленная волчья пасть... В отблеске факелов, от которых взлетали вверх искры, белый цветущий боярышник казался серебристым на фоне темного, уже подсвеченного луной неба. Но внимание Дрэма сейчас было приковано к высокой

фигуре Мудира. Жрец стоял в центре круга посреди нестерпимого сияния, обнаженный, как и остальные, и на голове у него был убор из сложенных орлиных крыльев. Дрэм больше ничего не видел вокруг, не замечал идущих по бокам от него людей. Не сознавая, что делает, он двинулся навстречу Мудире, пока не очутился совсем близко, утонув в глубине его зрачков.

Глаза Мудира, два темных солнца, больше не были глазами. Они сузились и превратились в две точки интенсивного желтого цвета, настолько резкого, что он проел насквозь его душу... Но пока Дрэм глядел и глядел, не отрываясь, а дух его, плененный, терял волю, глаза снова стали глазами, но такими, каких он никогда не видел. Они сияли, а внутри зрачков горел огонь, губительное иссушающее пламя. Он видел, как появилось лицо, потом тело. Но это не было лицо Мудира. Мудир больше не существовал. Тот, единственный, кто стоял перед ним, опирался на копье, гигантское, как поток света, прорвавший грозное облако. А лицо? Когда он попытался заглянуть в него, у него было ощущение, что он смотрит на полуденное солнце — так это и осталось потом у него в памяти. Дрэм был во власти ослепительного, непереносимо яркого сияния, мощных ударов огненных волн. Охваченный ужасом и восторгом, он понял, что смотрит в лицо самого Бога Солнца, которого не должен видеть ни один смертный. Сотни боевых рогов зазвучали у него в ушах, и он, воспарив, полетел вперед, падая и ныряя на лету, как ястреб, или как метеор, в самое сердце сияющего круга, в сердце всего сущего.

Глава XV СОЛНЕЧНЫЙ ЦВЕТOK

Теплое солнце грело его тело, а над головой плыли большие серо-белые облака, и по цвету их он определил, что близится вечер. Лениво, порывами, задувал ветер, должно быть южный, так как в нем был привкус соли, а также медовый запах цветов боярышника, к которому, непонятно откуда, примешивался запах чеснока. У Дрэма было чувство, что он вернулся домой после дальней дороги. Он так устал, что ему хотелось только одного — не двигаясь, лежать на спине и смотреть на медленно бегущие облака в голубой небесной вышине. Ему послышалось, что кто-то окликнул его по имени. Он, сделав усилие, шевельнулся и огляделся.

Он лежал в центре древнего круга, рядом с ним, как лучи семиконечной звезды, лежали другие Новые Копья, ногами к центру и головами к венчавшим круг деревьям боярышника. Он сразу же вспомнил все великолепие и леденящий ужас прошедшей ночи. Боевая татуировка на груди и плечах саднила и жгла, когда он шевелился, а с груди свалился пучок сухих цветов чеснока, положенный, очевидно, для того, чтобы уберечь тело, пока душа где-то витала.

Остальные Копья тоже задвигались: один за другим они садились, с удивлением озираясь вокруг. Но ничего здесь не говорило о ночном таинстве: не было за деревьями странных существ с птичьими и звериными головами, не было чадящих факелов — ничто не напоминало о той непередаваемо прекрасной и в то же время жуткой минуте, когда они глядели в лицо Сияющего. Мудир, жрец, в своем плаще из бычьей кожи, мирно сидел под боярышником и, казалось, глубоко ушел в себя. Ветер трепал жидкие седые клокоты волос, выбившиеся из-под головного убора из орлиных перьев, а янтарный Солнечный Крест на груди при каждом вдохе и выдохе зажигался и гас, подхватывая сумеречный свет. На коленях у Мудира лежало несколько белых лепестков, слетевших с боярышника, и у Дрэма было впечатление, что Мудир вот так же неподвижно просидел здесь целую ночь.

И теперь, когда все зашевелилось и стали тереть глаза и озираться с растерянным видом, старый жрец, вышедший из своего небытия, тоже зашевелился и вытащил из-под плаща выточенную на станке черную сланцевую чашу.

— Ну вот, все уже позади, — сказал он, слегка улыбнувшись. — А теперь подойдите ко

мне и испейте из этой чаши. Это даст силу тому, кто, заново родившись, вернулся с запада слабым, каким послала его когда-то в этот мир мать. Подходите, пейте и набирайтесь сил.

Все еще не стряхнув с себя оцепенение, они, пошатываясь, поднимались на ноги и друг за дружкой подходили к Мудиру. Они брали у него из рук чашу и потом передавали дальше. В чаше было молоко, но к нему что-то подмешали, и оно отдавало горечью. Дрэм так никогда и не узнал, откуда эта горечь, оставлявшая во рту странный привкус, — казалось, будто все нёбо чем-то обложено... Однако свежие силы вливались в него, пока он пил, и усталость уходила.

— Теперь вы воины и мужи своего клана и своего племени, — сказал Мудир после того, как все испили из чаши. — Вы видели то, что дозволяется видеть только жрецам и юношам перед посвящением в воины. И все они должны свято хранить обет молчания и никогда не говорить о том, что им довелось увидеть. Поэтому сейчас вы дадите клятву, древнюю клятву Золотого народа о том, что ни один отрок не узнает от вас, что его ждет, до того, как он станет мужчиной. И клятву эту вы повторите трижды.

Они по очереди опускались на колени перед старым жрецом и произносили клятву как воины, присягающие на верность новому Царю: «Если я нарушу клятву, пусть разверзнется зеленая земля и поглотит меня, пусть серые морские волны поднимутся и захлестнут меня, пусть обрушится звездное небо и уничтожит меня».

И на этот раз они спускались с последнего склона Меловой перед самым закатом. Они шли цепочкой за Мудиром, и их длинные тени бежали впереди, указывая дорогу домой.

В деревне было большое оживление: тощий скот после зимнего голода пригнали с гор к началу праздника. Когда Новые Копья подошли ближе, неожиданно затрубили боевые рога, и из-за хижин высыпали молодые воины и, потрясая копьями на бегу, бросились им навстречу, а затем смешались с ними и повернули обратно к деревне, оглашая горы пением и приветственными криками.

Сколько раз Дрэм видел это триумфальное возвращение Новых Копий, знаменующее начало праздника Белтина! Сколько раз мечтал он об этом суровом и радостном дне и как хотелось ему быть среди тех, кого так громко приветствует клан! А потом наступил прошлый год. Ему было трудно вспоминать о нем... И вот сейчас, вопреки всем обстоятельствам, настал этот суровый и радостный день, и он возвращается из-за заката как воин, одержавший победу. Голос внутри кричал: «Это все правда, это не сон. Я — воин, такой же, как мои собратья». Но он все равно не мог в это поверить.

Он смутно помнил конец церемонии посвящения. Все, что происходило после заката, было ярким, радостным, но хаотичным. Единственное, что ему четко запомнилось, это обдавший его жар Костра Совета, когда он подошел получать новое оружие. Дед навис над ним, как всегда нависал, когда пытался держаться прямо. Он всунул в руку Дрэма новое боевое копьё, проворчав:

— Ну уж, бери! Разве я не говорил всегда, что из этого мальчишки вырастет воин. — Золотой блеск его глаз из-под нависших бровей недвусмысленно свидетельствовал о том, что не поздоровится всякому, кто посмеет оспаривать его слова.

Помнил он и неожиданную мрачную улыбку Тэлори, обнажившую сильные волчьи зубы, когда тот поднял старинный бронзовый щит из воловьей кожи.

— Ну-ка, сознайся, свирепый щенок: ты не жалеешь, что я нашел тебя под дубом семь | весен назад?

Он горделиво стоял, когда тяжелый щит опустился ему на плечо, оттянув ремни, которые давили на затянувшиеся раны и свежую татуировку. Он помнил, как сверкнуло новое копьё, когда он потряс им, приветствуя заходящее солнце, а потом ударил о щит. Он помнил радостное урчание Белошея, когда тот снова обрел хозяина, и еще вкус мяса на реберной кости, которую они ели пополам с Вортриксом, сидя рядом во время пира по окончании всех церемоний.

Произошло еще одно событие, которое заставило Дрэма надолго запомнить этот день день Алой Воинской Славы, событие, участником которого он никогда не думал и не мечтал

стать.

Когда сумерки сменились мглой, Костер Совета сник, и от него остались лишь красные тлеющие угольки. Огонь во всех деревенских очагах был погашен еще до того, как началось пиршество. И теперь, когда догорал и этот последний костер и молодые воины затоптали л развевали остатки красных угольков, деревня осталась без огня, освещенная лишь светом большой желтой луны, которая только что показалась из-за Меловой, — кончился пир Новых Копий, начался праздник Белтина. Оставалось недолго ждать прихода Нового Живого Огня.

Как всегда перед его появлением, жители деревни были охвачены странным чувством, в котором молчаливое напряженное ожидание было смешано с чувством, похожим на страх. Отложив в сторону оружие, весь клан вместе с Темнолицыми по серпантину двинулись к Холму Собраний. На веревке мужчины тащили молодого рыжего быка, украшенного, как и положено для жертвоприношений, вербеной, зеленым ракитником и ветками цветущего боярышника. Они собрались на гребне холма, толпа теней в серебристом отсвете луны; безмолвие толпы нарушал лишь ветер в кустах боярышника и дрока, а посреди кустарника были сложены две одинаковые кучи хвороста для белтинских костров, темные с одной стороны, серебристые там, где они были обращены к лунному свету, — все ждали чуда, как ждала его, ночь вокруг.

Рыжий бык, которому выпал жребий умереть за своих сородичей, уже сыграл свою роль в этом ночном спектакле и сошел со сцены, и теперь несколько воинов, сбросив плащи, ухватились за веревки из сыромятной кожи, чтобы привести в движение огневое сверло, воздвигнутое возле приготовленного для костра хвороста.

Пока луна поднималась все выше и выше, в мерцающее, исполосованное ветром небо, девять воинов что было мочи тянули за веревки, а когда они выбились из сил, на их место встала другая команда. Мудир со следами крови рыжего быка на груди и на лбу стоял тут же, и его присутствие придавало какой-то особый магический смысл всей этой картине.

Команда сменяла команду, пока внимание толпы постепенно не сконцентрировалось на темной точке, там, где заостренное с двух сторон веретено вращалось во втулке. Толпа ждала, ждала чуда, каждый раз испытывая страх, что может что-то помешать, и оно — это чудо — не произойдет.

Так уж повелось, что Новые Копья и самые молодые воины старались тянуть до последнего — им всем хотелось попасть в команду, которая выбьет искру. Сменилось уже несколько команд, когда Дрэм, стоящий за своими однолетками, услышал голос Вортрикса и почувствовал его руку на плече.

— Смотри, они начинают сдавать. Мне кажется, огонь уже близко, теперь наш черед. Ну-ка, давай поднажмем, брат Юриан, Мэлган!

Они вышли вперед, три прошлогодних воина и трое новичков. Как только они взялись за веревки, прежняя команда отскочила назад. Дрэм и Вортрикс теперь стояли друг против друга, а за ними все остальные. Рывком они отпустили веревку, сделав длинный шаг вперед, а потом такой же назад. Рывок за рывком, рывок за рывком — и огненное сверло безостановочно вращалось. Веревка гудела под руками Дрэма, а в ушах стоял скрипучий визг сверла. Ощущение, что он снова среди своих и вместе с братьями по копыю принимает участие в таком жизненно важном деле, наполняло все его существо гордостью — грудь распирало так, что заныли свежие узоры, символы его мужества. Он изо всех сил старался во время церемонии у Костра Совета заставить себя поверить в то, что все происходящее с ним не сон, но так и не смог до конца уверовать в это. И только сейчас впервые все обрело реальность, и от неожиданности он готов был заплакать, как тогда, когда Вортрикс сказал ему, что он может снова вернуться в свой прежний мир.

И в ту же минуту он почувствовал запах гари: от острого кончика веретена отделилась ниточка дыма и растворилась в лунном свете.

Глаза его встретились с глазами Вортрикса в момент затишья, и их вдруг охватило радостное возбуждение, единый восторг и чувство торжества. Все складывалось хорошо,

просто замечательно — они участвовали в общем деле, и чудо должно было вот-вот свершиться. Сами того не замечая, они начали быстрее тянуть веревки, и визг сверла стал громче и настойчивее.

Ниточка дыма превратилась сначала в прозрачный папоротниковый лист, а затем в перышко. Неожиданно из-под острия вылетела искра и упала в сухой мох, которым была набита втулка, и, сверкнув, будто драгоценный камень, погасла. За первой появилась вторая, за ней — третья. И тихий, долго сдерживаемый ликующий вздох облегчения прошел по стоящей в ожидании толпе, когда наконец выскочил яркий язычок пламени, желтый, как цветок раkitника в лунную ночь.

Старый Мудир зашевелился, как человек, проснувшийся после векового сна, и, вытянув из-под воловьего плаща факел из плетеной соломы, окунул его в пламя. Затем он поднялся и начал вращать факел, пока от него не пошли огненные круги, будто огненная птица летела у него над головой.

Его хриплый прерывистый крик огласил Холм Собраний.

— Огонь вернулся! Смотрите, о люди! Люди, о люди, огонь снова пришел в наш мир!

Чудо свершилось и на этот раз, как и во все прошлые разы. Восторженный рев встретил старого жреца, когда тот подошел сначала к одной груде хвороста, потом ко второй и запалил их, дотронувшись факелом. И тогда рев толпы перешел в Гимн Возрожденного Огня: "Мы пребывали во тьме, но огонь снова пришел к нам, красный огонь, красный цветок, солнечный цветок..." Раздвоенные язычки пламени побежали, потрескивая, по хворосту и начали лизать крупные ветки. Постепенно высвечивались лица толпы, светлокожие, темные, золотисто-смуглые. Свет отражался в глазах, причудливо играл на медных ручных браслетах и бронзовых остриях копий; он зажигал глаза у собак, и они, как зеленые светильники, горели в разжиженном лунной мраке.

Все выше и выше подпрыгивало пламя, отбрасывая свой неистовый колеблющийся свет далеко за Холм Собраний и согревая подножие высокого безмолвного могильника, где спал рядом со своим медным мечом безымянный герой И вместе с пламенем росло возбуждение толпы Молодые воины выскочили вперед и закружились между кострами в их жарком отблеске, притопывая в такт хлопков, отбиваемых девушками. Но вскоре из темноты послышался неясный шум, стук копыт и затем появилась первая партия пригнанного с гор скота. Началась суматоха, все потонуло в хаосе: вскинутые головы скота, рога, поблескивающие в свете костра; рев, крики, мычание, собачий лай и блеяние. Хохочущие и орущие что есть мочи, пастухи гнали перепуганных насмерть овец и крупный скот между кострами, для того, чтобы обеспечить животным защиту богов и большой приплод в грядущем году. Последними прогнали табуны полудиких лошадей, по пятам за кобылами бежали жеребята — летели гривы, били копыта и стук их заглушало безудержное громкое ржание.

Шум начал стихать, когда Дрэм, помогавший собирать разбежавшихся лошадей, вернулся к кострам и вдруг на дальней границе освещенного пространства увидел маленького темнокожего Эрпа, возле которого крутился пес Эйсал.

Он окликнул пастуха и стал пробираться через толпу ему навстречу.

Эрп стоял и ждал, пока он подойдет, но не смотрел в его сторону.

— Что тебе от меня надо? — спросил он, когда Дрэм наконец добрался до него.

Дрэм поглядел на него, слегка озадаченный, но уже начиная понимать смысл его вопроса. Эйсал и Белошей обнюхивали друг друга, как старые приятели.

— Теперь это твоя собака? — сказал Дрэм, не зная, как начать разговор.

— Да, моя.

Дрэм подождал немного и, не найдя, что сказать, попросил:

— Расскажи мне о Долае.

— Долай ушел обратно в Темноту. Больше нечего рассказывать.

Снова наступила пауза, заполненная людскими криками, тихим блеянием разбредшегося скота. Дрэму вдруг захотелось собрать разметанное стадо, как в былые

времена.

Нахмутив медно-рыжие брови, он с высоты своего роста посмотрел на стоящего рядом мальчика. Но лицо Эрпа, освещенное костром, было как всегда замкнуто, а взгляд направлен куда-то в пространство, между ушами его собаки.

— Но ты хотя бы можешь сказать, где его похоронили, — сказал Дрэм. Маленький темнолицый пастух взглянул на него, впервые в жизни взглянул

ему прямо в глаза, но тут же отвел взгляд;

— Что за дело Золотому народу до того, где дети Тах-Ну хоронят своих мертвых?

Он свистнул Эйсала к ноге и, не сказав больше ни слова, пошел к своим овцам.

Дрэм поначалу сделал движение броситься за ним, но потом остановился. Какой смысл? Пожав плечами, он повернулся на пятках и... оказался лицом к лицу с Лугой, который стоял совсем близко и смотрел на него.

— Даже великий Дрэм-охотник не может охотиться одновременно в двух мирах, — сказал тот.

— Если Луга, змеиный язык, не поостережется, боюсь, больше ему не придется охотиться ни в одном из миров, — злобно огрызнулся Дрэм и, задрав нос, прошел мимо, направляясь к костру.

Пламя постепенно угасало, и воины со своими женами, те, что хотели иметь сыновей в наступающем году, уже прыгали, взявшись за руки, через костер. Кое-кто из молодых людей, у которых еще не было жен, выбирал на женской половине девушек с веточками волшебной вербены в волосах и тоже прыгал с ними через огонь. Когда Дрэм подошел к первому кругу стоящих у костра, он увидел, что Вортрикс выхватил из толпы женщин высокую смеющуюся девушку со светлыми волосами, уложенными короной вокруг головы. Они легко перемахнули через костер, разметав искры, при этом девушка пронзительно вскрикнула, как кроншнеп. Дрэм, внимательно следивший за ними, решил, что Эрп Ушки-на-Макушке не соврал — девушка Вортрикса была и впрямь красавица.

Пока пламя не погасло, надо было успеть запасть Новым Огнем и донести его до дома, чтобы на весь следующий год дать жизнь погасшему очагу. По одному или по двое самые младшие в семье из взрослых сыновей подходили к костру за огнем. Те, кто жили близко, обмакивали в пламя ветку и бежали с ней в клубах яркого дыма; жители дальних хижин, пастухи и гуртовщики, тщательно собирали угольки и клали их в горшочки. Дрэму, наблюдавшему, как они это делают, пришлось в голову, что теперь он, а не Драстик, должен принести домой Новый Огонь.

Он тут же отправился на поиски деда, чтобы сказать ему об этом.

Когда он наконец нашел его, дед с воинствующим видом восседал на ворохе скошенной травы, на коленях он держал рог с вересковым пивом, мать и Корделла стояли возле него, а чуть поодаль Драстик.

— Тебе пора домой, — говорила мать. — Уже поздно, и так много пива совсем не полезно для твоего живота. Заболеешь, и тогда мне опять ходить за тобой.

Дед хмуро посмотрел на нее:

— Я старый человек, и самое бесполезное для моего живота — это не давать мне того, что мне хочется. Оставьте меня в покое. Не мешайте наслаждаться жизнью в такой вечер, когда младший сын моего младшего сына стал мужчиной. Костер еще не погас. Женщина, я буду здесь столько, сколько душе моей будет угодно, а когда решу идти домой, Драстик меня проводит. Пусть Дрэм отнесет домой Новый Огонь, чтобы очаг успел разогреться к моему приходу.

Вскоре Дрэм вприпрыжку мчался по залитым луной склонам, а под плащом у него был горшок, который дала мать, и в нем пылали красные зернышки Нового Огня.

Хозяйственные службы тихо покоились в лунном свете, когда он шел по тропинке к дому между лоскутками ячменных полей. Он несколько раз останавливался и тихонько дул на угольки в горшке. Как только он перелез через лаз в изгороди, он увидел Блай на пороге дома. Она сидела, прислонившись к дверному столбу из рябинового дерева, уронив голову

на грудь, будто она очень устала. Ему и в голову не пришло, что она может быть дома. Он не заметил ее отсутствия среди девушек у Костров Белтина.

Наступило короткое затишье между порывами теплого мягкого ветра, и в момент этой тишины тени и лунный свет смешались и были пестрые, как сорочьи перья. Тень от березы легла на порог, на юбку Блай, на ее ладони, покоившиеся на коленях.

Белошей забежал вперед через освещенный луной двор и ткнулся носом в шею Блай. Она вздрогнула, подняла голову и встала. Затем она сняла шерстяную сетку, обычно стягивавшую волосы, и они черной волной упали ей на плечи. В волосах ее не было цветов, не было даже волшебной вербены.

— Дрэм?! — удивилась она.

— Я принес Новый Огонь.

— А где остальные?

— Дед пока не хочет оттуда уходить, а остальные скоро придут. Я вернулся потому, что принес Новый Огонь.

Бессознательным жестом он протянул ей горшок с угольками, как бы призывая разделить его гордость.

Как дети, которые держат в ладонях маленькое чудо, они склонились над горшком, пытаясь одновременно заглянуть внутрь. Красные зернышки мерцали в темноте. Дрэм тихонько подул на них, и они вспыхнули, отбросив слабый ответ.

— Пойдем, разбудим огонь в очаге, — сказала Блай.

В хижине, куда не проникал лунный свет, было совсем темно, но в этой темноте затаилось напряженное ожидание. Они ощупью добрались до очага. Встав на колени, Дрэм долго дул на угольки, пока искра не разгорелась, и тогда Блай окунула в огонь сухой сучок. На их глазах на кончике сучка неожиданно вырос узкий огненный бутон, от которого загорелся кусок березовой коры в очаге, затем еще один... Блай бросила сучок, когда огонь начал жечь ей пальцы.

Дрэм продолжал дуть на нежные ростки огня и на березовую кору, в рваных краях которой вдруг заискрились, засверкали красные драгоценные камни. А после того, как огонь, разгоревшись, стал разрастаться вширь, он сел на пятки и стал смотреть, как бледные, нетерпеливые язычки и лепестки пламени вспыхивают в темноте.

— Как цветок, — сказала чуть слышно Блай, подбрасывая в огонь щепки, сначала маленькие, потом побольше, — как солнечный цветок.

Они посмотрели друг на друга в отсвете заново рожденного огня, понимая, что оба причастны к совершающемуся у них на глазах таинству, прекрасному, полному жизни.

— Блай, почему ты здесь? — спросил после паузы Дрэм.

— Я... видела, как ты возвращался с Новыми Копьями. — Блай осторожно положила веточку дикой Груши в центр пламени — А потом ушла. У меня много дел.

— Какие дела можно делать без огня? Ничего ведь не видно.

— Луна ярко светит.

Они опять замолчали. Новое пламя трепетало в очаге; ветер со склона Меловой шуршал и вздыхал в соломе так, что разбудил Белошею, пристроившегося поспать у очага. Пес развалился и стал лизать лапы.

— Ты ведь сидела без дела, когда я пришел, — сказал Дрэм и, не дождавшись ответа, спросил: — Блай, все-таки скажи мне, почему ты ушла оттуда?

Она посмотрела на него, ни один мускул не дрогнул на ее лице, не нарушил его тихого покоя.

— А что мне там делать? Нет мне места на женской половине, нет мне места среди девушек племени. Я им чужая. И Темнолицым я чужая. Мне всегда лучше уйти...

Ее слова болезненно отозвались в сердце Дрэма, пробудив воспоминания. Он вдруг как бы впервые увидел ее, охваченный острым сочувствием, как было уже один раз когда-то, но только сейчас он ощущал все сильнее и острее, потому что в его жизни был этот год и он знал, что значит быть изгоем. Блай, не то служанка, не то дочь в их доме. Блай —

бесприданница. У нее не было ни скота, ни особой красоты, которая могла бы привлечь молодого воина.

В первую минуту это была только жалость, но вдруг Дрэм понял, что они с Блай неразделимы, будто две половинки, и никто, ни одна девушка, не может стать ему ближе, чем Блай, потому что Блай знала и понимала все так, как знал и понимал он.

— Там еще прыгали через костер, когда я ушел, — сказал он и, не дожидаясь ответа, добавил: — Вортрикс прыгал с Рун, дочерью Гуитно Поющее Копье; пламя было высоким, но никого из них не подпалило. Значит, у них будет много сыновей.

Блай не сводила с него глаз и по-прежнему молчала.

Он напряг мышцы ног, чтобы встать.

— Огонь хорошо горит. Если загородить его, ничего с ним не случится. Блай, может, там еще костер не погас. Если мы прямо сейчас пойдем, мы еще успеем.

Блай смотрела на него, и личико ее в черном маре волос было еще бледнее и уже, чем обычно.

— Ты, выходит, добрый, — сказала она полуудивленно. — Раньше ты не был таким добрым.

Он в бешенстве вскочил и прыжком бросился к двери. Белошей, как всегда, за ним. Потом он остановился и, обернувшись, поглядел на Блай. Она продолжала сидеть возле очага, снова живого от огня. До него вдруг что-то дошло. Он неожиданно понял, почему Блай не хотела смотреть на него все эти прошедшие луны. Она безотказно все для него делала, но при этом молчала. Все случилось гораздо раньше, до того, как он начал поправляться. Она перестала смотреть в его сторону после той последней стрижки овец. В его памяти четко встала горькая сцена во время стрижки и лицо Блай, мертвенно-бледное, с невидящими глазами. Такие глаза были у нее однажды, когда приходил бронзовых дел мастер со своим магическим кинжалом.

Он испугался, что понял слишком поздно. И, как всегда у него в таких случаях, страх вызвал приступ злости.

— Ах, я не добрый! — крикнул он, будто отшвырнул словами что-то внутри, как отшвыривают назойливую осу. Он повернулся и опять кинулся к двери, затем снова остановился на пороге. — Ну так что, ты идешь? Или мне идти одному? Там, на Холме Собраний, сегодня достаточно девушек.

И вдруг он увидел каким бешеным гневом вспыхнули ее глаза, будто злость его высекла в них ярость, как камень высек огонь в сердце серого кинжала.

— Кто мешает тебе выбрать девушку и прыгать с ней через костер, мой юный золотой бог?!

Злость Дрэма мгновенно испарилась. Он покачал головой.

— Мне они не нужны, Блай, — сказал он.

Она долго смотрела на него ясными, лучистыми глазами. Дрэм снова испугался, что она откажется. Но она улыбнулась и, все так же молча, стала укрывать огонь, чтобы его можно было оставить ненадолго без присмотра. Закончив, она легко вскочила на ноги и подошла к Дрэму.

Он взял ее руку в свою, и они, пригнувшись, шагнули за порог и утонули в лунном свете, в порывах весеннего ветра. С громким смехом они побежали навстречу Кострам Белтина, а по пятам за ними неся Белошей.